

Творческая Мастерская «Альтернатива – Арт»

в рамках реализации проекта с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов

«История. Люди. Память» – серия видеофильмов и репортажей об историческом наследии и об объектах, находящихся под угрозой исчезновения на территории Калининградской области»

№ 22-1-005642

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

туристический маршрут по

Гвардейскому району

**«От Тапиау до Полесска»
по левому берегу реки Дейма**

«Почти с поэтическим мастерством, которого Кант обычно старался избегать в своих повествованиях, рассказывал он мне об удовольствии, которое доставляло ему в молодые годы пребывание прекрасным летним утром в беседке дворянского имения, где он сидел с чашкой кофе и раскуренной трубкой на высоком берегу Алле. Он вспоминал при этом беседы в обществе владельца усадьбы и генерала фон Л., который был его хорошим другом. Всё представлялось старцу так ясно, будто он всё видел перед собой и наслаждался пребыванием в той компании. Чтобы улучшить его настроение, нужно было только иногда повести разговор в этом направлении, и он тотчас же становился радостным и довольным».

Ученик, секретарь и первый биограф Канта
священник из Кёнигсберга Эреготт Васянски.
«Иммануил Кант в последние годы жизни», 1804 год.

Биографы отмечают, что Канту была не очень по душе эстетика возвышенного в виде волнующегося моря, и он больше предпочитал уютные виды лесов, лугов и небольших речных долин.

«Мне знаком один единственный дом, расположенный за несколько миль от Кенигсберга, который часто на несколько дней посещал наш мировой мудрец, и где он ощущал себя совершенно счастливым – в его собственном вкусе. Это был родительский дом министра и канцлера фон Шрёттера в Вонсдорфе. Кант не уставал хвалить гуманность, которая царила в этом доме его друга, и сердечную дружбу, с которой этот замечательный человек всегда принимал его, и к которому он сохранил огромное уважение до старости. Его друг и хозяин дома никогда не ограничивал Канта ни в чем, давая ему возможность чувствовать себя совсем как дома, и наслаждаться приятнейшим деревенским отдыхом...»

Немецкий богослов и миссионер Рейнхольд Бернхард Яхманн.
13 письмо биографии «Иммануил Кант в письмах другу»,
опубликованной в 1804 г., т.е. в год смерти философа.

Лужайка на берегу реки Лава (Алле) была ещё в 20 веке известна у местных жителей как Кантовский луг (Kantlaube). Именно этот луг был одним из любимых воспоминаний в старости философа И. Канта, он вспоминал летнее утро в летнем домике, в компании хозяина поместья и генерала фон Лоссова. Можно предположить, что Кант гостил в этом поместье не раз, и в более поздние годы в период с 1763 по 1775 гг., и был вдохновлён на некоторые из его самых известных идей...

Российский президент В. В. Путин призвал к тому, чтобы сделать имя Иммануила Канта не только символом университета и города Калининграда/Кёнигсберга, но и всей Калининградской области. Это предложение представляется оправданным, если сопроводить ее пояснением о том, что Восточная Пруссия, родина Канта, которую он никогда не покидал, повлияла и на содержание его трудов.

На вопрос о том, оказала ли Восточная Пруссия влияние и на содержание творчества Канта, Карл Розенкранц и Фридрих Вильгельм Шуберт отвечают утвердительно:

«Между тем мы прекрасно осознаём, что философия Канта только тогда может быть понята правильно, когда она воспринимается в связи с историей прошлого столетия и в особой связи с литературной культурой Восточной Пруссии и в частности Кёнигсберга».

В своей «Истории философии Канта» Розенкранц прямо выводит прусскую склонность к философии из ландшафта:

«Пруссия вообще уже по своей природе является землёй, предназначенной к культуре духа. Суровые зимы, широкая равнина, кое-где пересекаемая цепью холмов, оживляемая множеством озёр, разрезаемая мощными водными потоками, заросшая вереском, лиственными и хвойными лесами... она просто способствует рефлексии. Именно житель Пруссии, Коперник, поместил землю в нашем сознании на подобающее ей в небесах место. Именно житель Пруссии, Кант, помог произвести революцию в старом мировоззрении и дал взойти солнцу духа, которое так долго искали где-то ещё, и для философии».

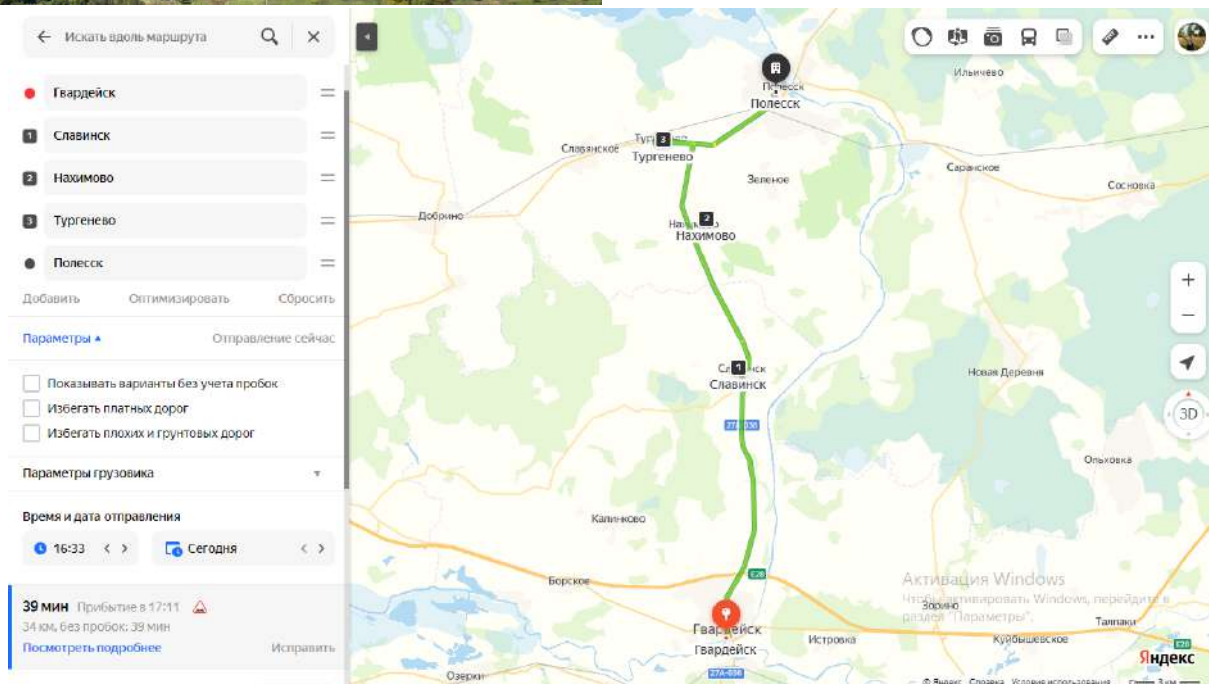

Статья Герфрида Хорста,
председателя общества «Друзей Канта и Кенигсберга»,
2014 года «По Кантовским местам».

Прусская широкая равнина, кое-где пересекаемая цепью холмов, оживляемая множеством озёр, разрезаемая мощными водными потоками, заросшая вереском, лиственными и хвойными лесами просто способствует рефлексии.

Развивая темы сюжетов проекта «История. Люди Память» о замке Тапиау, прусских усадьбах и гидротехническом проекте реки Дейма, проложим и наш туристический маршрут от города Гвардейска до Полесска вдоль судоходного канала от Тапиау до Лабиау.

Путь наш проследует от замка Тапиау в Гвардейске через посёлок Славинск Гвардейского района, который до 1945 года являлся одним из 9 крупных населённых пунктов со своим церковным приходом крайса Велау Гольдбах (Goldbach). Найти его не сложно – от Гвардейска нужно выехать в сторону посёлка Забарье и по левому берегу реки Дейма, минуя Ясеньское, Поддубное, можно оказаться в Славинске. В посёлке Славинск задержимся ненадолго, и продолжим путешествие через посёлок Нахимово Полесского района, здесь мы тоже остановимся, а затем заглянем в Тургенево и отправимся к мосту через Дейму в Полесске.

В XIV веке Тапиов считался одной из важнейших баз Тевтонского ордена в его набегах на Литву. За это время здесь перебивалась масса представителей высшей знати: герцог Альбрехт Австрийский, совершавший со своими войсками крестовый поход против язычников в 1377-м, год спустя – герцог Лотарингский, в 1390 и 1391 годах тут останавливался Генрих Дерби, будущий английский король Генрих IV.

А когда в 1385 году в результате политических интриг вынужденный бежать от своего брата Ягайло в Пруссию Великий князь литовский Витовт решил перейти в христианство, дабы заручиться поддержкой ордена, крестили его в капелле Тапиова.

А глубокие замковые подвалы использовались в качестве тюрьмы для политических заключенных. Одним из них в 1474 году стал епископ Замланда Дитрих фон Куба, с именем которого, в основном, и связана недобрая слава этого замка.

*«Давняя приязнь между Литвой и Пруссией ушла в забвение,
Но иногда любовь сближает людей. Знал я двоих...»*

из поэмы Адама Мицкевича «Конрад Валленрод»

В нескольких верстах от Кранца, обойдя кладбище и минуя острова бурьяна, Мицкевич вышел к морю. Вайделот, суровый и немногословный старик малого роста, остался в кибитке вместе с извозчиком. Вчера на Куршской косе Мицкевич пару раз заговаривал с Вайделотом, в основном, на дорожные темы. Но однажды произошёл отвлечённый разговор. Это было ближе к вечеру. Всмотриваясь, как блуждающие дюны немилосердно наступают на леса, засыпая рыбацью деревню, Мицкевич вспомнил стихотворение литовского поэта, бывшего в то время профессором университета в Королевце – Людвикаса Реза, критик, филолог, переводчик, протестантский пастор.

*«Время своим всемогущим перстом
ввергает в запустение поля,
превращает замки в руины», –
произнёс Мицкевич. «Нет, не
время, сынок», – неожиданно
отозвался Вайделот. Они стояли на
холме. По одну сторону виднелся
краешек безмятежного залива, по
другую бушевало Балтийское море,
а перед глазами раскинулась
пустыня, прерываемая редкими
островками зелени. «Совсем как*

море», – подумалось Мицкевичу. *«Не время повинно в смерти полей и лесов, замков и сёл»,* – минуту помолчав, повторил Вайделот. И показал рукой на набегающие валы моря: *«Морская гидра извергает из пасти несчётные волны песка, которые покрывают, словно саваном, прибрежные луга. Тщетно зелёные росточки пытаются пробиться сквозь песок. Вал за валом, лавина за лавиной, и нет уже зелени, кругом одна пустыня – от моря до залива... Мне говорили друзья, ты пишешь стихи, может, разгадаешь смысл моей притчи. Так вот: зелень, покрытая саваном – это мы, литовцы и бедные наши братья, пруссы, а волны песка – воинственные тевтоны, которые когда-то опустошили нашу землю. Так что не время и не песок забвения, не прав твой пиит. Идёт война между морем и сушей. И так будет ещё сотни лет».* Вайделот умолк. Казалось, в воцарившейся тишине можно было услышать полёт журавлей в небе. Всю оставшуюся дорогу из памяти Мицкевича не выходили слова Вайделота. Над ними он размышлял и сейчас, в нескольких верстах от Кранца, приближаясь к берегу моря.

На следующее утро, выезжая из Кранца, Мицкевич думал о том, что предпринятая им поездка стала одной из самых бесцельных и безысходных в его жизни.

Однако, несмотря на отсутствие видимого исхода, был в ней свой, не до конца осознаваемый им метафизический смысл, и он ложился тенью на все последующие события его жизни. Мицкевич ступил на чужую землю, перейдя границу, зайдя за край. Прощаясь с Кранцем, он сказал Вайделоту:

– В путь! Никто не позовёт...

Слова, которые, спустя годы, станут жизненным девизом Адама Мицкевича.

Фрагмент рассказа «Мицкевич в Кранце» Леонида Мальцева, рассказ был опубликован под названием «В песке забвения» в журнале «Берега», 2017, № 6(24), с. 80-85.

С Адамом Мицкевичем мы перемещаемся с берегов Балтийского моря, излюбленного многими курорта Кранц, вслед за «воинственными тевтонами» в глубь языческой Пруссии и героями нашего путешествия станут магистры Тевтонского ордена – Конрад Валленродт, Конрад и Ульмрих фон Юнгиннгены, Генрих Ройсс фон Плауэн и безусловно Альбрехт

Бранденбургский...

Всегда считалось, что рыцари появляются в нелегкие времена — когда потеряна сама надежда на торжество добра и справедливости. Смысл рыцарства изначально заключался в том, что, получая кусок земли, воин должен был за счет доходов с него экипировать себя и своих вассалов для защиты государства. Важнее другое — с самого

начала рыцари осознали себя, как особое сословие. В условиях средневековой раздробленности можно было выжить, только примкнув к какой-либо корпорации. Такой корпорацией стало и рыцарство.

Посвящение было знаковым моментом в жизни каждого юноши, заслужившего право на белый или черный плащ, а рыцарские правила — не игрой, а «нормой жизни». И хотя этика братьев кое в чем противоречила христианским догмам — ища славы, недолго впасть в грех гордыни — они считали себя верными сынами Церкви. Как ее форпост в сражении со злом, на заре Крестовых походов возникли военно-монашеские ордена. Их члены, принимая обеты монахов, в бою вели себя, как настоящие мирские воины.

«...Рыцарю принадлежит меч, имеющий крестообразную форму; это свидетельство того, что он призван побеждать и уничтожать своим мечом противников креста, подобно тому, как Иисус Христос победил на кресте смерть, которой мы были наказаны по вине прародителя нашего Адама. И как меч заострен с обеих сторон, а рыцарство призвано утверждать справедливость, — справедливость заключается в том, чтобы каждому воздавать по заслугам...

Рыцарю принадлежит копье, что свидетельствует об истине, ибо истина не извилиста, но пряма, и она опережает ложь. А наконечник копья символизирует преимущество, которое имеет истина перед ложью, штандарт же свидетельствует о том, что истина открыта и не страшится лжи и обмана...

Рыцарю принадлежит шлем, символизирующий совесть, ибо бессовестный рыцарь не будет подчиняться установлениям рыцарства. Отсюда следует, что как совесть пробуждает в людях стыдливость и заставляет их опускать глаза долу, так и шлем не позволяет человеку задирать слишком голову и заставляет его смотреть перед собой, и не опускаться слишком, и не воспарять. Подобно тому, как шлем предохраняет голову, самую ценную часть человеческого тела, расположенную над другими, совесть предохраняет рыцаря, предназначение которого, после священника, самое благородное из всех существующих, от подлых умыслов, дабы благородство его духа не запятнало себя низостями, обманом или иными дурными поступками...»

Философ Раймон Льюль. «Книга о рыцарстве» 1275 года.

Многие ученые новейшего времени иронически называют книгу о рыцарстве Раймона Льюля «Манифестом коммунистической партии», на протяжении всего Средневековья она воспринималась, как своеобразное пособие для начинающих братьев.

Мир, в который пришли рыцарские объединения, был миром одной идеи — отвоевать гроб Господень и освободить землю, на которой страдал Спаситель. Европейские христиане видели в этой священной битве всеобъединяющую задачу. Ни смерть, ни нужда не пугали их — настолько высокой казалась цель. Эта внутренняя сила, наполнявшая души и простых смертных, и правителей, подобно Вифлеемской звезде, вела первых рыцарей на Восток.

Для европейских братьев рыцарство превращалось в пожизненный добровольный крест. В вооруженной борьбе за правое дело они видели средство спасения душ — не только душ неверных, но и своих собственных. Быть рыцарем означало стремиться к Идеалу, который, являясь недостижимым, как Солнце, отогревал сердце отблесками добра и справедливости.

«...Лишенный любви рыцарь будет жесток и безжалостен, а коль скоро жестокость и безжалостность чужды природе рыцарства, то рыцарю надлежит быть милосердным. Ибо если нет в рыцаре потребности в любви к Господу и к своему ближнему, как сможет он возлюбить Господа и сострадать немощным, и откуда возьмется в нем жалость к побежденному противнику, зывающему к его жалости? Если бы любовь была чужда его сердцу, как мог бы он принадлежать к рыцарскому ордену?»

Этот вопрос задал в XIII веке Раймон Льюль. И сам же себе ответил:

«Именно любовь связывает воедино все добродетели и отчуждает пороки; любовная жажда неутолима для любого рыцаря и для любого смертного, чему бы он себя ни посвятил; благодаря любви бремя рыцарства оказывается не столь тяжелым. И как безногий конь не смог бы нести на себе рыцаря, так и лишенный любви рыцарь не смог бы вынести то бремя, которое его благородное сердце взвалило на себя во славу рыцарства...».

Эта вера была тогда столь велика и несокрушима, что люди шли на смертельный риск и тяжкие испытания, лишь бы прикоснуться к ее истокам. Чтобы оказаться на Святой Земле, пилигримы переносили многодневные и опаснейшие путешествия по морю, где хозяйничали свирепые и беспощадные пираты. Да и Земля Обетованная не всегда

встречала паломников материнскими объятиями. Ждал их долгий, нелегкий путь под палящим солнцем Палестины...

Фрагменты из книги Е. Мансуровой «Полная история рыцарских орденов в одной книге»

В раннем средневековье Европа распалась на множество социальных ячеек, мир сузился до пределов княжества, замка, монастыря. В 1073 году на папский престол взошел клюнийский монах Гильденбранцт — папа Григорий VII. Клюнийский монах — не только географическое понятие, обозначающее обитателя монастыря Клюни в Бургундии, но и знамя борьбы папы и монастырей за очищение, укрепление и централизацию католической церкви. Клюнийцы требовали соблюдения монастырского устава, борьбы с распущенностью монахов и священников, безбрачия священников. Григорий дополнил программу клюнийцев тезисом о непререкаемости власти папы, который может низлагать светских владык и освобождать их подданных от присяги. В борьбе с германскими императорами Григорий потерпел поражение, но борьба, которую он вел, не прекратилась, и основными союзниками пап были монастыри.

Поддерживаемые папами, они объединялись в конгрегации — клюнийская к началу XII века насчитывала две тысячи союзных монастырей. Конгрегации монастырей все чаще называли духовными орденами (от латинского слова «ордо» — организация). Создание многочисленных орденов приблизило монашество к политике. Участвуя в мирской жизни, монашеские ордены стремились к приложению своих сил, к экспансии.

Монахи принимали активное участие в подготовке первого крестового похода. Призыв папы Урбана II был подхвачен проповедниками, наиболее известный из которых Петр Пустынник поднял громадную армию бедняков и довел ее до Малой Азии, где в первом же сражении в октябре 1096 года она была вырезана тюрками-сельджуками. Задача завоевания «Святой земли» выпала на долю куда лучше вооруженных и организованных рыцарских армий европейских государей.

Иерусалим пал в 1099 году.

После взятия Иерусалима и возникновения на Ближнем Востоке христианских государств туда устремились и монахи. Но жизнь в тех краях была нелегкой — нападения мусульман, непривычный климат, растянувшаяся на десятилетия жизнь военного лагеря, свары баронов, неуверенность в завтрашнем дне толкали монахов к созданию своих союзов, могущих за себя постоять.

Еще до начала крестовых походов итальянский купец Маурис основал в христианском квартале Иерусалима духовное поселение: мужской и женский монастыри, госпиталь для пилигримов и при нем часовню Иоанна Милостивца. С появлением крестоносцев и переходом Иерусалима в их руки значение этого комплекса сильно возросло. Так в 1048 году в Иерусалиме появилась христианская миссия — hospital — родилось братство, основной целью которого стала забота о безопасности и здоровье паломников. Они получали там, по современной

терминологии, полный комплекс услуг — проживание, питание, медицинскую помощь, причем, — абсолютно бесплатно. Госпиталь был способен принять и обслужить огромное, даже по нынешним меркам, количество людей одновременно.

Начал действовать при нем храм Святого Иоанна Предтечи, а служивших там братьев

стали называть красивым словом «госпитальеры».

Провансалец Гергард, возглавивший братство в 1099 году, был близок к иерусалимскому королю Балдуину и папе Пасхалию, и, когда вставал вопрос о том, кому направлять дары верующих в Иерусалиме, адрес был известен: братство святого Иоанна, слуги госпиталя в Иерусалиме.

После покорения Иерусалима многие из рядовых рыцарей оказались не у дел. Власть в новом королевстве захватили бароны и их приближенные. Не разбогатев и не имея причин спешить домой, эти рыцари искали себе занятия. Некоторые из них присоединялись к монахам-госпитальерам, ухаживали за больными товарищами и за приезжающими в Иерусалим паломниками. Госпиталь рос, и к началу XII века в нем пребывало одновременно до двух тысяч больных и раненых.

Коренное изменение в жизни госпитальеров произошло в 1118 году, когда братство изменило свою структуру. Госпиталь и монастыри остались, но при этом в братстве возникла военная ветвь. В ней не было монахов — туда принимали лишь рыцарей благородного происхождения. Создание военной ветви, естественное в жестоком и ненадежном мире Палестины, превратило братство в духовно-рыцарский орден. Отныне орден сам охранял свое имущество.

Пример госпитальеров оказался заразительным. Рыцари, не желавшие служить баронам, нашли применение своим силам. В 1120 году два рыцаря решили взять на себя охрану пилигримов от разбойников. Гуго Пайенский и Готфрид Сен-Омер пригласили в компанию еще семерых французских благородных рыцарей с дружинами. В 1123 году новый орден был признан патриархом иерусалимским. Члены его дали обет целомудрия, бедности и борьбы с неверными.

*Члены ордена госпитальеров (иоанниты) в XII в.
Слева — духовный брат ордена, справа — рыцарь.*

Иерусалимский король Балдуин, желая использовать рыцарей в своих интересах, предоставил новому ордену крыло в своем дворце, на месте которого когда-то стоял храм Соломона. Храм — по-французски «тампль». Поэтому орден получил официальное наименование «Бедные братья Иерусалимского храма» и прославился под названием ордена тамплиеров, или храмовников. Этот орден также делился на несколько разрядов.

Рыцарями его могли быть знатные дворяне, им же принадлежали в ордене все руководящие посты, служителями ордена могли стать богатые горожане, занимавшие в нем должности оруженосцев или управителей. Наконец, в ордене состояли и монахи.

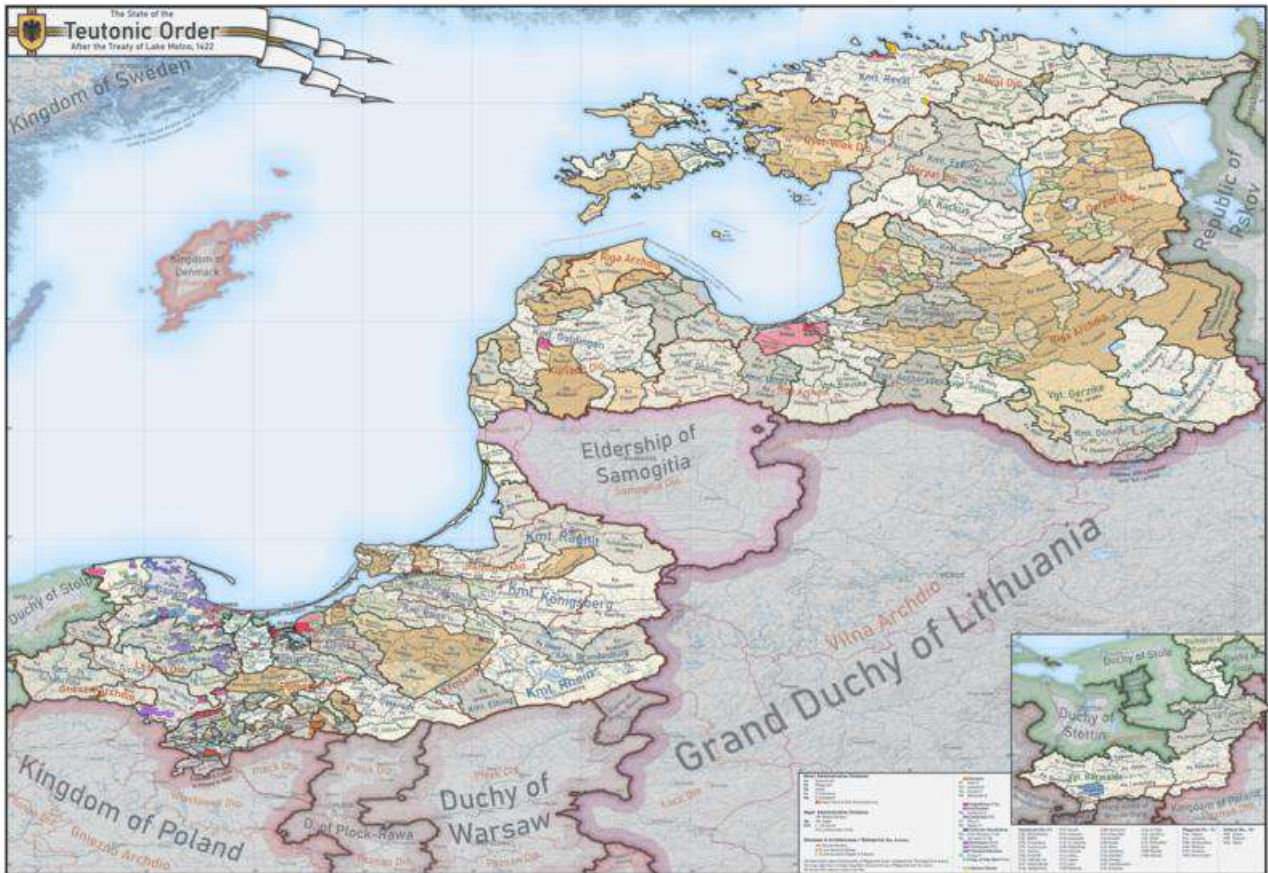
Несколько позже возник еще один крупный орден, на этот раз немецкий. В Иерусалиме был странноприимный дом для немецких паломников, но долгое время он подчинялся ордену госпитальеров, которым руководили французы. В 1189 году во время осады Акры немецкие монахи заняли пришедшее в негодность судно и устроили там больницу для раненых немецких рыцарей. Она и послужила базой для создания в 1197 году Немецкого ордена. Впоследствии «Братья немецкого дома», обычно именуемого Тевтонским орденом, построили себе близ Акры Монфортский замок, который являлся его центром до 1271 года.

Фрагмент из книги Игоря Можейко «Награды»

Рыцарский Тевтонский Орден представлял собой вооружённую монашескую организацию во главе с Великим Магистром, основанную в Палестине во время крестовых походов в 1190 – 1191 годах по уходу за больными. Потеряв необходимость своего присутствия в Палестине, Центральной и Восточной Европе, Орден отправился на Восток обращать язычников в христианскую веру с помощью оружия. Четвертый Великий Магистр ордена Герман фон Зальца принял призыв герцога Мазовецкого, заручившись письменным подтверждением от императора Фридриха II «Золотой буллой папы Римского» в 1226 году о принадлежности всех завоеванных территорий в Пруссии Ордену.

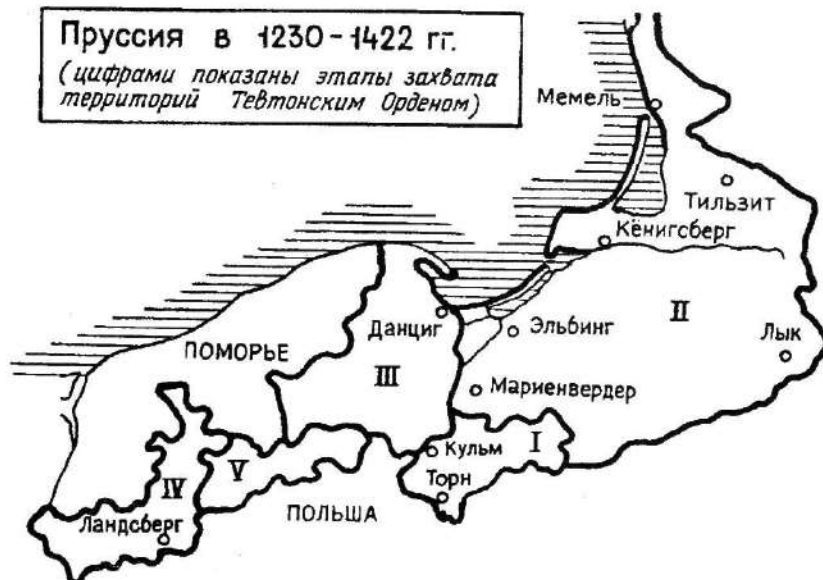
Весной 1231 года под предводительством нового ландмейстера Германа Балка семь братьев-рыцарей, узнаваемых по черному кресту на белом плаще, и толпа из нескольких сотен крестоносцев переправились через Вислу у Несая и захватили первое прусское укрепление. В том же году они построили здесь замок Торн.

Теперь с перерывами последовала многолетняя борьба, которая велась с обеих сторон с обычной в то время жестокостью и жёсткостью. Однако орден действовал осторожно и планомерно при захвате страны. На каждой покоренной территории сначала возводили замки, а затем её заселяли и обустроивали поселения и города, прежде чем подвергнуть вооружённому нападению следующий район. Орден намного превосходил пруссов в вооружении, ведении войны и строительстве крепостей, но завоеватели не имели численного превосходства, учитывая даже то, что пруссам не удалось объединить все племена для совместного сопротивления. Во время восстаний Орден понес большие потери и неудачи. В конце концов, после 53-летней войны вся Пруссия оказалась в руках Ордена.

Восточные прусские племена были окончательно покорены, поэтому в 1277 году все силы Ордена были брошены на северо-восток, земли отважно сопротивлявшегося Шалауэра. Часть этого относительно небольшого племени, проживавшего также в северной части будущего района Шлоссберг, отказалась покориться и бежала к литовцам, родственниками этого племени. Остальные принявшие христианство были переселены в западные районы Пруссии. Местность обезлюдела.

Год спустя орден поступил аналогичным образом с Надровией, и в 1283 году густонаселенный район Судовии наконец сдался. Местных оставшихся жителей переселили во внутренние районы Ордена, в основном на территорию Замланда.

Три теперь необитаемых восточных района быстро зарастали (примерно к востоку от линии Лабиау-Веллау-Лётцен), создавая дикую природу, похожую на пустоши. Вероятно, это было намерением ордена, потому что полоса дикой природы шириной около 200 км служила естественной защитой между центральной территорией государства ордена на западе и языческой

враждебной Литвой на востоке. Будущий район Шлоссберг был частью этой, так называемой, Великой пустоши, в которой в течение 200 лет простирались редкие европейские леса и густой вереск.

Но эта дикая необитаемая местность не была пустынной: на важных транзитных пунктах жили «следящие за тропой», состоявшие на службе у ордена, они размещали постоянные дворы и оказывали услуги разведчиков. Охотники и сборщики меда тоже бродили по этой дикой местности и добывали необходимые на продажу шкуру, воск и всё то, чем можно было торговать.

Немецкий рыцарский орден в Пруссии создал современное для того времени государство «Пруссия» с образцовой финансовой экономикой и высокоразвитым управлением. В 1309 году резиденция рыцарского ордена была перенесена из Венеции в новый построенный замок Мариенбург. Верховный магистр теперь был не только духовным главой орденов братьев, но и регентом орденового государства, так называемый, рейхсфюрером. Для управления земля была разделена на комтурства.

Основной заслугой Тевтонского ордена является создание за сто лет процветающего европейского культурного государства из нетронутой Пруссии. Это наиболее наглядно проявилось в богато развернутом строительном искусстве орденов замков, монастырей, в разнообразной историографии, в особой поэзии и, прежде всего, в планомерном освоении и заселении страны.

Только в XIV веке, в период расцвета орденового государства, было основано 93 города и 1400 деревень. Кто были жители и откуда они?

Почти половину населения орденового государства составляли коренные пруссы, жили они исключительно в сельской местности небольшими деревнями. Остальные жители были немцы-иммигранты, переселившиеся на восток в основном из северных и центральных, а также из южных земель Германии. В качестве фермеров они селились в созданных из лесных наделов деревнях, но, прежде всего, – в качестве ремесленников в небольших и многочисленных городах.

На протяжении нескольких поколений пруссы переняли у немцев лучшие ремесленные и сельскохозяйственные методы, их более высокую культуру и, наконец, их язык: покорённые пруссы и переселившиеся немцы слились в Пруссию. Тем не менее, прусский язык просуществовал около 400 лет, прежде чем был забыт в конце 17 века.

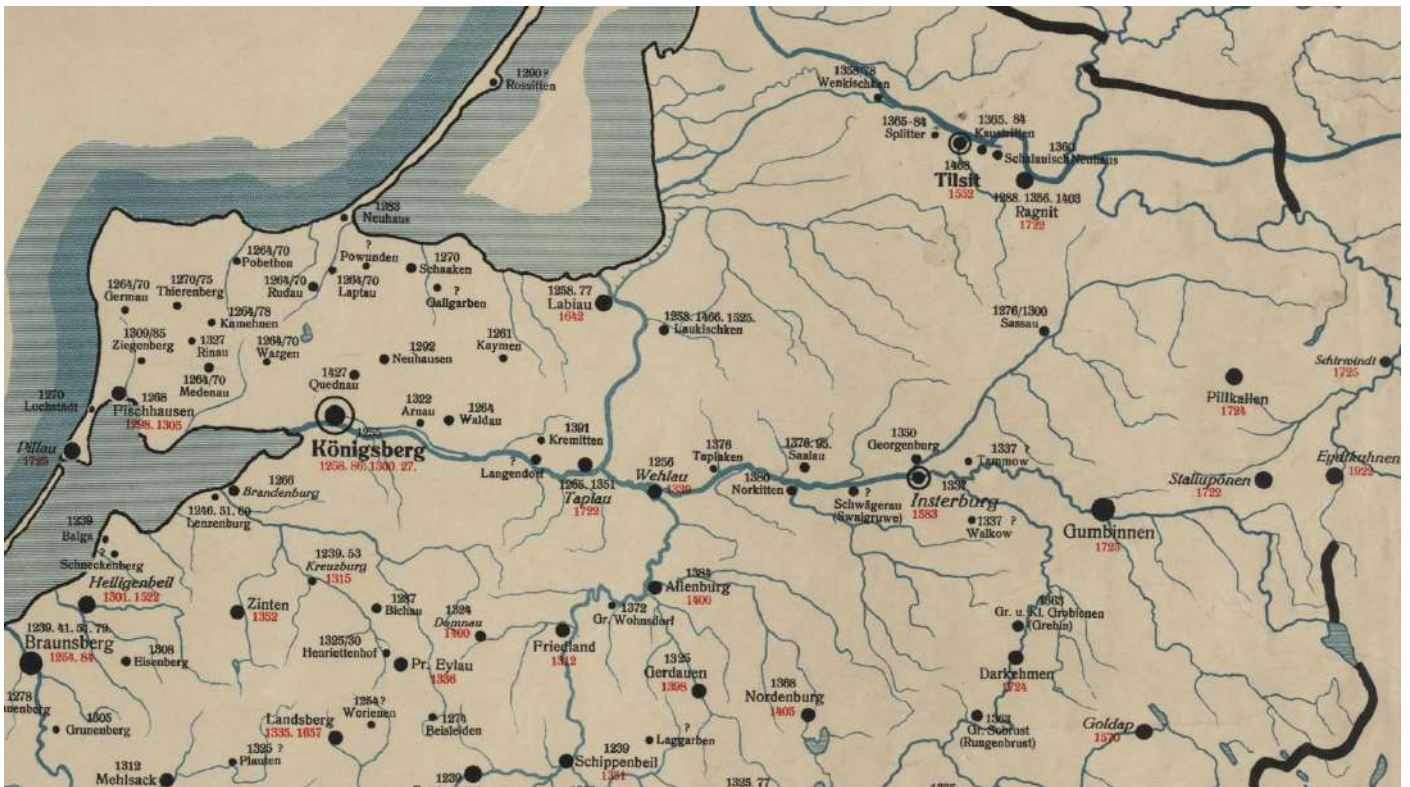
Но вернемся к орденовому государству. После крутого подъема к крупной европейской державе с территорией, простирающейся от Одера до Финского залива, Орден рухнул в 15 веке. Великий князь Литовский Ягайло принял христианство и женился на наследнице польской короны. Новая польско-литовская уния провоцировала Орден на военные столкновения.

В одном из величайших сражений средневековья, битве при Танненберге в июле 1410 года, армия Ордена потерпела сокрушительное поражение. Великий Магистр Ульрих фон Юнгинген и почти все командование пали в битве.

Последующие войны привели и к экономическому разорению Ордена. Даже Мариенбург пришлось отдать под залог лидерам наемников, которые продали замок польскому королю в 1456 году. После этого Великий Магистр перенес свою официальную резиденцию в Кёнигсберг. Второй Торнский мир 1466 года закрепил

лишения орденского государства Пруссии. Большая часть территории была потеряна. Государство сократилось до области, которая включала примерно более позднюю Восточную Пруссию без Вармии.

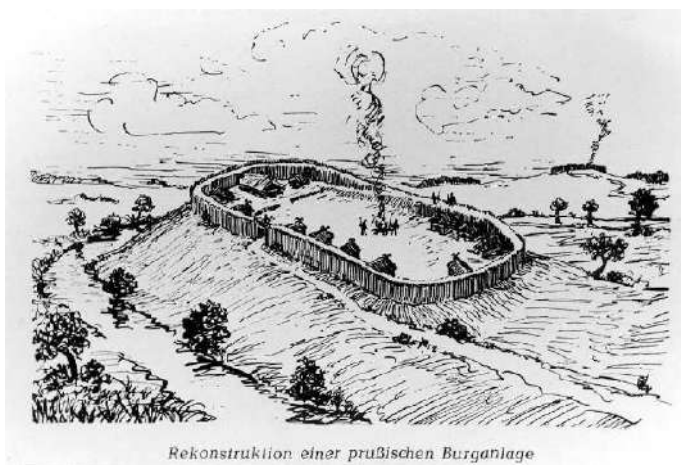
Еще в 1422 году Тевтонский орден и Литва договорились в Мельно-зее Мирным договором о границе между своими государствами в районе Великой пустоши. Пустошь была разрезана, сократив её, практически, вдвое по длине. Эта новая граница между Пруссией и Литвой просуществовала около 500 лет. Она считалась одной из старейших государственных границ в Европе и была поставлена под сомнение Литвой только в 1919 году к северу от Мемеля.

Эта граница, как культурная граница, отчетливо проявлялась и внешне. Кусок этой древней пограничной линии пролегал по рекам Ширвиндт и Шешупе, начинался между деревнями Дайне и Гренцхайде, и являлся восточной границей будущего крайса Шлоссберг.

Чтобы улучшить экономическое положение оставшейся части орденского государства, рыцари начали колонизацию земель Великой пустоши. При последнем Великом Магистре и первом герцоге Альбрехте Бранденбург-Ансбахском, Гогенцоллерне франконской ветви, началось заселение крайних восточных земель Прусского государства.

Фрагмент фундаментальной работы «Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг» профессора Эрвина Шпера (Erwin Spehr), родившегося в Восточной Пруссии, в округе Пиллькаллен (с 1938 г. Шлоссберг), в поселении Беднорене (после 1938 г. Штансдорф) – ныне посёлок Новинки Краснознаменского района Калининградской области. Увлечением профессора Шпера была история Восточной Пруссии и исследование старых прусских фамилий. Результатом этой деятельности стали многочисленные публикации в «Ассоциации семейных исследований в Восточной и Западной Пруссии» (VFFOW), в Остпрройссенблатт (Ostpreußenblatt/PAZ) и в заметках окружной общины Шлоссберг/Восточная Пруссия.

Rekonstruktion einer preußischen Burganlage

История Гвардейска началась задолго до Тевтонского ордена. В районе современного города у слияния Деймы и Преголи находилось прусское селение Зугубри. Недалеко находилась и прусская крепость с таким же названием. По преданию крепость основал витинг (так крестоносцы называли представителей прусской знати) Сапелле. Вся местность вокруг называлась Тапиов. Поэтому, спустя

некоторое время, селение получило другое название Тапиом.

Впервые рыцари Немецкого ордена появились здесь в конце 1255 года, во время похода на Земланд. Во время подавления прусского восстания в 1265 году, братья ордена основали на месте селения Тапиом деревянную крепость. Оригинальничать с названием они не стали и назвали ее как местность вокруг – Тапиов. По замыслам крестоносцев крепость должна была стать своеобразным форпостом на пути в Кёнигсберг из Надровии.

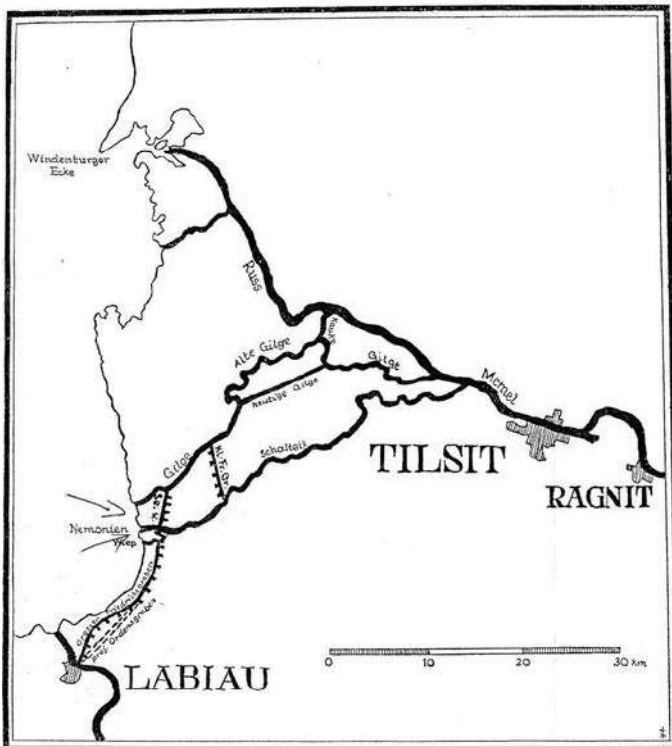
После же окончательного подавления прусского восстания в 1272 году колонисты основали здесь поселение, как обычно – у стен крепости. В 1275 году крепость подверглась осаде и штурму литвинов. Несмотря на некоторые успехи, взять крепость они не смогли. Однако осада показала неудачное месторасположение крепости.

Поэтому в 1280 году рыцари ордена перенесли замок на окруженный с трех сторон водой полуостров. После оборудования крепостного рва крепость оказалась соединенной с землей только подъемным мостом. Тогда же в 1280-м Тапиов стал центром комтурства и оставался им до 1301 года. Известно имя первого комтура Тапиова – Ульриха Бавуаруса.

Спустя год в 1281 году он погиб в сражении с племенем судавов.

После переноса столицы ордена в Мариенбург в 1309 году на прусских землях окончательно оформилось государство Тевтонского ордена. Это способствовало постройке новых замков из камня. Тапиов был перестроен в камне в 1340 году. Окончательное завершение работ по строительству замка Тапиоу произошло в 1350 году под руководством маршала ордена Зигфрида фон Даненфельде.

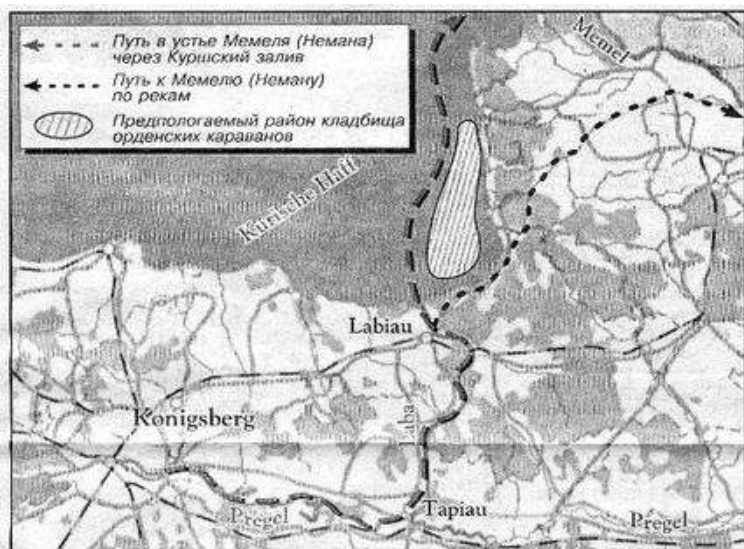
Тогда же был построен канал со шлюзами Тапиов – Лабиев (Полесск), предназначенный для осуществления водных коммуникаций внутри страны. Понимая важность использования рек в транспортных и стратегических целях, орден с 1372 года начал проводить гидростроительные работы на реке Дейме. Была предпринята неудачная попытка соединить Дейму с рекой Мемель, минуя опасный для мореплавания Куршский залив.

Средневековье. В то время на малозаселенных лесисто-болотистых пространствах Пруссии было мало дорог и основными внутренними путями сообщения являлись реки, озера и заливы.

Но мелководье и извилистость рек затрудняли судоходство и требовали принятия действенных мер по улучшению фарватеров.

В 1395 году по распоряжению Великого магистра Тевтонского ордена Конрада фон Юнгингена было спрямлено и расширено извилистое русло реки Деймы. Фактически был прорыт глубокий судоходный канал от Тапиау (Гвардейск, Калининградская область) до Лабиау (Полесск) Это был первый практический шаг на пути к созданию обустроенной речной судоходной сети в бассейне реки Прегель.

В результате работ на реке, Дейму спрямили и расширили, построили канал в 1395 – 1410 годах, а в 1430 году — шлюз у Лабиау.

В дальнейшем Дейма стала глубоким судоходным каналом от Тапиау до Лабиау. Это был первый практический шаг на пути к созданию обустроенной речной судоходной сети в Восточной Пруссии. Затем на протяжении четырёх столетий шаг за шагом были спрямлены и углублены другие реки,

построены малые и большие судоходные каналы.

В 1383 (в другом источнике 1385) году в замке Тапиов произошло событие, связанное с именем загадочного Валленрода, – Великий князь литовский Витовт принял обряд католического крещения в капелле Тапиова. Он надеялся на помощь Тевтонского ордена в борьбе за власть в Литве.

В присутствии братьев Ордена Конрада фон Валленрода и Виганда фон Бильдесхайма сын князя Кейстута, язычник, принял веру Христову. Однако, это католическое крещение не помешало князю Витовту во время венчания с русской княжной Марией Лукомской перекреститься по православному обряду, поскольку вёл предательскую политику по отношению к Ордену.

Но когда князь Витовт выступил против польско-литовского короля Ягайло, то мятежник был вынужден бежать в Пруссию вместе со своей женой... и её братом, князем Смоленским. Она, её брат, её родственники князя Бельтские, Витовт — все они проживали какое-то время в замке Кремиттен, сейчас на месте замка установлена нефтяная вышка в районе посёлка Лозовое Гвардейского района.

Я. Матейко. Витовт. 1891 г.

Литовский князь Ягайло он же и польский король, противник Витовта и его же двоюродный брат, всё больше делал упор на польское рыцарство, не имея явной поддержки в Литве. Он сомневался в надёжности литвинов, убрал из Литвы непопулярного Скиргайло, направив его в Киев, заручился поддержкой мазовецкого князя, передав ему города Дрохичин и Мельник. Ослабевшим Литовским княжеством из-за гражданской войны и польско-орденской интервенции старательно пользовались московские князья, продолжая всеми способами отказывать литовским князьям во власти в русских землях. Ягайло надо было срочно решать проблему с Витовтом.

Хитроумный князь и король нашёл достойный компромисс и решился на значительные уступки Витовту, сохранив при этом правовую основу своей вотчины и власти. Он отправляет в Пруссию к Витовту зимой 1392 года тайного эмиссара, брата мазовецкого князя, епископа Плоцкого – электа Генриха. В качестве предлога он посватался к сестре Витовта Римгайле. Прибыв в замок Риттерсвердер близ Ковно, который был передан Витовту, Генрих при встрече рассказал Витовту о предложениях Ягайло, который при условии его отказа от союза с орденом обещал вернуть ему Тракайское княжество и пост наместника во всём Великом княжестве Литовском. Вильня должна была стать княжеской резиденцией, а все замки и крепости страны переходили в его подчинение. Предлагаемый компромисс делал Витовта фактическим, а Ягайло – лишь номинальным властителем Литвы. Соблазн был так силён, что Витовт колебался недолго. Этим соглашением он достигал своей цели, ради которой было затрачено столько усилий и принесено столько жертв.

Но сразу выступить против ордена Витовт не мог, следовало позаботиться о своих многочисленных заложниках. Наряду со многими боярами и знатными людьми надо было спасать и своих родственников – брата Сигизмунда, шурина князя Смоленского, князей Ивана и Георга Бельтских, а также супругу, которая находилась в замке Кремиттен недалеко от Тапиау.

Молодой Витовт.
Картина Я. Малинаускайте.

В мае 1392 года Витовт с вооружённым отрядом вторгся в Литву, разоряя край, он дошёл до Мядининкая близ Вильни. В то же время, в мае месяце, к верховному магистру в Мариенбург от венгерского короля Сигизмунда прибыл посол с важным поручением, что и отвлекло руководство ордена, позволив Витовту тщательно подготовиться к решительному шагу. В июле Витовт неожиданно атаковал Риттерсвердер, захватил в плен орденский

гарнизон, крепость уничтожил огнём. Подойдя к Гродно, он укрепил его гарнизон и штурмом взял две орденских крепости, стоящих на противоположном берегу Немана, – Ной Гартен и Метен. Прибывший в Литву Ягайло встретился с Витовтом 5 августа близ Лиды в Островском дворе, где был заключён договор. Согласно Островскому договору, в Великом княжестве Литовском возникла центральная, отдельная от Польши инстанция, ограничившая деятельность польских сословий.

С изумлением и гневом принял магистр ордена известие о коварстве и предательстве Витовта. Все достигнутые с ним соглашения были разрушены, дружественные связи разорваны, договор с королём Польши о мире, на который так надеялся магистр, остался не заключённым, и шансов на это было очень мало...

Кто же был тот самый великий магистр, надеемся, очевидно... но о нём подробно расскажем чуть позже.

Кстати, комтур замка Инстербург, в котором останавливался Витовт перед своим крещением в замке Тапиау, принял в судьбе мятежного князя самое горячее участие. Родственник Витовта, сопровождавшего его Томас Сурвилль, ещё тогда вступил в Орден и стал переводчиком, а впоследствии сделался настоятелем Ростенбурга. У Витовта же были немного другие далеко идущие планы...

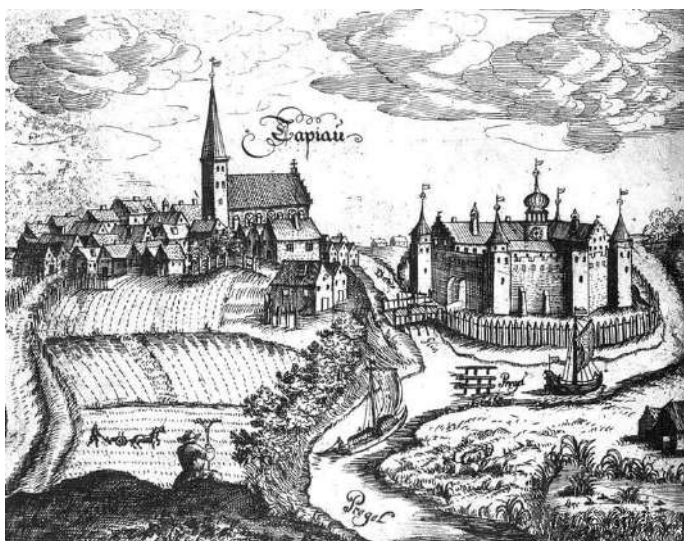

В 1390 – 1391 годах во время похода против Великого княжества Литовского в замке Тапиау останавливался граф Генрих Дерби, будущий король Англии (1399 – 1413) и основатель Ланкастерской династии Генрих IV Болингброк. Как участник очередного крестового похода в Литву Генрих Дерби останавливался в одном из трактиров близ замка Инстербург.

В летописях есть упоминание о том, что граф Дерби, решив отправиться громить язычников налегке, оставил в Инстербурге свои вещи. Поход затянулся, но прусс, которому были поручены графские вещи, хранил их самозабвенно и преданно.

За что получил от вернувшегося Дерби вознаграждение — одну (!) прусскую марку. А ведь на одном только бархатном камзоле будущего короля было нашито полтора килограмма бриллиантов. Не говоря уже о таких «мелочах», как драгоценные кружева, рубашки тончайшего полотна и золотая посуда...

С 1450 года Тапиом называют Тапиау. Во время Тринадцатилетней войны замок был взят войском Прусского союза, но на следующий год вновь отбит сторонниками Тевтонского ордена.

В 1457 (в другом источнике в 1460, в третьем — 1469) году в замок Тапиау привозят архив и библиотеку Тевтонского ордена из Мариенбурга (Мальборк, Польша). Архив находился в замке до 1722 года. По некоторым сведениям, вместе с архивом ордена в замок Тапиау были перевезены реликвии, святыни Мариенбурга (иконы, часть Святого креста, переданного в своё время Ордену).

А поселение Тапиау всегда оставалось в тени охранявшего его замка.

Материалы из книги А. П. Бахтина «Немецкий орден», 2020 года

«Мы назвали нашу повесть исторической потому, что характеристика действующих лиц и все описания важнейших упоминаемых в ней событий основаны на исторических данных. Хроники того времени, сохранившиеся и отрывочные, часто требуют догадок и должны быть дополнены домыслами, чтобы на их основе воссоздать какое-нибудь историческое целое.»

Излагая историю Валленрода, я допустил домыслы, но я надеюсь, что сумею оправдать их соответствием исторической правде. Согласно хроникам Конрад Валленрод не происходил из известного рода Валленродов, хотя выдавал себя за члена этого рода. Он был как будто чьим-то незаконнорожденным сыном. Кёнигсбергская хроника (библиотеки Валленрода) указывает: “Он был сыном церковного служителя”. О характере этого человека мы имеем возможность читать самые разнообразные и противоречивые предания.

Вспомним теперь, каково было поведение Валленрода. Когда он принял на себя бразды правления Орденом, был благоприятный момент для войны с Литвой, как как литовский князь Витольд обещал немцам, что сам поведёт их на Вильно. Валленрод, однако, оттягивал войну и, что ещё хуже, оттолкнул Витольда. В то же время Валленрод легкомысленно доверился Витольду, так что Витольд, тайно помирившись с Ягелло,

не только ушёл из Пруссии, но, вступая в немецкие замки как друг, предавал их огню, а гарнизоны вырезал. При такой неблагоприятной перемене обстоятельств следовало бы отказаться от войны или приступить к ней с предосторожностями. Великий магистр объявляет крестовый поход, опустошая казну ордена на военные приготовления. Всё же он мог бы взять Вильно, если бы не тратил время на пиры и на ожидание подкреплений. Наступила осень. Валленрод, оставив лагерь без продовольствия, в полном беспорядке, уходит обратно в Пруссию.

Летописцы того времени и позднейшие историки не в состоянии разгадать причину столь неожиданного отъезда и не находят в тогдашних обстоятельствах никакого повода к этому. Некоторые объясняли бегство Валленрода его умопомешательством. Все отмеченные здесь противоречия в характере и действиях нашего героя удаётся примирить, если допустить, что он был литовцем и что он вступил в Орден, чтобы мстить ему. Валленрод умер в 1394 году внезапной смертью, причём смерть его сопровождалась странными обстоятельствами. “Он умер, – повествует хроника, – в помешательстве, без последнего миропомазания, без пасторского благословения”».

“ОБЪЯСНЕНИЯ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ «КОНРАД ВАЛЛЕНРОД»”. Адам Мицкевич.
Перевёл с польского Б. Стахеев. Перепечатано в сокращении.

Конрад фон Валленрод

Верховный магистр
Конрад фон Валленрод

Место и год рождения: неизвестны.

Умер: 23 июля 1394 года в Мариенбурге.

Отец: Тибериус фон Валленрод, рыцарь из Франконии.

Валленрод происходит из старого Франконского рода, владевшего поместьем Швабах южнее Нюрнберга. В битве под Танненбергом в 1410 году погиб его брат, орденский маршал Фридрих фон Валленрод. Рижский епископ (эрцбишоф) Иоанн фон Валленрод доводился Конраду «двоюродным братом», а вероятнее, племянником, но, конечно, не родным братом.

Конрад Валленрод начинал свою карьеру в Тевтонском ордене как пфлегер (попечитель) в Прёйсиш-Эйлау в 1365 – 1374 годах. Дальнейшая его служба: хаузкомтур Христбурга в 1376 – 1377 годах, комтур Шлохау в 1377 – 1382 годах, великий маршал Ордена в 1382 – 1387 годах, великий комтур Ордена в 1387 – 1391 годах.

После смерти гроссмейстера Конрада Цёллера фон Ротенштайна, с 20 августа 1390 года Конрад фон Валленрод становится исполняющим обязанности гроссмейстера Ордена на расширенном капитуле, собравшем 250 участников.

Польский король Владислав Ягелло воспользовался семимесячной вакансией должности гроссмейстера в орденском государстве и предпринял поспешные действия в Мазовии и в Померании. Этим он значительно уменьшил приток «солдьяров» и «гостей» для участия в военных действиях против Литвы. Король ограничил торговые пути Ордена, перегораживая дороги.

Формально Конрад фон Валленрод сохранял союз с литовским князем Витольдом, заключённый в январе 1390 года, и поддерживал его честолюбивые замыслы по захвату власти в Литве. Валленрод пытался тем самым предотвратить коалицию Литвы с Польшей, полагая, что Витольд будет верен Ордену. Но усилия оказались напрасными. В 1392 году

Витольд изменил Ордену и выбрал себе в союзники польского короля.

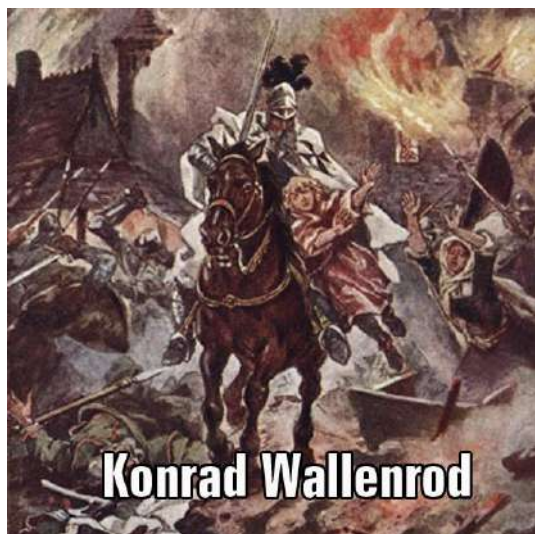
Конрад фон Валленрод ввёл строгую централизованную систему финансового управления в Ордене и последовательно покровительствовал собственной торговле. Он настойчиво добивался от Римского Папы Бонифация IX назначения на пост эрц-епископа Риги своего родственника Иоанна фон Валленрода, что и последовало 27 сентября 1393 года. Но до этого события Конрад фон Валленрод не дожил, внезапно скончавшись.

Х. Крольманн, Ф. Гаузе, К. Форстреутер.
Из «Восточно-Прусских биографий» (в сокращении).
Перевёл с немецкого А. Губин

Конрад Валленрод принадлежал к верхнефранконскому рыцарскому роду из Андекс-Меранского министералитета. Валленроды (изначально Вальденроде) в XIV веке жили в южных франконских лесах в землях епископов Бамберских.

На родовом гербе Валленродов было изображение пряжки-застёжки, известное с конца XIII века.

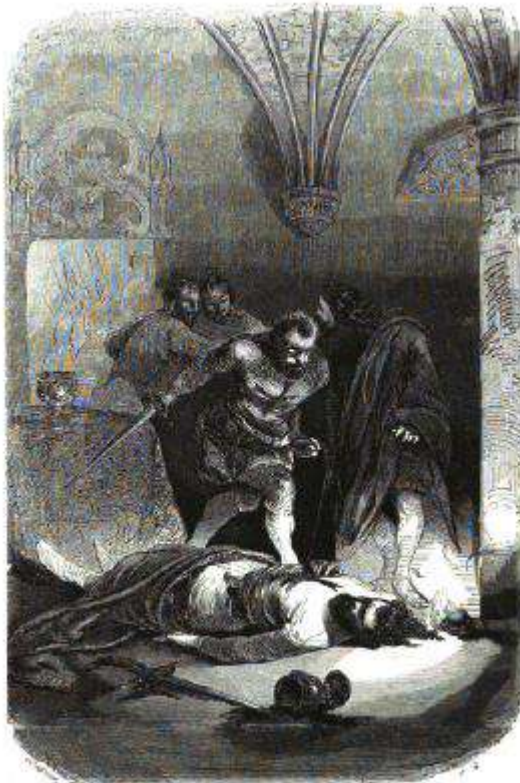
Время приёма Конрада Валленрода в Тевтонский орден неизвестно, в прусских источниках он впервые встречается уже в качестве пфлега (управляющего, заботника) в замке Прейшиш-Эйлау в 1358 – 1374 годах. В 1376 году он выполнял обязанности хаускомтура в Кристбурге при комтуре и верховном трапире Конраде Цёльнере фон Роттенштайне. Его управленческая карьера начинается с 1377 года в качестве комтура в Шлохау. Подъём по служебной лестнице начался, когда магистром стал Конрад Цёльнер – он сразу выдвинул Валленрода на должность верховного маршала. Когда в 1387 году была проведена обширная ротация кадров, Валленрод, пользуясь особым доверием Цёльнера, стал великим комтуром и одновременно его заместителем.

Одним из первых предложений нового магистра было назначение комтура Кульма Вильгельма фон Хельфенштайна на должность великого комтура, а на пост треслера (казначей) был назначен хаускомтур Остероде Конрад фон Юнгинген.

Во внешней политике великий комтур, ставший новым великим магистром в 1391 году Конрад фон Валленрод продолжил линию своего предшественника, стараясь воспрепятствовать объединению Польши и Литвы, всячески способствуя внутреннему конфликту в Литве.

Анатолий Бахтин. «Немецкий орден», 2020 год.

Конрад Валленрод происходит из древнего франконского рода, избран 12 марта 1391 года гроссмейстером Тевтонского ордена в тот момент, когда вследствие неудачи – осады Вильны – Орден очутился в очень стеснительном положении. Валленрод сначала продолжал крестовый поход против Литвы в союзе с князем Витовтом, когда же в 1393 году последний отпал от Ордена и соединился с польским королём Владиславом Вторым, Валленрод предпринял новую войну против обоих союзников, причинив много вреда Польше и Литве, но 25 июля 1393 года умер в припадке бешенства.

Летописцы-монахи, ненавидевшие Валленрода за то, что он был недостаточно щедр на церковь, изображают его еретиком и врагом Ордена, понесшим справедливую кару небес. Предание сделало из него даже литовца, который вступил будто бы в Орден с единственной целью – отомстить ему за разорение своей родины. Таким именно мы видим его в знаменитой поэме Мицкевича «Конрад Валленрод».

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Издание 1891 года. Т.9. С. 624.

На собравшемся в Мариенбурге Генеральном капитуле 30 ноября 1393 года выборщики избрали на должность магистра Немецкого ордена Конрада фон Юнгингена, занимавшего должность орденского треслера (казначея). При выборах Конрад фон Юнгинген был избран выборным капитулом, затем двенадцатью выборщиками выведен из выборной коллегии и после доведения коллегии до тринадцати

человек выбран хохмейстером. Это было достаточно неожиданно для сложившихся традиций ордена, когда на должность магистра зачастую избирался великий комтур, исполняющий обязанности наместника магистра.

Новый магистр принадлежал к аристократическому семейству из Киллрталя под Хехингеном, которое в 1316 году переселилось в Юнгнау севернее Зигмаригена (город в землях Баден-Вюртемберг). Из братьев Конрада рыцарем Тевтонского ордена был Ульрих фон Юнгинген. Родовой герб, известный с 1367 года, представлял собой щит, поделённый на четыре поля серебряного и синего цветов.

Впервые **Конрад** упоминается в орденских документах в 1387 году в качестве хаускомтура в замке Остероде. Сразу после выбора верховным магистром фон Валленрода в 1391 году Конрад назначается на должность треслера – казначея. Став треслером, **фон Юнгинген** занял одну из важных должностей. Практические знания, приобретённые им на этом посту, могли способствовать ему попасть в круг ведущих орденских рыцарей.

В период его правления был продолжен процесс интенсификации внутреннего управления. Если не во всех, то во многих комтурствах Пруссии систематически выдавались грамоты об основании деревень и служебных поместий. Письменная отчётность экономического управления в главной резиденции ордена в Мариенбурге приобрела в его время значительные объёмы. В Самбии (Замланде) мелкие прусские поселения объединяли в более крупные деревни, чтобы

повысить экономический эффект от их деятельности.

В политике заселения пустующих земель он попытался продолжить осуществление планов его предшественников. К началу XV века новые поселенцы продвинулись далеко на восток. Началось заселение «великой пустоши», для улучшения условий из части земель комтурств Бальги, Бранденбурга и Кёнигсберга было создано комтурство Райн. Но из-за растущих военных расходов мероприятия по заселению пришлось отложить, а новое комтурство в 1399 году упразднить. Во внутренней политике магистр стремился оживить и развить экономику. Он озаботился обеспечением населения врачебной помощью и возложил на города обязанность создавать условия для проживания в них врачей и аптекарей. Врачи также принимались на работу в орден для обеспечения орденских братьев.

Кадровая политика Конрада фон Юнгингена оставалась традиционной: каждые три года большая часть орденских чиновников подвергалась ротации или отстранению от должностей, что, впрочем, не исключало возможности наиболее проверенных правителей оставлять на прежних постах.

В первой половине 1394 года орден отдельными набегами разорил окрестности Новогрудока, Лиду и Расейняй. Прибывшие летом крестоносцы-пилигримы из Франции и Германии, а также оставшиеся с прошлого года помогли осуществить самый большой поход в Литву. План вторжения состоял из двух этапов. Первый – восстановить разрушенный замок Риттерсвердер, второй – взять Вильню. Конрад фон Юнгинген возглавил первый отряд, в который входил пилигримы графа Лайнингена и

другие крестоносцы. К ним присоединился бежавший из Литвы православный князь Свидригайло с небольшим отрядом из русских и литвинов. В арьергарде находился большой отряд комтура Эльбинга – госпиталяера Зигфрида Вальпота фон Бассенхайма. К середине августа войско прибыло на остров, где ранее стояла крепость Риттерсвердер. Витовт, уже давно оповещённый о замысле противника, отправился в этот район с большим войском всадников (по явно завышенным данным, до 15 000 всадников).

Постоянные стычки и бои не дали возможности начать восстановительные работы, когда же подошли основные силы орденского маршала и вспомогательное войско из Ливонии, Витовт вынужден был отступить. Но времени на строительство крепости было упущено, пора было приступить ко второму этапу – осаде Вильни. Витовт тем временем перекрыл на удобных участках все лесные дороги. Магистр, узнав об этом от пленных, повёл орденские

войска по болотистым и бездорожным местам, настилая гати.

Неся потери от непрерывных нападений расставленных в лесах вражеских отрядов, орденское войско после значительных лишений 22 августа достигло стен Вильни. Полностью окружить Вильню сил не хватило, осажденные поддерживали связь с Витовтом.

Замки города умело защищались польскими гарнизонами, сам Витовт и его войско расположились в окрестностях, отрезав орденский лагерь от путей снабжения. Установленная артиллерия ордена постоянно подвергала замки и городские стены обстрелу. Попытки гарнизона совершать вылазки успешно пресекались.

Среди русских, осаждённых в Вильне, было большое количество поддерживавших Свидригайло, они-то и решились поджечь замок, но заговор был раскрыт, и осада затянулась. Король Польши постоянно отправлял Витовту в помощь отряды польских рыцарей. В конце концов попытки ордена запастись в окрестностях продуктами питания были сорваны. Магистр вынужден был направить большой отряд комтуров Бранденбурга, Бальги, Бартена и Рейна для

реквизиции продуктов. Южнее Рудамины это войско наткнулось на Витовта, в завязавшемся сражении литвины были обращены в бегство. В плен попало множество знатных людей, в том числе и русский князь Иван Бельтский. Были захвачены большое войсковое знамя Витовта и шесть других знамён.

Подошедший отряд из Ливонии замкнул кольцо осады и укрепил войско ордена. День и ночь орудия обстреливали укрепления города, вскоре рухнули стены и башни вдоль реки Вилии. Перед штурмом для осушения городских рвов было решено отвести воду от реки в сторону, но в результате обстрела погибло много рабочих, так что магистр был вынужден отказаться от этой попытки.

Между тем непрерывные бои на два фронта и потери ослабили напор орденового войска. Магистр потерял надежду взять Вильню и 21 сентября решил прекратить осаду. Отступать пришлось через Тракай, неся тяжёлые потери от постоянных атак жемайтов в лесных окрестностях реки Нерии. Только отступив за реку Мемель (Неман), войско прекратило подвергаться вражеским нападениям. Около двух месяцев длилось вторжение, но в результате ни один из намеченных планов не был выполнен.

Великий князь вступил в переговоры с магистром, но дальше обмена пленными дело не пошло.

Витовт не решился достичь прочного перемирия, ибо, как полагали в окружении магистра, опасался шпионов Ягайло.

В течение 1395 года обострились отношения Тевтонского ордена с императором Священной Римской империи Венцеславом.

В результате заключённого между императором и польским королём союза Польша обещала Венцеславу в случае войны, не направленной против курфюрстов, князей и герцогов Польши и Силезии или вассалов короля в Богемии, оказывать ему значительную военную помощь. Взамен император обязан был поддерживать короля в войне с орденом. Магистр получил распоряжение Венцеслава отказаться от военных походов против Литвы. Конрад фон

Юнгинген заявил резкий протест против этого запрета и ответил императору: *«Вы требуете от меня исполнить это распоряжение для моего ордена, но я сам не имею такой власти, чтобы решить этот большой вопрос. Мой орден основан вести борьбу против неверных, и имел до сего времени милость Бога, содействие Святой Римской церкви, Священной Римской империи, всех христианских королей, князей и господ, которых это дело касается так же, как и моего ордена, особенно тех, которые граничат с неверными».*

«Я не имею той власти сделать то, что Вы хотели бы, для этого требуется решение Генерального капитула моего ордена».

Конрад фон Юнгинген

Необходимо пояснить ответ магистра... Избранный глава ордена сразу после принесения присяги одновременно становился правителем всей страны. Он не мог полностью считаться полностью независимым – только исполнителем общей воли ордена. На совете Генерального капитула и верховных чиновников он имел право выражать своё мнение. Любой произвол, любое решение магистра, противоречащее общей воле ордена, являлось преступлением в отношении законного порядка, над чем Генеральный капитул, как высший судья магистра, имел право и суд. Если магистр совершал поступок, превышающий границы его законной власти, то он лишался звания правителя и отстранялся от должности магистра.

Тем временем от Венцеслава прибыло новое недвусмысленное распоряжение, по которому верховный магистр в споре с королём Польши должен все свои решения предварительно согласовывать с ним как с главой рейха. Вскоре к императорскому запрету о нападении на

христианскую Литву присоединился и папа римский.

Дела для ордена принимали неблагоприятный оборот. К тому же многие вассалы архиепископа Рижского отказались принимать ещё и нового архиепископа Иоганна Валленрода, ставленника Тевтонского ордена.

Дорпатский епископ Дитрих Дамерау выступил против ордена и попросил помощи у герцогов Мекленбургских, Пскова и Витовта. Епископ официально заключил союз со ставшим уже христианским князем Литвы и епископом Вильни. Конрад фон Юнгинген, видя, что конфликт с епископом Дорпатским переговорами не решить, попытался повлиять на него с позиции силы и отправил в Ливонию крупный отряд, который совершил набег на владения епископа, сжёг и разграбил многие деревни. Но это ещё более усилило напряжение.

Дорпатский епископ Дитрих Дамерау (с 1378 – ушёл в отставку 1400) разослал жалобы императору и имперским курфюрстам, обратился к герцогу Штеттинскому Святобору I с предложением выступить против ордена. В конце концов эта распря закончилась миром. Император и магистр избрали посредником епископа Эрmlandского Генриха, и 15 июля 1397 года в Данцинге была составлена примирительная грамота, согласно которой главой Рижского архиепископства обязан был быть орденский брат-священник, подданные епископства должны были нести военную службу и участвовать в походах наравне с орденскими вассалами, опасаясь Пскова и его связей с епископом Дорпатским, запрещено было строительство новых дорог от Дорпата в сторону псковских владений. Формально мир сохранялся, но власть тевтонов над орденом в Ливонии потеряна, очаги недовольства продолжали тлеть и ждали удобного случая, чтобы разгореться вновь.

Тем временем на границах Литвы появился новый сильный противник – среднеазиатский правитель Тимур (Тамерлан), разгромивший на реке Тереке в 1395 году союзника Витовта хана Тохтамыша. Верховный магистр понимал, что в данный момент великому князю не до Ливонии.

Переговоры между Конрадом и Витовтом состоялись 22 июля 1396 года на острове реки Дубисы. Похоже, целью магистра в этих переговорах было поставить конец походам в Литву (Жемайтия по-прежнему оставалась языческой). Надо было хотя бы формально убедиться, что христианство пустило прочные корни среди литвинов.

Магистр предъявил князю три важных требования: во-первых, Витовт и его окружение должны быть покорны Римской церкви, во-вторых, из-за неоднократных измен ордену князь должен был восстановить разрушенные и сожжённые им орденские крепости. Для уверенности ордена Витовт должен передать в заложники детей своих знатных вельмож и вместе с ними дать клятву верности данному слову.

И последнее – все ранее данные ордену привилегии и письменные обещания требовалось нерушимо соблюдать. Великий князь подтвердил только первое требование, по двум последующим он на себя обязательства не взял – на переговорах присутствовали уполномоченные Владислава-Ягайло и отклонили территориальные претензии ордена. Надеясь на продолжение контактов с Витовтом, магистр заключил с ним перемирие, которое неоднократно позднее продлевалось.

Напряжённость между Литвой и орденом ослабевала, что было крайне невыгодно Владиславу-Ягайло. Позиция ордена к Польше оставалась неизменной: во-первых, не ввязываться в войну, во-вторых, попытаться оторвать Литву от Польши. Не доверяя Витовту, руководство ордена пыталось поддержать его в борьбе против Владислава-Ягайло. На востоке в русских землях Витовт достиг большого влияния, улучшил отношения с орденом, и помощь Польши была всё менее необходима.

Витовта раздражали попытки Польши контролировать ситуацию в Литве, и он всячески показывал, что король мешает ему проводить нужную политику в отношении Тевтонского ордена. Витовт почувствовал свою силу и стал проводить всё более независимую от польского короля политику.

Для окончательного утверждения своего суверенитета Витовт воспользовался унижительным для него напоминанием королевы Ядвиги. В своём обличённом в дружескую форму послании она потребовала с подаренных ей королём в день свадьбы земель Руси и Литвы уплатить годовой налог. Это неприятно поразило великого князя. Быстро собрав знатных людей, он предъявил им требование королевы с вопросом, желают ли они подчиниться Польской короне и платить ежегодны налог. Все собранные единогласно отвергли требования Ядвиги и заявили: они свободные люди, их предки никогда не платили Польше, и они платить не будут. Это требование подтолкнуло Витовта к заключению мира с орденом.

В апреле 1398 года в Гродно собрались представители магистрата и в окружении знатных «бояр» великий князь Витовт, где обсудили множество проблем, договорились о передаче Жемайтии ордену, с точным определением границы между Литвой и Пруссией. Торговля между Пруссией и Литвой освобождалась от пошлин и других сборов. Договорились не допускать через свои территории враждебные для обеих договаривающихся сторон армии. В октябре 1398 года произошла личная встреча магистра ордена с князем литовским на Салинских островах на реке Мемель (Неман) ниже Ковно и 12 октября мирный договор был скреплён печатями. Всё закончилось пиршеством и праздничными увеселениями. Знатные люди Литвы и Руси провозгласили Витовта королём. Пожалуй, это было его главной целью, в чём орден его активно поддерживал.

Материалы из книги Анатолия Павловича Бахтина «Немецкий орден» 2020 года.

Добившись в отношениях с Польшей и Литвой относительного затишья, магистр направил свои усилия на борьбу с пиратами. Торговля для Пруссии играла значительную роль, и Конрад фон Юнгинген вёл переговоры с Данией и Швецией по спорным вопросам для налаживания свободной торговли на Балтике. Но главной целью этих переговоров была безопасность мореплавания и освобождение моря от пиратов, приносивших Пруссии и другим государствам неизмеримые убытки.

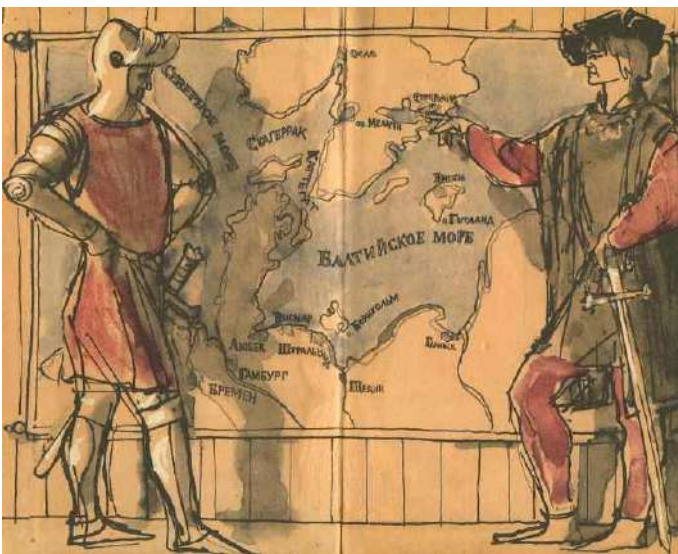
Находясь какое-то время под покровительством мекленбургских герцогов, пираты укрепились на острове Готланд. Попытки уничтожить их собранными миротворческими флотилиями успеха не принесло. Флотилии понесли большие потери, а нападения пиратов стали ещё отчаяннее и опаснее. После заключения мира между Данией и Швецией их действия смесились в восточный бассейн Балтики, в район Ливонии и Руси, и стал угрожать орденской торговле. Из порта Висби на Готланде они совершали налёты в южном направлении в сторону Пруссии, в восточном – против Курляндии и Лифляндии, вплоть до Финского залива. Действия дерзких каперов в этом районе достигли такого размаха, что шансов у торговых судов достичь порта назначения практически не было.

По постановлению собравшихся в Мариенбурге представителей ганзейских городов в 1397 году для очистки моря была направлена новая флотилия судов под командой двух гауптманов из Пруссии и одного из Любека. Этот флот очистил окрестности Борнхольма. Подойдя к Готланду, он захватил значительное количество морских разбойников и сжёг часть пиратских судов. Однако полностью достичь цели предприятия не удалось. Во-первых, не хватило настойчивости ганзейских городов довести дело до конца, а во-вторых, часть пиратов находило защиту в гаванях герцогов Штеттина и Мекленбурга. Другая часть нашла убежища на побережье Дании и Швеции. Затраченные средства на борьбу с морскими разбойниками в 1397 году не достигли результатов. Обращение магистра к королю Альбрехту Шведскому о

гарантии безопасности своих торговых кораблей от пиратов Готланда также не имело успеха.

Официально власти прибалтийских государств и представители ганзейских городов осуждали и жёстко пресекали деятельность корсаров, но неофициально как отдельные города, так и некоторые правители пользовались услугами корсаров в проводимой конкурентной борьбе. Пруссия несла огромные убытки, и не оставалось другого способа, как захватить это гнездо морских разбойников. Было известно, что представитель пиратского сообщества гауптман острова Свен Стуре получает на хранение половину добычи морских разбойников и всеми способами оберегает её в Висби.

получает на хранение половину добычи морских разбойников и всеми способами оберегает её в Висби.

Пиратство в Балтийском и Северном морях началось с так называемого «берегового права» (нем.: "штрандрехт"), которым издавна пользовалось население морских побережий. Согласно этому неписаному, но узаконенному обычаю «праву» всякий человек, нашедший предметы, выброшенные морем на берег, автоматически становился их владельцем.

«Береговое право» распространялось и на потерпевшие крушение или выброшенные на берег корабли. Не удивительно, что многие береговые жители легко поддавались искушению слегка «помочь» Провидению – например, немного сместить буй или погасить сигнальный огонь, чтобы гонимый ветром корабль легче наскочил на риф или сел на мель. Так прибрежные жители превращались в разбойников, грабителей и убийц. Мало того, что потерпевших кораблекрушение не спасали, обрекая на верную смерть, их вдобавок еще и убивали (если несчастным удавалось доплыть до спасительного берега), а затем грабили (ведь по «береговому праву» человек мог считать любую вещь, найденную на берегу, своей собственностью лишь в случае, если после кораблекрушения никто не уцелел). Как говорится, «концы в воду» – ведь «мертвые не кусаются». Нет человека – нет проблемы...

От разбоя берегового до разбоя морского оставался всего один шаг, который и был сделан в пору раннего Средневековья, когда начался быстрый рост морской торговли. Около середины XII в. крупнейшие торговые и портовые города Северного и Балтийского морей во главе с Любеком и Бременом (выходцы из которых, как известно, стояли у истоков основания духовно-рыцарского

Тевтонского Ордена Пресвятой Девы Марии и с тех пор пользовались в Ордене особыми привилегиями) объединились в торгово-военно-политический союз – Ганзу. С тех пор на виду у береговых пиратов стало проплывать все больше ганзейских парусных судов с высокими бортами, нагруженных дорогими товарами. И начались нападения на ганзейские корабли, становившиеся все более частыми и дерзкими. «Отцы» Ганзейского союза были в отчаянии, прекрасно понимая, что местные власти не только терпят, но и поощряют морской разбой (ведь пираты щедро делились с ними добычей).

Самой дурной славой среди морских разбойников Северного и Балтийского морей пользовались так называемые «братья-витальеры», они же – «виталийские братья» (нем.: "виталиенбрюдер"). Первоначально так именовались наемные моряки-каперы (от латинского глагола "капере", то есть "брат"), участвовавшие в многолетней войне между королем Швеции Альбрехтом Мекленбургским и датской королевой Маргаретой (1353-1412 гг.). В 1389 г. Маргарета (Маргарита) захватила Альбрехта в плен и бросила его в темницу. В том же году датчане осадили последний оплот шведов, сохранивших верность своему королю – город Стокгольм. «Видя беду неминуемую», отец томившегося в узилище короля Альбрехта, старый герцог Мекленбургский, призвал на помощь своих соотечественников и всех, кто пожелает служить ему за щедрую плату. На его призыв откликнулось множество искателей приключений.

В бессильной ярости датчане наблюдали, как это наемное войско (названное первоначально «морскими братьями») появилось на собственных кораблях у Стокгольма, наладив снабжение осажденных шведов оружием и другими необходимыми товарами, но, в первую очередь – продуктами питания (или, по-датски: "виктуальер", то есть "провизия", "продовольствие"). Благодаря помощи «морских братьев», вскоре переименованных в «виктуальных братьев» или «братьев-виктуалиев» (а затем, для простоты – «братьев-вителиев», «вителийских братьев» или «братьев-вительеров», по-немецки: "вителиенбрюдер"), Стокгольм смог выдержать

датскую осаду в течение трех лет (с 1389 по 1393).

От имени своего томившегося в датском плену короля Альбрехта шведские должностные лица выдавали «вительерам» каперские свидетельства. Тем самым многие капитаны «вителийских братьев» получили долгожданный повод для возобновления морского разбоя, теперь уже «на законных основаниях», в качестве шведских «королевских пиратов». Большинство капитанов-каперов стали нападать и на корабли Ганзейского союза, хотя и состояли у него на службе. Согласно хронике Дитмара (Детмара): «...они наводили страх на все море... Они грабили и своих, и чужих, от чего сельдь сильно подорожала».

В 1394 г. «вителийские братья» под командованием стокгольмского бургомистра

совершили морскую экспедицию против острова Готланд, принадлежавшего датской короне, и взяли штурмом его столицу Висби – один из наиболее хорошо укрепленных городов Северной Европы описываемого времени. «Вительеры» превратили Висби в настоящее пиратское гнездо, в центр морского разбоя, нанесшего датчанам гораздо больший урон, чем война со шведами.

После взятия Стокгольма датчанами и заключения мира между Данией и Швецией, вителийские братья продолжали свои нападения на ганзейские торговые корабли, оперируя с острова Готланд, превращенного ими в мощную по тем временам военно-морскую базу.

Прижимистым ганзейским купцам пришлось завести на каждом торговом корабле вооруженную охрану, состоявшую из наемных солдат, услуги которых стоили немалых денег. Кроме того, ганзейским городам пришлось вооружать свои парусные суда корабельными пушками, также стоившими немало (особенно по тем временам).

Однако вооруженные до зубов и опытные в деле морского разбоя «витальеры» никак не унимались. Их высокобортные корабли превосходили по скорости и маневренности более низкие ганзейские «когги». Тех, кто отказывался сдаться и не погибал при abordage, безжалостно выбрасывали за борт. Но и купцы-мореходы также не церемонились с «виталийскими братьями», попавшими к ним в плен. Пленных «витальеров» заковывали в цепи или закатывали в сельдяные бочки, чтобы привезти на берег, судить и казнить. Морской разбой губительно сказывался на хозяйстве всех прибалтийских государств.

Ганзейским городам не всегда удавалось сплотиться для оказания пиратам эффективного отпора. Однако на их стороне выступила самая мощная военная сила тогдашней Центральной и Северной Европы – духовно-рыцарский Тевтонский (Немецкий) Орден Пресвятой Девы Марии.

Верховный магистр (Гохмейстер) Тевтонского Ордена брат Конрад фон Юнгинген созвал представителей подчиненных ордену прусских городов в орденской столице Мариенбурге-на-Ногате, где им был предложен секретный план: внезапным нападением 2 000 рыцарей положить конец «вольной пиратской республике» зарвавшихся «витальеров» на острове Готланд. План Гохмейстера был одобрен всеми участниками собрания.

Задуманная военно-морская операция завершилась блестящим успехом. 22 февраля 1398 г. в гаванях Мариенбурга стояли наготове 10 больших кораблей и 30 кораблей поменьше. На них грузили осадные орудия, провиант и лошадей, готовились к отплытию рыцари и пехота.

17 марта тевтонский флот (до открытия навигации) вышел в открытое море, еще не полностью освободившееся ото льда. Через четыре дня орденский флот тевтонов под белыми флагами с черным крестом, усиленный ганзейскими и датскими кораблями с 5000 отборных воинов под командованием самого Верховного магистра брата Конрада фон Юнгингена бросил якоря южнее главной крепости пиратов на Готланде – города Висби. Тевтонское войско высадилось на острове

Готланд вблизи Висби, в котором засел двухтысячный гарнизон «витальеров» во главе со шведским аристократом Свеном Стуре.

Сухопутная операция была проведена в столь же стремительном темпе, как и морская. Несмотря на все еще лежавший глубокий снег, тевтонское войско, подобно урагану, пронеслось по пиратскому острову. Гарнизоны пиратских крепостей Вестергарн, Слите и Варвсгольм-Ландескрене, парализованные ужасом, капитулировали почти без сопротивления.

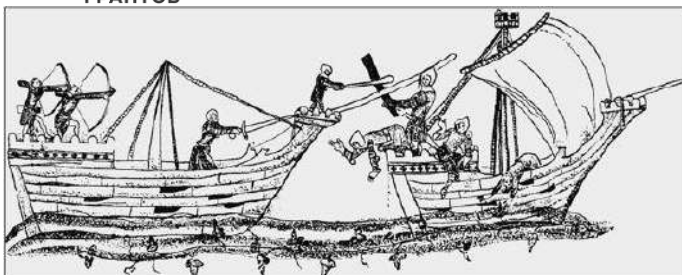

Затем флот Тевтонского Ордена с боем ворвался в гавань Висби. Одновременно сухопутные войска тевтонов пошли на штурм городских стен с суши. Положение окруженного со всех сторон гарнизона «витальеров» казалось совершенно безнадежным. Однако ни закованные в

латы «братья-рыцари» и «сарианты», ни осадные машины, ни измена готландцев «витальерам» не помогли тевтонам. После длительной осады Верховный магистр тевтонов брат Конрад фон Юнгинген был вынужден заключить со Свеном Стуре перемирие. По условиям этого перемирия остров Готланд на вечные времена становился владением Тевтонского Ордена, а Свен Стуре и 2000 уцелевших «виталийских братьев» получили право отбыть на своих кораблях, куда пожелают.

Свен Стуре и некоторые вожди «витальеров» из аристократов примирились с королевой Маргаретой, став добрыми подданными датской короны.

5 апреля 1398 г. город Висби раскрыл ворота перед победителями.

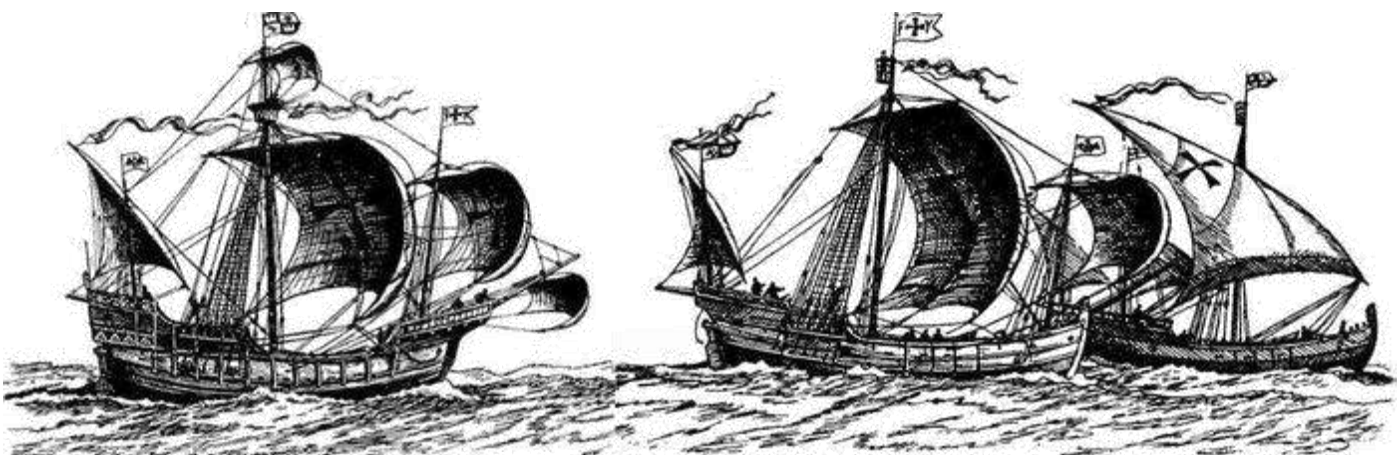
По приказу Верховного магистра тевтонов все уцелевшие «виталийские братья» немедленно, под страхом смерти, должны были покинуть остров Готланд. Эта блестящая победа, одержанная флотом и войском Тевтонского Ордена Пресвятой Девы Марии, стала началом конца морского разбоя на Балтике.

После взятия главного пиратского гнезда Висби флотом и войском Тевтонского Ордена братство «витальеров» распалось. Часть «виталийских братьев» бежала на своих парусных кораблях в Северную Швецию (Нурланд), захватила крепость Факсегольм и удерживала ее, пока не дождалась помилования.

Две другие группы «витальеров», скрывшись в море, продолжали заниматься морским разбоем. Они возвратились в юго-западную Данию, обосновавшись на острове Эртгольм, близ большого острова Борнхольм.

Но главные силы «виталийских братьев» ушли на северо-запад, прошли пролив Каттегат, обогнули северную оконечность Дании и нашли себе новое убежище на Восточных Фризских островах в Северном море.

Материалы из книг «Немецкий орден» Анатолия Бахтина и «О флоте Тевтонского Ордена» Вольфганга Акунова.

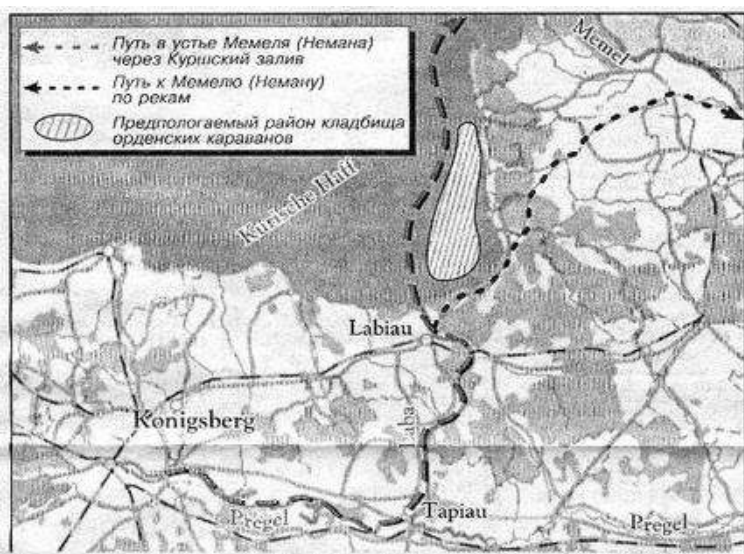
В очерках об истории Тевтонского ордена неоднократно встречаются описания орденских конвоев, погибших в Куршском заливе. Большей частью эти конвои занимались снабжением замков, построенных вдоль берегов реки Мемель-Неман, и, прежде всего замка Рагнит, а также подвозили материал для строительства новых замков.

В Кёнигсберге собирались корабли и большие ладьи, загружались необходимым грузом и шли вверх по течению реки Прегель. Дойдя до замка Тапиау, они переходили в речку Лаба (позже она называлась Деме или Дойне, затем Дейма).

Это была мелкая, очень извилистая речушка, протекавшая в низине среди болот. Ввиду того что речка была мелкая, корабли полностью не загружались. Как правило, дополнительный груз корабли принимали у причалов замка Лабиау.

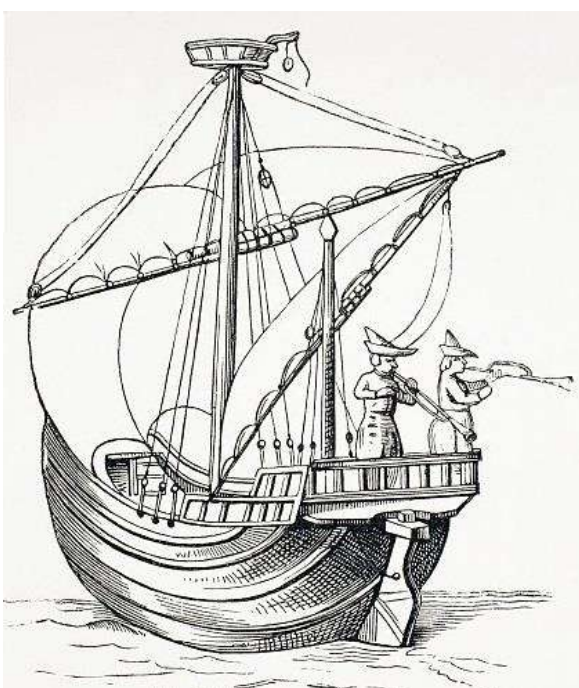
Затем конвои выходили в залив, через который, обходя мели и камни, каких было множество, следовали до устья реки Мемель-Неман. Далее они поднимались вверх по реке, снабжая орденские замки всем необходимым.

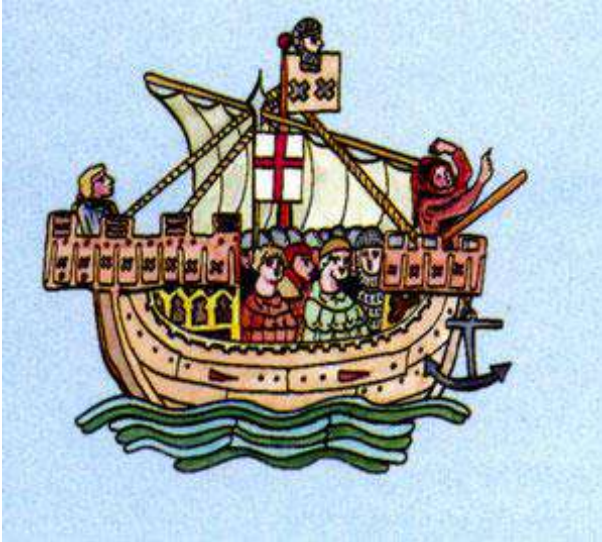
Дело в том, что снабжать замки по суше из-за отсутствия дорог было очень трудно, а местность вокруг замков на реке была настолько дикой, что снабжаться продуктами питания самим не было возможности, да и постоянные набеги литвинов сильно затрудняли самообеспечение. Для снабжения пограничных замков (Рагнит) в орденском государстве был введён особый налог. На этом пути как оказалось, главным препятствием для

регулярного снабжения являлся Куршский залив (макс. длина 93 км., макс. ширина 46 км). Как ни странно, этот мелководный залив, средняя глубина которого составляла 3,8 метра, а в самом глубоком месте достигала 5,8 метров, при северном ветре подымал

достаточно крутую волну. При такой волне и резком порывистом ветре небольшие суда часто теряли управление, и их разбивало на каменных банках.

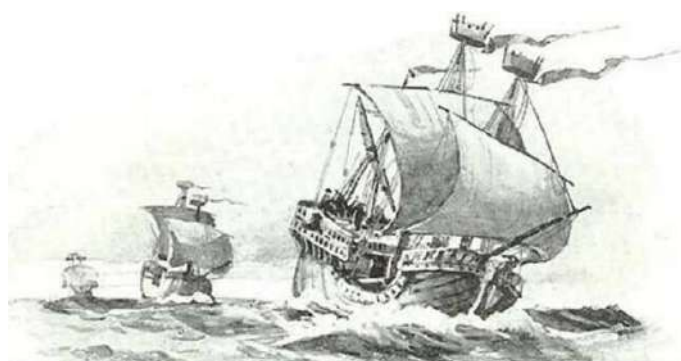
В 1327 году в заливе погиб караван, на кораблях которых отправилось 16 высших орденских чинов, не считая простых рыцарей. Известно, что и до 1327 года в заливе постоянно гибли караваны и одиночные суда. В 1259 году караван орденских судов из Мемеля тоже канул в этих местах. В 1284 г. потерпели крушение Данцигские корабли.

Самая известная катастрофа произошла в 1313 году, на этих камнях во время осады литовцами Мемельбурга (Мемеля-Клайпеды) разбился Орденский конвой. Хохмайстер Карл фон Трир послал из Кёнигсберга двенадцать небольших кораблей с провиантом в осаждённую крепость. По Прегелю суда дошли до Тапиау, затем по Лабе (Дейме) они с трудом дошли по мелкой речке до Лабиау, после чего вышли в залив. В заливе этот небольшой флот был разбит бурей.

Ещё на Пасху в том же году Карл фон Трир с большим войском поднялся на речных судах вверх по Неману-Мемелю и в 6 милях от Рагнита выше по течению было найдено удачное место для строительства крепости. Понимая, что разрозненные набеги Литвы ни к чему не приводят, магистр решил, используя традиционную тактику, основанную на литовском берегу Немана-Мемеля сильную крепость. Опираясь на этот плацдарм, можно было приступить к планомерному завоеванию Жемайтии и Литвы. Караван судов с продовольствием и строительным материалом вышел из Кёнигсберга, по реке Прегель он дошёл до замка Тапиау, затем по небольшому каналу переместился в мелководную и извилистую речку Лабу (Дейму) и спустился к устью у замка Лабиау. Дозагрузившись со складов этого замка, суда двинулись дальше. Планировалось, выйдя в Куршский залив, добраться до устья Немана-Мемеля и подняться по реке до места строительства крепости. Но в заливе караван попал в шторм, суда вынесло на камни, практически все они были разбиты и затонули. Погибли четыре орденских рыцаря и 400 человек сопровождающих. Это крушение надолго задержало постройку укрепления. Крепость возводилась на литовском берегу, для скорейшего снабжения был построен понтонный мост и под защитой войска за апрель крепость была построена, которую называли Кристмемель, где под командованием комтура расположился сильный гарнизон.

Затем ещё одна известная катастрофа 1394 года. К тому времени на Балтике свирепствовал флот витальеров под руководством известного пирата Свейна Стурре.

Конрад Юнгинген, верховный магистр ордена, договорился с датчанами навести порядок на Балтике. Орденский флот разделился на две части, большая часть в количестве около 80 пушечных когов спокойно вышла через Прегель и залив Фрише Хафф в море. Вторая меньшая часть около 10 когов из Кёнигсберга (через

Тапиау и Лабиау) вышли в залив Курише Хафф и пропали.

Сохранилась ещё легенда, которую рассказывали моряки из Гамбурга: самый кровожадный пират на Балтике XIV века Штёртебекер и его штурман Кено тен Брок, уходя от погони (а за ним гонялись не только орденские корабли, но и корабли всей Ганзы), часто прятался в заливе Курише Хафф. Он ночью проходил через узкий пролив мимо замка Мемельсбург (Клайпеда) и, не боясь ни мелей с камнями, ни сторожевых кораблей укрывался в укромных местах залива. В 1401 году он был всё-таки пойман и повешен в Гамбурге.

Понимая важность использования рек в транспортных и стратегических целях, орден с 1372 г. начал проводить гидростроительные работы на реке Дейме. Была предпринята неудачная попытка соединить Дейму с рекой Мемель, минуя опасный для мореплавания залив.

В 1395 году верховный магистр Конрад фон Юнгинген приказал выпрямить русло реки Лаба–Дейма. Для этого был прорыт канал длиной 3,8 мили (около 37 км) от Тапиау до Лабиау. Часть старого русла осталась правее и была засыпана. Сейчас здесь пойменные луга у Тапиау (Гвардейска) и выше по реке. *«В 1404-1406 гг. верховный магистр выделил значительные средства на строительство шлюзов в местах, где*

они были необходимы». Для поднятия уровня воды орденом были построены 4 шлюза, в том числе у замка Тапиау (откуда начиналась речка) и у замка Лабиау (где она впадала в залив). В результате работ на реке, Дейму спрямили и расширили, построили канал в 1395–1410 гг., а в 1430 г. — шлюз у Лабиау.

В дальнейшем Дейма стала глубоким судоходным каналом от Тапиау до Лабиау. Это был первый практический шаг на пути к созданию обустроенной речной судоходной сети в Восточной Пруссии.

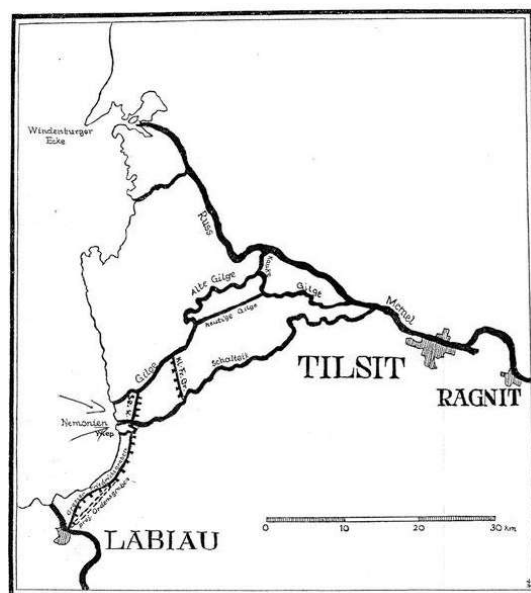

Затем на протяжении четырёх столетий шаг за шагом были спрямлены и углублены другие реки, построены малые и большие судоходные каналы.

Чтобы сократить путь по заливу было решено реку Гильге (впадающую в залив в 40 км севернее Лабиау) соединить каналом с речками и ручьями, впадавшими в Мемель–Неман. Но и этот непродолжительный выход в залив, который мог быть пройден за один день, не всегда удавалось пройти благополучно. Караваны гибли и на этом отрезке. Это было настолько регулярно, что орден, в конце концов, решил параллельно заливу прокопать канал от Лабиау до Гильге. Но закончить его Орден не успел. После 1410 г. денег на такие работы у него не было. Окончание работ по урегулированию водного состояния произошло во второй половине XIX в.

Событие, датируемое 1632 годом – о большой группе виттинов из Литвы и России, число которых намного превышало 100, была настигнута бурей врасплох. По свидетельствам очевидцев тогда затонуло 50 кораблей и погибло 500 человек. Корабли двигались вниз по Мемелю, заходили в порт, плывя вниз по Гильге, в местечко Гильге. Там и произошла буря, по дороге к устью Шалтейка. Спасшиеся судна были возвращены в Немонию, в устье Шалтейка, либо в Гильге.

По всей видимости, этот район (зона) представляла собой особенную угрозу.

Из статьи А. П. Бахтина за декабрь 2010 года «Бермудский треугольник» в Куршском заливе.

Тевтонский орден избрал Лабиау в качестве места сбора для походов в Литву как своих войск, так и западноевропейского рыцарства, приходившего ему на помощь. Деревянное укрепление ордена взбунтовавшиеся скаловы сожгли, на месте порушенной крепости крестоносцы вновь возвели укрепление, дважды литовцы пытались овладеть и им... Но оно продолжало служить Ордену пограничным опорным пунктом Самбии и охраняло важные водные пути от Кёнигсберга до залива и устья Немана. Замокковый ров дугообразной формы, по которому проходил судоходный фарватер, сливаясь с Деймой, образовывал небольшой остров, где в 1360 году возвели в камне замок, а у стен замка устроили пристань.

Замок Лабиау был построен в устье реки Лаба (Дейма) которая при впадении в Куршский залив имела несколько рукавов образующих в болотистой местности несколько островов. Углубив и расширив восточный рукав, братья ордена его использовали как ров, а на острове построили замок. Мельница находилась на западной протоке у самых стен замка.

Лабегове, как пограничное деревянное укрепление, предназначалось для обороны от западнобалтских племен надровов и скаловов, а также литовцев. Вплоть до конца XIV в. эта лесная область подвергалась набегам литовских племен.

Лабегове – прусская крепость и поселение рядом, уже существовало, когда братья Тевтонского ордена искали всевозможные пути захвата земель Скаловии. Они захватили и использовали по назначению деревянно-земляные строения, начиная с 1277 стали возводить и отдельные каменные. Замок стоял много ближе к заливу, вернее, залив располагался ближе к замку, ведь главной задачей новой крепости была именно охрана устья реки Лабы (Деймы).

Водный и ледовый путь Кёнигсберг – Тапиов (Гвардейск) – Лабегов (Полесск) – Мемель (Клайпеда) имел стратегическое значение и был жизненно необходим ордену. Орден сразу оценил стратегически важное место в этой части Самбийского полуострова. Важно было контролировать и торговый путь по Куршскому заливу и устье Лабы (Деймы).

Реки во все времена использовались, как в транспортных, так и в стратегических целях.

30 марта 1407 года в Пруссии в замке Мариенбург скончался 25-й великий магистр Тевтонского ордена **КОНРАД ФОН ЮНГИНГЕН**, в возрасте примерно 55 лет. Он был младше Витовта всего на пять лет, можно сказать, еще один ровесник. Вероятно, он умер от желчнокаменной болезни, хотя иногда пишут, что его смерть произошла «внезапно», но, в любом случае, не настолько внезапно, как его предшественника, Конрада фон Валленрода.

Есть сведения, что врач предписал больному необычное средство от его хвори – сношение с женщиной. Оригинальный подход к проблеме, отдаст восточной медициной. Но брат Конрад был один из тех немногих монахов, кто на самом деле соблюдал целибат. Так что он, получается, предпочел смерть в чистоте. Интересно, помогли бы ему объятия красавицы? Если нет, так хоть удовольствие бы получил. Но, как уже сказано, это было не по нему.

Конрад был человеком осмотрительным и не склонным к резким действиям, он стремился, насколько это возможно, решать даже острые вопросы миром. При избрании Конрад фон Юнгинген, выгодно отличавшийся от нагнавшего страху на своих подданных Конрада фон Валленрода, был так желанен братьям в роли великого магистра, что для него даже сделали

исключение из правил выбора главы Ордена – Юнгинген находился в числе выборщиков, однако собравшиеся сочли возможным заменить его другим лицом и сделать кандидатом, после чего последовало единогласное избрание.

Но время шло, тирания Валленрода подзабылась, а мягкость Юнгингена стала вызывать раздражение. К концу жизни и правления Конрад фон Юнгинген был гораздо менее популярен, чем в момент своего восхождения к высшей власти в Ордене. Поскольку великий магистр был некоторое время болен, то у окружающих, понимавших, к чему ведет эта болезнь, было время сообразить, кого они хотели бы видеть на его месте.

Симпатии стали склоняться к брату Конрада, Ульриху фон Юнгингену.

Ульрих был младше брата на пять лет, в Ордене занимал ответственные посты – некоторое время возглавлял комтурство Бальги, одно из важнейших в Пруссии, затем стал маршалом Ордена и комтуром Кенигсберга, и его называли Самбийским правителем. Взгляды Самбийского правителя отражали милитаристские настроения большей части орденского братства.

Говорят, Конрад знал о том, что ему в преемники прочат младшего брата и предупреждал, чтобы Ульриху не давали высшей власти, так как его правление может негативно сказаться на судьбе Ордена. Однако его пожелание никого не вдохновило.

26 июня 1407 года УЛЬРИХ ФОН ЮНГИНГЕН был единогласно избран 26-м великим магистром Ордена, хотя есть данные, что он не стал полагаться на божественную волю в сем важном вопросе и провел жесткую предвыборную борьбу, в результате которой лица, могущие помешать его восхождению, пропадали без вести. Великим маршалом Ордена при Ульрихе с 1407 года стал ФРИДРИХ ФОН ВАЛЛЕНРОД, брат великого магистра Конрада фон Валленрода, а должность великого комтура занял КОНРАД ФОН ЛИХТЕНШТЕЙН.

Действия Ульриха фон Юнгингена сразу после избрания стали заявкой на проведение в жизнь жесткой и активной внутренней и внешней политики. Как следствие, с его приходом к власти в Ордене отношения Пруссии с Польшей и Литвой начали стремительно ухудшаться.

Для начала магистр в дипломатических посланиях к польскому королю перешел с латыни на немецкий язык, а в своих действиях на первый план выдвинул приготовления к будущей войне с польско-литовским государственным союзом. Военные предприятия страны, в частности пороховой завод Мариенбурга, переводились на круглосуточный режим работы, за исключением только некоторых наиболее важных церковных праздников.

Государственное объединение Польши и Литвы являлось для тевтонов сильным врагом, к тому же былая слава не давала тевтонам покоя. Они надеялись на свою мощь и свой авторитет.

Между тем новому главе Ордена не помешало бы побольше осмотрительности. Хотя орденские рыцари высказывали свой протест против польско-литовской унии, объявляя крещение литовцев фиктивным, папская курия в сложившейся ситуации их не поддерживала, поскольку факт распространения католичества на Литву в глазах Рима оказался достаточно весомым, так что теперь военные действия рыцарей против Литвы вызвали негативную реакцию Ватикана.

Над Орденом определенно сгустились тучи, и святая Бригитта Шведская пророчествовала о его падении.

Распространению предсказаний скончавшейся в 1373 году и только что, в 1391 году причисленной к лику святых шведской принцессы Бригитты способствовали хлопоты королевы Дании, Норвегии и Швеции Маргариты, ненавидевшей Орден.

У королевы Ядвиги имелся сделанный для нее польский перевод «Откровений святой Бригитты», цитаты из которого стали достоянием гласности, вселяя в людей уверенность в возможность победы над божьими рыцарями: *«Я поставил их, яко тружениц пчел, утвердил на рубеже земли христианской; но они восстали против меня. Ибо не пекутся они о душе и не щадят плоти народа, который обратился в веру католическую. Они в рабов его обратили, не учат заповедям божиим и, лишая его святых тайн, обрекают на вечные муки, горшие тех, кои терпел бы он, коснея в язычестве. А воют они для утоления своей алчности. Посему придет время, когда будут выбиты зубы у них, и отсечена будет правая рука, и охromeют они на правую ногу, дабы познали грехи свои».*

Обширное собрание «Откровений» («Revelationes») католической святой Бригитты Шведской (1303-1373), созданное и записанное во второй пол. XIV в., представляет собой хорошо известный в позднесредневековой Европе памятник религиозно-мистического опыта, а также пример осмысления с точки зрения этого опыта политических реалий.

Видения Бригитты были записаны в книгу «Откровения». Всю свою дальнейшую жизнь посвятила служению Богу. Канонизирована 7 октября 1391 года.

Святая Бригитта предсказала дату всеобщего «горя», которое предстоит пережить всему человечеству, «когда Праздник Святого Марка придется на Пасху, праздник святого Антония в день Пятидесятницы, и, что Святого Иоанна тела Христова, весь мир будут кричать: “Горе!”».

«ОТКРОВЕНИЯ СВЯТОЙ БРИГИТТЫ» были в то время известны во всех европейских государствах и в самой Пруссии тоже, тем более что эту святую очень почитала популярная здесь отшельница ДОРОТЕЯ ИЗ МОНТАУ, престиж которой был поднят еще более предыдущим магистром.

Поляки и литовцы со своей стороны были еще не готовы к войне и пока прибегали только к словесным выступлениям и протестам, но благодаря их усилиям в это время происходила интенсивная идеологическая подготовка к будущим военным действиям.

Тевтоны традиционно пользовались поддержкой при европейских дворах, чему способствовала тесная связь рыцарских и христианских идеалов, свойственная Ордену, поэтому ограничивались заявлениями о святости своей борьбы с язычниками.

Ответ на подобные высказывания был сформулирован в письме Ягайло от 10 августа 1409 года, в котором он указывает, что тевтоны не закончили крещение племён пруссов на территории Ордена, а уже берутся за Польшу и Литву. Сильным ходом стало озвучивание с новой позиции проблем Жемайтии.

Во время восстания в Жемайтии 1401-1404 годов в Ватикане и при королевских дворах Европы получили ПИСЬМА ЖЕМАЙТОВ с жалобами на беспредел, творимый рыцарями-тевтонами на их землях, вызывавшие удивление, негодование и сочувствие. Возможно, потому, что письма преподносились нужным лицам в нужный срок и наверняка при соответствующем сопровождении, словесном и денежном, то есть дипломаты поработали на совесть. Подлинность писем не вызвала сомнений, хотя, скорее всего, их от имени жемайтских князей писали в Вильне и Кракове.

«...Ведь мы не звери, а люди, и мы взываем к святейшему отцу, дабы он повелел польским епископам крестить нас, ибо всей душой жаждем мы крещения, но не живой кровью, а водою спасения».

И все это была правда. И всё это была только политика. Когда век назад в Пруссии «мучительно уничтожался целый народ», как пишет хроника, жалобы несчастных язычников до папского престола не долетали. Во множестве других случаев вопиющей жестокости и несправедливости милосердная церковь была абсолютна глуха. Однако политический ветер вносит свои поправки относительно курса корабля.

Об этом говорят, что, понадеявшись на традиционную поддержку Западной Европы, тевтоны проиграли информационную войну ещё до начала боевых действий, и отношение к ним сделалось неоднозначным: их падение теперь могло быть сочтено по своему справедливым. Окружающие исподволь привыкали к мысли, что Орден не безгрешен и не неуязвим, а в сердцах некоторых орденских рыцарей начали шевелиться опасения в правильности избранного Орденом пути и в самом божьем к нему благоволении.

Возможно, этим мыслям был подвержен сам прежний глава Ордена, великий магистр Конрад фон Юнгинген. Его волновали мистические веяния, и он лично встречался с Доротеей из Монтау. Однако его брат думал иначе и не собирался отступить.

Материалы из книги Ирины Воропаевой «Откровения святой Бригитты».

С начала правления Конрада фон Юнгингена ни один из важных съездов Ганзы не проходил без представителей прусских городов. Там они защищали интересы своих городов или влияли на политические решения Ганзейского союза. Они постоянно требовали решительных действий по борьбе с пиратами, не отдельными городами, а всеми членами

союза. Также предполагалось изгнать из Ганзы Росток и Висмар за то, что они не возмещали купцам ущерб, случившийся по их вине. Прежде всего, они пытались добиться, чтобы ганзейские города, не имевшие возможности выставить миротворческие корабли для борьбы с пиратами, выделяли на их оснащение установленные средства (Pfundgeld).

Ганзейский Союз

★	важнейшие города Ганзейского Союза	▲	иностранные представительства Ганзейского Союза
●	города-члены Ганзейского Союза	□	города, предоставившие Ганзейскому Союзу торговые привилегии

1 - Мидделбург	3 - Падерборн	5 - Минден	7 - Хильдесхайм
2 - Зюлфен	4 - Гёттинген	6 - Хамельн	

Значительную роль прусские города играли в политике Ганзы в отношении Дании и освобождении короля Альбрехта Шведского. Свои собственные съезды города проводили чаще в Мариенбурге, иногда в Данциге и Торне. Наиболее активным были Торн, Эльбинг и Данциг, а Кёнигсберг и Браунсберг оказались послабее. Кульм – старая столица страны – к этому времени формально ещё был членом Ганзейского союза, но его торговля развивалась слабо, и он отошёл на задний план.

В первые годы правления Конрада фон Юнгингена сообщение с Фландрией являлось достаточно оживлённым, прежде всего – торговля сукном. Фландрия («низменное болото») – историческая область на территории современных Франции, Бельгии и Нидерландов, территория бывшего графства Фландрии, в XII – XV веках входила в число регионов Европы с наиболее развитой экономикой, в связи с чем там рано возникли и развились средневековые города, в которых большое влияние имели цеховые объединения городских ремесленников. В начале XIV века Фландрия была оккупирована Францией, в 1384 году стала частью владений герцогов Бургундских, в 1477 – Габсбургов, в 1556 году вошла в состав владений испанской короны.

Использование в Пруссии голландского сукна было очень значительным, его закупал и орден, и зажиточные бюргеры. Но усилившееся в Северном море пиратство сильно подорвало торговое сообщение. Суда могли ходить только с многочисленными конвоями, в сопровождении военных кораблей. К тому же имелись разногласия и в отношении торговых привилегий, и противозаконных налогов, и пошлин на товары. Этих проблем накопилось множество, что к 1398 году торговля с Фландрией пришла в упадок. Связывающим узлом для Пруссии и Фландрии являлась торговля янтарём, которая не позволила окончательно прервать их связи. Прежний сбыт этого товара во Львов армянским купцам практически прекратился, и в интересах ордена, помимо Любека, было поддерживать связь с Брюгге.

Похожие проблемы имелись в торговле с Англией, к примеру, урезание торговых свобод в виде высоких налогов на товар и большие потери от пиратов по пути к острову. Но в этой ситуации Пруссия, зная заинтересованность Англии, тоже усилила репрессалии в отношении английских купцов в торговле сукном. Переговоры между магистром Конрадом и королём Ричардом II не имели успеха, более того, в 1398 году Конрад был вынужден расторгнуть ранее заключённый торговый договор и на несколько лет почти полностью прервать движение товаров между странами.

Похожие проблемы имелись в торговле с Англией, к примеру, урезание торговых свобод в виде высоких налогов на товар и большие потери от пиратов по пути к острову. Но в этой ситуации Пруссия, зная заинтересованность Англии, тоже усилила репрессалии в отношении английских купцов в торговле сукном. Переговоры между магистром Конрадом и королём Ричардом II не имели успеха, более того, в 1398 году Конрад был вынужден расторгнуть ранее заключённый торговый договор и на несколько лет почти полностью прервать движение товаров между странами.

Торговля Пруссии с Русью через Новгород до конца этого столетия ещё не была достаточно активной, такая же ситуация сложилась и в Южной Руси, где расширение власти Витовта, имевшего проблемы с орденом, делало невозможным усиление торговых связей. Только последний договор с великим князем поставил торговлю под защиту правителей.

Х. Пиллати. Ядвига. 1888 г.

С Польшей торговые сообщения также находились в проблемном состоянии, и лишь последние переговоры с Ядвигой в 1398 году вновь наладили торговые сообщения с Краковом.

Верховный магистр не упускал из вида и внутреннюю торговлю, неоднократно издавал законы против торговых нарушений и движения товаров. Привёл в порядок равенство массы и веса, по крайней мере, в шести ганзейских городах. Дал определение о розничной торговле между горожанами и «иностранными торговыми гостями» в стране. Он пришёл к мысли о создании специального судна для разрешения часто поднимавшихся торговых споров.

Чем совершеннее становилось внутреннее городское устройство, чем больше торговые города влияли на внешнюю политику Пруссии, тем сильнее они осознавали свою политическую значимость, тем энергичнее её выражали. В этот период в Пруссии начинают проявляться противоречия городов с государственной властью.

В это же время среди сельского рыцарского сословия появилась тенденция к более тесному объединению. Примером послужили союзы и товарищества рыцарской знати в Германии, такие как

«Союз Льва», «Общество братьев щита Св. Георгия», «Общество Голубого Зимородка», «Общество Сокола», «Общество рога» и другие.

Эти союзы и товарищества послужили образцом для светского рыцарства Пруссии.

Четыре рыцаря Ульмерланда, проживавшие в окрестностях замка Реден (Кульмская земля, Пруссия), два брата фон Ренис – Николас и Ханус, а также два брата фон Кинтен – Фридрих и Николас, 21 сентября 1397 году основали рыцарский союз. Неизвестно, что послужило поводом для учреждения подобного общества, члены которого по примеру немецких рыцарских сообществ, носивших в качестве отличительного знака изображение животных, взяли изображение ящерицы (Eidechse).

В учредительном документе этого союза была определена цель. Таким образом, на начальном этапе цель союза не была направлена против определённого сословия или сложившихся отношений. Вполне вероятно, что рыцарский союз «Общество Ящерица» имел свою «тайну», тайные цели, тайные обычаи, но информации об этом нет. История не вспомнила бы об этом

союзе, если бы в нём не зародились ростки, приведшие к событиям, которые изменили существовавший порядок вещей... Предполагается, что с 1440 года члены «Союза Ящерицы» оказывали активное влияние на недавно образовавшийся Прусский союз. В районах Редена, Кульма, Торна, где находились центры «Союза Ящерицы», возникли первые движения, оказавшиеся предвестниками создания Прусского союза. Среди рыцарей, основавших Прусский союз в 1439 – 1440 годах, были члены тайного «Союза Ящерицы». Главный из них, Ганс фон Чегенберг, представитель древнего рода и знаменосец рыцарей Кульмской земли, был одним из руководителей «Союза Ящерицы» и, скорей всего, являлся основателем Прусского союза.

По материалам книги Анатолия Павловича Бахтина «Немецкий орден» 2020 года.

В российской историографии прусский «Союз Ящерицы» мало изучен. Традиционно этот союз у российских историков связывается с разгромом армии Тевтонского ордена под Танненбергом (Грюнвальдом) в 1410 года. Во время сражения Ульмрих фон Юнгинген – верховный магистр Тевтонского ордена – отдал приказ к наступлению, но перед атакой знаменосец кульмской земли

Николаус фон Ренис – член «Союза Ящерицы» – опустил своё знамя, что было сигналом к отступлению. Отступившие с ним полки ослабили натиск, и поляки разбили армию Тевтонского ордена. Этим всё и ограничивается.

Также некоторые отечественные исследователи считают, что «Союз Ящерицы» – польская тайная организация, но это не совсем так. Практически единственным исследованием, посвящённым «Союзу Ящерицы», является книга «Geschichte der Eidechsen-Gesellschaft in Preussen» («История Общества Ящерицы в Пруссии»), написанная известным историком Тевтонского ордена И. Фойгтом.

Тайное общество – это государство в государстве, самостоятельная сила. Как правило, многие тайные общества изначально создавались для достижения политических целей либо постепенно приходили к этому. Изменение политического вектора становилось главной задачей этих союзов. Для успеха достижения своих целей эти союзы имели скрытый характер. Тайные общества, союзы, братства известны с глубокой

древности и по своей направленности имели различные цели. По классификации исследователя тайных обществ Ч. Гекертон их насчитывается шесть видов:

Религиозные.
Военные.
Судебные.

Учёные.
Гражданские.
Политические.

По мере усиления влияния городов в средневековой Германии увеличивалось и значение тайных обществ. Города становились всё могущественнее, в итоге они стали приобретать такую силу, с которой приходилось считаться местным властям и светским рыцарям. Так было в Германии, и в Пруссии. Со временем, когда появилась необходимость защищать свои

права от посягательств богатых городов, для сохранения рыцарской чести и традиций стали создаваться тайные рыцарские союзы. Эти союзы (общества) традиционно выбирали своей эмблемой (символ) какое-либо животное. Например, в Баварии существовал «Союз Льва». Так произошло и в Пруссии, когда появился «Союз Ящерицы». По классификации Ч. Гекертон, этот союз можно отнести на первом этапе к гражданским, так как изначально это общество защищало честь и права своих членов, и только позже – к политическим, когда появились конкретные планы (проекты) о смене власти Тевтонского ордена.

«Союз Ящерицы» был основан в 21 сентября 1397 года (в день Св. Матфея) в окрестностях замка Реден (Кульмская земля, Пруссия). Это было первое общество в Пруссии такого рода. Его основателями явились братья Николаус и Йоханнес фон Ренис, а также братья Фридрих и Николаус фон Кинтенау. Они избрали своим символом ящерицу.

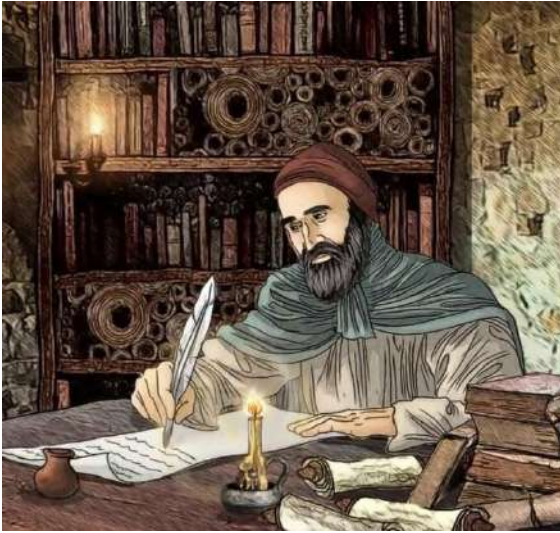

Достоверно неизвестно, что являлось поводом для создания этого союза, но немецкий историк И. Фойгт считал, что на начальном этапе рыцари сплотились из-за ущемления своих прав и повсеместных оскорблений. Отечественный историк Л. А. Арбузов пишет, что «Общество Ящерицы» было создано для того, чтобы выйти из-под господства ордена и перейти на сторону Польши, так как члены этого общества считали, что польский король Ягайло расширит их права. Но сохранился учредительный документ, который красноречиво говорит о целях и намерениях членов «Союза Ящерицы», его в своей книге «Geschichte der Eidechsen-Gesellschaft in Preussen» («История Общества Ящерицы в Пруссии») приводит И. Фойгт:

«Пусть знают все, кто в настоящее время или в будущем увидят или прочтут это письмо, что мы четверо Никлос и Ханус фон Ренс (братья) и Фридерих и Никлос фон Кинтенев (также братья), посоветовавшись, пришли к решению основать Общество таким образом, чтобы мы, вышеназванные четверо, и все то, кто ещё присоединится к нашему Обществу, поддерживали друг друга в необходимых им честных делах со всей возможной любовью и добротой, вместе противостояли предательству, лжи, огорчению, несправедливости и всякому злу, которое могут причинить нынешнему или будущему участнику Общества открыто или тайно, лично или при посредничестве других людей. Это зло может быть увечьем, посягательством на честное имя или владения. Мы будем противостоять всем, кроме правителей. И если кто-то из родственников по мужской линии силой завладеет деньгами участника Общества, поступит несправедливо или преступно, нанесёт ему увечье, опорочит честь или посягнёт на имущество, никто из Общества не должен в это вмешиваться. А должен молчать, пока дело не уладится, и родственники сами не решат его по справедливости. Также мы решили проводить богослужения во славу Господа нашего. Они будут проходить по нашему, четверых старейшин Общества, усмотрению, и все остальные должны следовать установленным нами ритуалам. А если какой честный человек из числа участников Общества обнищает и мы, четверо старейшин, придём к мнению, что нужно помочь ему, то все должны одобрить наше решение. Также мы, четверо вышеназванных, решили в нашем противостоянии злу и несправедливости твёрдо, верно и честно придерживаться перечисленных законов. А если кто-то из Общества пойдёт против нас или разгласит нашу тайну или поспособствует её разглашению, тот должен быть исключен и изгнан из Общества, неверный, бесчестный, подлый злодей. Это Общество мы создавали во славу Господа Бога нашего и ради служения Ему, ради почитания нашего законного земного правителя, а также для собственной пользы и удобства. Символом означенного Общества должна быть ящерица. С целью учреждения означенного Общества и для совершённого, полного соблюдения описанных законов мы просили составить настоящее письмо и скрепили его нашими печатями. Совершилось это после Рождества Христова в году 1397 в день святого апостола и евангелиста Матфея. И мы хотим, чтобы каждый, кто присоединится к Обществу, прикрепил свою печать к этому письму».

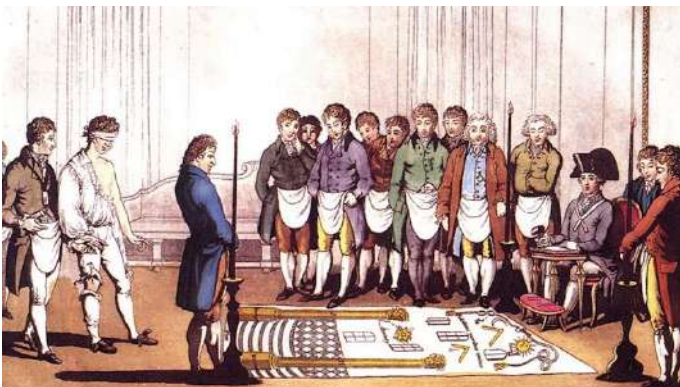
Таким образом, можно сделать вывод. Что согласно заявлению создателей «Ящерицы», они хотели своими силами поддержать каждого члена союза в различных делах, если его несправедливо притеснят или нанесут какой-либо вред.

Из учредительного документа следует: «Союз Ящерицы» не вступает против правителей страны, и если родственник по мужской линии обидит или поступит несправедливо с одним из членов «Союза Ящерицы», то другие члены не должны вмешиваться в этот конфликт. Тем самым «Союз Ящерицы» пытался избежать обвинений в том, что его руководство якобы хочет стать судьёй для правителей государства и вмешивается в личную жизнь членов объединения, так как эти обвинения привели бы к неминуемой гибели этого союза. Тем самым обеспечивалась не только сохранность

союза, но и доверие между участниками.

Символ союза – ящерица – обнаружена только в печатях членов этого сообщества. В связи с этим И. Фойгт пишет: *«Такую гипотезу я выдвигаю на основании сохранившихся оттисков печати на двух письмах Людвига фон Мортангена и восковой печати Ганса фон Гиппелина (оба члена «Общества Ящерицы»). На печатях изображена фигурка животного, скорее всего, ящерицы. Изображение животного на печати Людвига фон Мортангена, поставленной в 1454 году, очень похоже на то, что мы видим на печати Ганса фон Гиппелина. Поскольку оттиски на сохранившихся документах очень нечёткие, быть абсолютно уверенным в том, что это ящерица, нельзя. Печати других рыцарей «Общества Ящерицы» я, несмотря на все старания, обнаружить не смог».*

Неизвестно, проводились ли какие-то ритуалы над новобранцами, вступившими в союз, но известно, по каким причинам новобранцев могли не принять в «Союз Ящерицы». Во-первых, до 1452 года в «Ящерицы» не принимали тех, кто имел личные ссоры с верховным магистром Тевтонского ордена. Во-вторых, в случае если не все действующие участники были

согласны со вступлением рыцаря в их союз. Также, будучи рыцарским союзом, объединение принимало в свои ряды только знатных рыцарей, но впоследствии, когда сообщество стало активно вмешиваться в политику, стали принимать различных чиновников, бургомистров важнейших городов, видимо для того, чтобы усилить своё влияние. Судя по учредительному документу, четверо старейшин решали организационные вопросы, они считались верховными руководителями рыцарского объединения.

У верховного магистра Тевтонского ордена Ульриха фон Юнгингена в период его правления с 1407 по 1410 годы не было повода для подозрений в отношении данного союза. Более того, в 1408 году, видя угрозу со стороны Польши и Литвы, он поддерживал дворян в пограничных с Польшей землях, в том числе и в Кульмской

земле, где находились члены «Союза Ящерицы». Он, чтобы заручиться поддержкой «Ящерицы», признал её как закрытое дворянское сообщество, что говорит о его доверии. Также, когда магистр в 1410 году призвал всех рыцарей воевать с поляками, рыцари «Союза Ящерицы» тоже взяли за оружие и формально встали на защиту орденового государства. Но в сражении под Танненбергом (Грюнвальдом) Николаус фон Ренис, будучи знаменосцем Кульмской земли, повёл себя как изменник (если сведения о его предательстве верны). В этой битве принимали участие его братья Ганс фон Полкау и рыцарь Николаус фон Пфайльсдорф.

Ещё одним немаловажным событием в истории «Союза Ящерицы» является попытка смещения Генриха фон Плауэна с поста великого магистра ордена с 1410 по 1414 годы. После поражения под Танненбергом Тевтонский орден находится в бедственном положении. Члены «Союза Ящерицы» более других ощутили на себе последствия этого поражения. Путь войск Ягайло проходил через Морунген, Кристбург и Реден. Эти города и их окрестности были разорены. Именно в этих землях находились владения большинства членов союза. Замок в Редене стал одной из немногих крепостей, не сдавшихся врагу, поскольку комтур Николаус фон Мелин храбро защищал его. Но само это обстоятельство во многом способствовало опустошению владений рыцарей Реденской области. Государство Тевтонского ордена оказалось на грани экономического краха, да и среди самих братьев уже не было прежнего единения в подчинении законам ордена, господствовало высокомерие, стремление к высоким постам, порождавшее клевету и преследования, упрямство и сопротивление.

После всех этих событий к власти в ордене пришёл Генрих фон Плауэн, он всеми силами стремился спасти его от полного уничтожения. По Торнскому мирному соглашению 1411 года орден обязался выплатить полякам 7 164 000 богемских грошей. Для ордена это была непосильная задача, поэтому, чтобы собрать нужную сумму, фон Плауэн торопил должников.

Среди них был член «Союза Ящерицы» Ганс фон Кинтенау (за возмещение его долга братья Николаус фон Гломмау и Фридрих фон Кинтенау, члены данного союза, поручились своими именами). А комтур Редена Георг фон Вирсберг, привыкший к роскоши и удовольствиям, воспользовавшись служебным положением, незадолго до вступления в должность, взял у жителей Данцига и Бреслау значительные суммы денег в долг, пообещав, что вскоре возместит эти средства, но этих денег не получил, так как вмешался верховный магистр.

И. Фойгт считает, что эти деньги фон Вирсберг хотел взять в долг с намерением истратить их на осуществление заговора против магистра: «...оплата наёмников, которых он хотел ввести в страну с целью осуществления своего подлого деяния». Эти обстоятельства привели к знакомству комтура Редена с положением дел и настроением рыцарей «Союза Ящерицы». Вероятно, они поделились своим мнением и пришли к взаимному согласию – спланировать смещение верховного магистра.

По материалам книги Анатолия Павловича Бахтина «Немецкий орден» 2020 года и работы Д. Д. Радиновича «"Союз Ящерицы" или "Общество Ящерицы" XIV – XV веков».

Некогда мощное, богатое и уважаемое орденовое государство к концу Тринадцатилетней войны (1454 – 1466), по сути, оказался нищим. Благосостояния страны более не существовало, экономическая мощь упала до минимума. Население сократилось на половину.

Крестьяне, немецкие и прусские, так обеднели, что едва ли были в состоянии возделывать свои поля: у них не было рабочей силы, скота и лошадей, отсутствовали инвентарь и деньги. Орден не имел возможности расплатиться с наёмниками. Часть из них ещё до войны получила пожалования в виде деревень,

городов и целых атмов (районов). Но эта практика касалась только немцев: ни полякам, ни чехам, ни даже немцам из Чехии такие пожалования не делались. С этого времени в Пруссии появились крупные землевладельцы-юнкера.

Ко времени ликвидации Ордена ситуация в Пруссии сильно изменилась. На пост хохмейстера из конъюнктурных соображений стали приглашать детей фюрстов (князей) Германской империи. Это делалось в надежде на то, что эти династии смогут оказать помощь Ордену в его отчаянном положении.

Последний хохмейстер, избранный из орденских рядов, Иоганн фон Тифен ещё до своей смерти назначил своим преемником Фридриха, младшего сына, Саксонского герцога. Генеральный капитул Ордена после долгих переговоров с Фридрихом 29 сентября 1498 года принял его в члены Ордена и избрал на пост хохмейстера.

Урождённый имперский князь Фридрих Саксонский придерживался жёсткой политики относительно Польши, не признавал Второй Торнский мир, обязывающий к присяге верности польскому королю (о ленной зависимости речи не было в документе от 19 октября 1466 года, подписанного в Торне, согласно которому Польше отошло более половины территории орденского государства с Мариенбургом). В 1507 году, продолжая оставаться хохмейстером, Фридрих покинул Пруссию и жил в Саксонии. Власть он передал четырём регентам: епископам помезанскому и замландскому, и двум управляющим Ордена – великому комтуру Симону фон Драхе и маршалу Вильгельму цу Айзенбергу.

После смерти в 1510 году 36-летнего великого магистра Тевтонского ордена Фридриха Саксонского регентский совет, в результате длительных переговоров с имперскими князьями, подобрал кандидатуру нового хохмейстера Тевтонского ордена.

Это был юный Альбрехт Бранденбург-Ансбахский из Франконии.

После того как его согласие было получено, он был принят в члены Ордена. На капитуле в Кёнигсбергском замке по требованию регентов 6 июля (по другим сведениям, 14 февраля, скорее, эта дата принятия решения регентами о кандидатуре) 1511 года Альбрехт был избран 37-м хохмейстером Тевтонского ордена.

Новый хохмейстер был сыном маркграфа Фридриха Ансбахского, его мать София Ягеллонка была дочерью польского короля Казимира IV, третьим из 8-ми сыновей. Сам Альбрехт приходился племянником тогдашнему польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I (1506 – 1548). Это был приятный молодой человек 21 года, высокого роста, с большим дефектом зрения: у него было заметное косоглазие.

37-ой великий магистр был человеком эмоциональным, умным и хитрым, неплохим администратором, но воинскими доблестями не отличался.

В 16 лет в качестве духовного наставника – каноника, Альбрехт отправился в поход императора Священной Римской империи Максимилиана I Габсбурга в Италию. Об императоре, взявшего под свою защиту Тевтонский орден от польской дипломатии, Максимилиане мы расскажем, упомянув свадебный гульдинер, который чеканится по личному распоряжению императора в 1511 году, – необыкновенно красивая монета с датой 1479 года и изображениями Максимилиана I и его любимой первой жены Марии Бургундской, единственной дочери Карла Смелого, желанной невесты Европы конца XV века.

В 1477 году король Германии, император Священной Римской империи Максимилиан I вступает в брак с Марией Бургундской. Через пять лет, в марте 1482 года Мария разбилась, упав с лошади. Через три недели мучений она умерла. В 1494 году Максимилиан I повторно вступает в брак с Бьянкой Сфорца Миланской, которая умирает в 1510 году.

В 1511 году по личному распоряжению императора чеканятся потрясающе красивые монеты с датой 1479 года с изображением Максимилиана I и его любимой первой жены Марии Бургундской. Эту монету с тех пор называют свадебный гульдинер...

К слову о свадьбе, свадьбе Максимилиана, той которая состоялась уже в 1515 году, когда Альбрехт привлёк уже было на свою сторону императора во внешней политике Ордена, осторожно высвобождаясь из-под зависимости польского короля. 22 июля 1515 года состоялась знаменитая Венская двойная свадьба, которая разрешила конфликт за Богемию и Венгрию дом Габсбургов с польским королём Ягеллоном.

Император женил две пары детей от брака с Марией Бургундской: своих внуков Марию и Фердинанда на детях короля Венгрии и Чехии Владислава II из династии Ягеллонов – кронпринце Людвиге и принцессе Анне. 56-летний Максимилиан сам пошел к венцу с 12-летней Анной, так как её жених находился в Испании. То есть дед был на свадьбе представителем внука. И вообще в день венчания было ещё не вполне ясно, чьей женой станет Анна в будущем – Фердинанда или его брата Карла. Но главное было перехватить выгодную невесту.

Две могущественные европейские династии — Габсбурги и Ягеллоны — оказались связанными двойными узами. 11 лет спустя, после гибели Людвига в битве при Мохаче против османов, Фердинанд унаследовал венгерскую и чешскую короны. Габсбурги сохранили эти титулы на четыре столетия до завершения Первой мировой войны.

А что же с Альбрехтом? Интерес Альбрехта остался в стороне от императора, династического комбинатора, – браки всегда были важным и верным средством для ведения внешней политики династии Габсбургов.

Новый хохмейстер пытался уклониться от присяги на верность польскому королю. Между Альбрехтом и Сигизмундом начались затяжные дипломатические переговоры, которые всё более обостряли ситуацию между двумя государствами. Тогда Альбрехт решил на войну против Польши – последнюю войну Тевтонского ордена «Войну всадников», которая завершилась через два года перемирием.

Но ещё до окончания перемирия Альбрехта при посредничестве своего брата маркграфа Георга фон Ансбах-Бранденбурга и герцога Фридриха фон Лигница унд Брига вступил в мирные переговоры с Сигизмундом I. На этих переговорах рассматривалось несколько проектов мирного договора. Остановились на весьма радикальном, одобренном Альбрехтом. По этому проекту орденская территория передавалась нынешнему хохмейстеру в собственность (!) в качестве светского герцогства, находящегося в ленной зависимости от польского короля. Этот договор предусматривал роспуск Немецкого ордена в Пруссии.

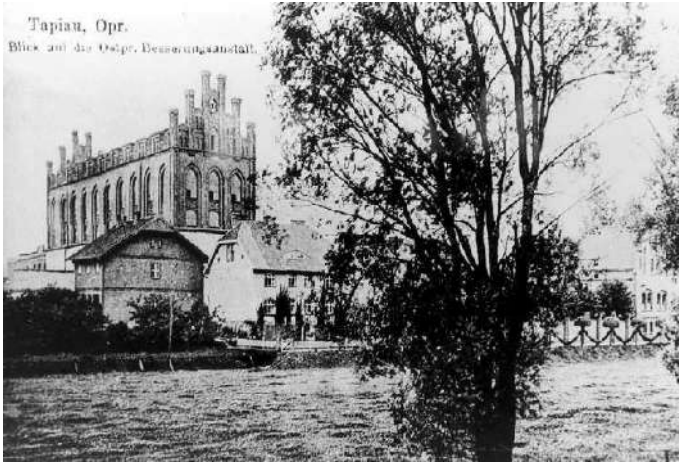

Всевозможными методами Альбрехт плавно пересел с выборной должности хохмейстера на наследственный трон герцога Пруссии. Этот трон, согласно Краковскому договору от 8 апреля 1525 года, он благополучно получил от своего дяди, короля Польши Сигизмунда I.

Вместе с ликвидацией Ордена заодно была проведена церковная реформа. Всё герцогство Прусское приняло лютеранство. Альбрехт секуляризировал все оставшиеся на его территории епископства и монастыри, забирая их земли в пользу государства, проще говоря – в пользу самого герцога.

С появлением в истории Альбрехта Бранденбургского началось динамичное внутреннее развитие Пруссии без серьезных военных потрясений.

Статус замка Тапиау существенно поднялся именно при герцоге Альбрехте Бранденбургском.

В 1511 году 21-летний маркграф Альбрехт фон Бранденбург-Ансбах, Гогенцоллерн-франконской ветви и племянник польского короля, был избран Великим магистром Ордена. Он тщетно пытался заручиться поддержкой и помощью князей Германской империи и иностранных держав,

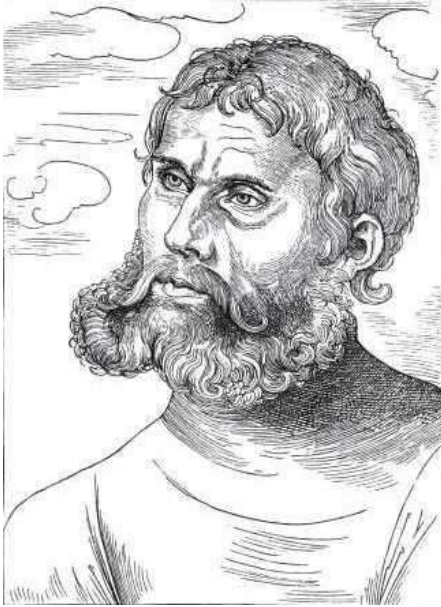
избавиться от политической зависимости польского короля и устранить угрозу со стороны польско-литовской княжества.

Избранному магистру была подчинена только оставшаяся во владении ордена в 1466 г. менее ценная восточная часть страны; кроме того, он должен был присягнуть королю Польши. Как и его непосредственный предшественник Фридрих фон Саксен, он попытался избежать этого. Попытка освобождения от польской зависимости в ходе «Войны всадников» 1519—1521 гг. не удалась, но он получил четыре года перемирия для поиска решения. От императора и империи Альбрехт и орден не дождались никакой значимой поддержки, только обещания, облеченные в красивые слова. Таковы были

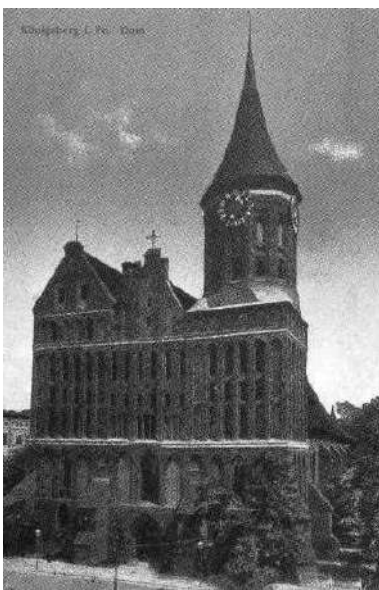
предпосылки превращения «политика» Альбрехта в «богослова» с сохранением за ним и роли суверена.

Осенью 1522 г. он прибыл на свою франконскую родину в Нюрнберг, где проходил рейхстаг. Там же впервые услышал проповеди богослова Андреаса Осияндера, уже находившегося под влиянием Лютера. Они, как позже заявлял Альбрехт, и привели его к изменению образа мыслей. В июне 1523 г. Альбрехт предпринял первую попытку контакта с Виттенбергским реформатором, чтобы обсудить с ним возможность реформирования ордена, что из дипломатических соображений можно было сделать только тайно. Личная встреча в Виттенберге случилась только в конце ноября, прошла она с участием богословов Филиппа Меланхтона и Пауля Сператуса.

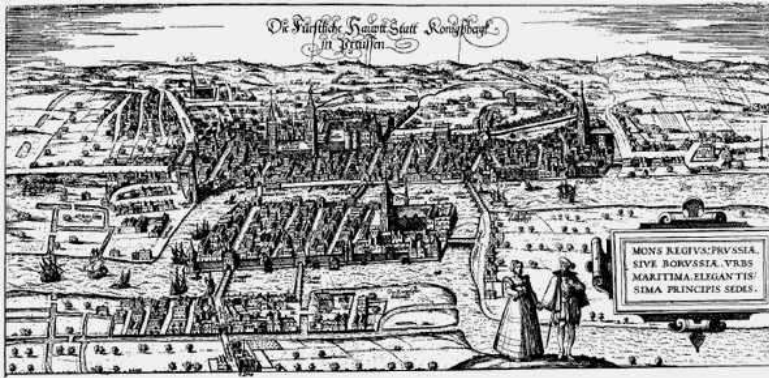
Визит князя из имперского княжеского дома был экстраординарным событием и для реформаторов. Ответ Лютера на обсуждавшиеся вопросы мы находим в опубликованном им в декабре 1523 г. сочинении «К господам Тевтонского ордена, о том, что надлежит им избегать ложного целомудрия и стремиться лишь к истинному целомудрию в супружеской жизни», в котором он советовал преобразовать орденское государство в Пруссии в светское княжество.

За время отсутствия Великого магистра идеи Реформации достигли Пруссии. Чтобы удержать в своих руках решение связанных с этим «политических» вопросов, Альбрехт должен был действовать энергично. Его доверенным лицом в орденской стране был Георг фон Поленц. Ещё во время военных походов с 1508 по 1510 годы, один раз с отцом, другой – с братом в Венгрии, надеясь обрести право на наследство, Альбрехт при осаде Падуи познакомился с Георгом фон Поленцем, выходцем из знатного майсенского рода. Поленц был человеком образованным, обучался в Лейпциге, в 1498 году стал бакалавром, затем продолжил обучение в высших школах Италии, некоторое время находился при дворе папы Юлия II и затем поступил на военную службу к императору Максимилиану I. Со временем Поленц и Ансбах стали близкими друзьями и вместе с Альбрехтом Георг вступил в орден. С 1519 года епископ Замланда Георг фон Поленц во время долгого отсутствия Альбрехта был регентом в Пруссии.

Георг фон Поленц тоже был убежденным сторонником Реформации и со всею сердечностью принял в Пруссии в сентябре 1523 г. посланника Лютера Йоханнеса Брисмана, который 27 сентября выступил в Кёнигсбергском соборе с первой евангелической проповедью. Вероятно, Великий магистр сам призвал его сделать это. Проповедь епископа Георга фон Поленца на Рождество 1523 г. отчетливо показала его переход к реформатской вере, в том числе и читателям многочисленных оттисков проповеди за пределами Пруссии. В следующем году он все еще в отсутствие Великого магистра предпринял дальнейшие действия, призванные способствовать делу Реформации. В частности, следует отметить его «Реформационный мандат» от 28 января 1524 г., которым он

ввел использование немецкого языка в обряде крещения, что открыло аналогичную перспективу и для других языков в стране. Он также рекомендовал читать сочинения Лютера.

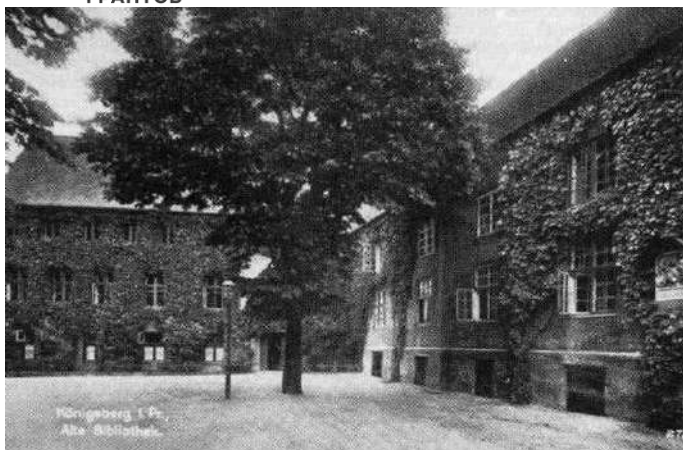
После того как в 1524 г. все переговоры ордена с императором и империей, в том числе и на заседаниях рейхстага, о помощи в противостоянии с Польшей не увенчались успехом, осталась только возможность политического договора с польским королем. Посредниками в этом стали герцог

Фридрих II Лигницкий и маркграф Георг фон Бранденбург, брат Альбрехта. У польских магнатов мнения были разные, но ввиду близкого родства Альбрехта с королем Сигизмундом I теплилась надежда на установление мира по северной границе. Мирные переговоры в Кракове закончились 8 апреля 1525 г., а 10 апреля последовала инвеститура Альбрехту герцогства Пруссия. Снятие орденового плаща было предусмотрено уже в договорных документах, введение Реформации не было предметом договора. Таким образом Альбрехт достиг того политического положения, которое делало возможным дальнейшее развитие национальной евангелической церкви, центром которого стал Кёнигсберг.

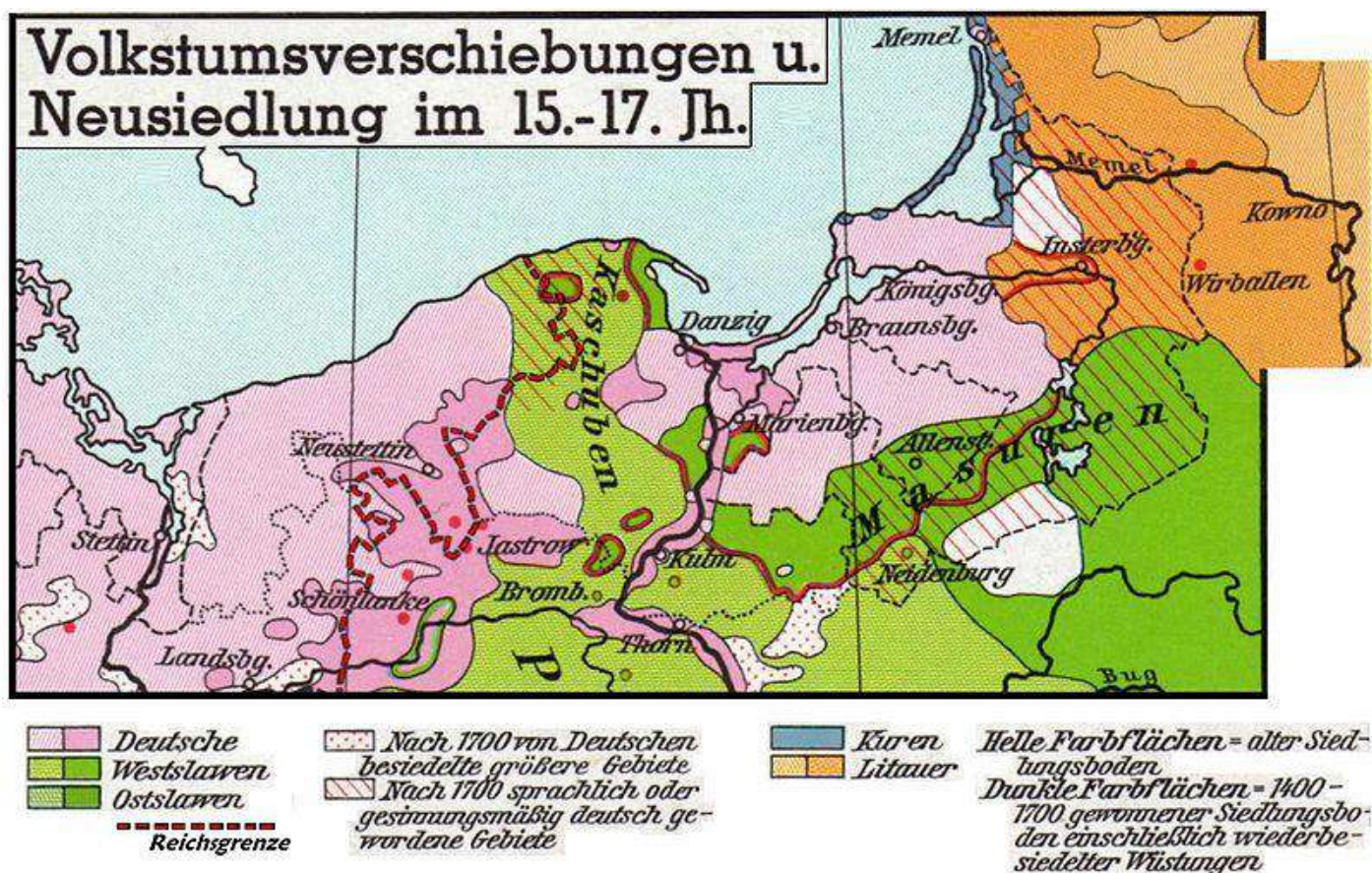
При абсолютно пустой государственной казне Альбрехт Бранденбургский добился политической самостоятельности, заключив с польским королем в 1525 году Краковский мирный договор. Пруссия сохранила свою территорию, согласно Второму Торнскому договору 1466 года, но религиозно-военное государство было преобразовано в светское герцогство. Великий Магистр Альбрехт фон Бранденбург-Ансбах упразднил Орден на

территории Пруссии и стал первым наследным герцогом Пруссии. Одновременно герцог Альбрехт перешел в протестантство и после консультаций с Мартином Лютером осуществил Реформацию в своей стране. Таким образом, герцогство Пруссия стало первым протестантским государством в мире. Взамен герцог Альбрехт должен был признать польского короля феодалом и добровольно выйти из Священной Римской империи германской нации. Западная часть бывшего орденового государства, так называемая Королевская Пруссия, продолжала оставаться под польской короной в качестве автономной территории, как и епископство Вармии.

После достижения мира с Польшей герцог Альбрехт приступил к восстановлению страны в экономическом и культурном плане. Он провел административные реформы, реорганизовал финансовую систему и, в результате Реформации, сменил церковную систему, развивал школы и основал в 1544 году Кенигсбергский университет. Он обратил особое внимание на колонизацию

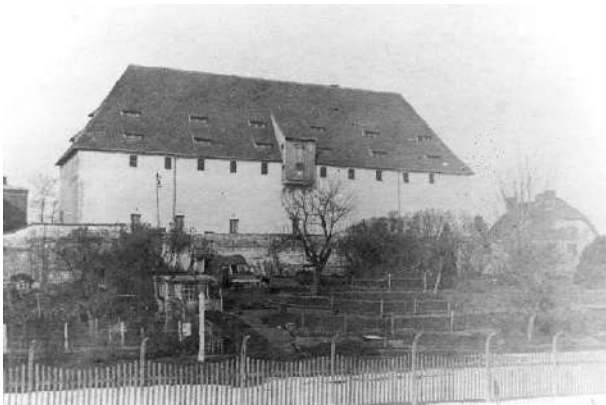
приграничных диких местностей на востоке и юге страны, освоение этих территорий шло планомерно и интенсивно. Расширение администрации в этих областях шло с трудом наряду со стремительным освоением земель. Комтурства были переименованы в хауптамты, в свою очередь их разделили на районные амты – сельские общины. Местные сельские чиновники управляли многочисленными деревнями, селами и индивидуальными фермами и собирали налоги, по мимо этого они должны были набрать колонистов по собственной инициативе и целенаправленно расселять их в своих районах.

В сложный 16 век из немецких стран прибыло лишь несколько поселенцев, а вот приток иммигрантов из Польского герцогства Мазовия в южную Пруссию и из Великого княжества Литовского в восточную часть страны продолжался, как и прежде.

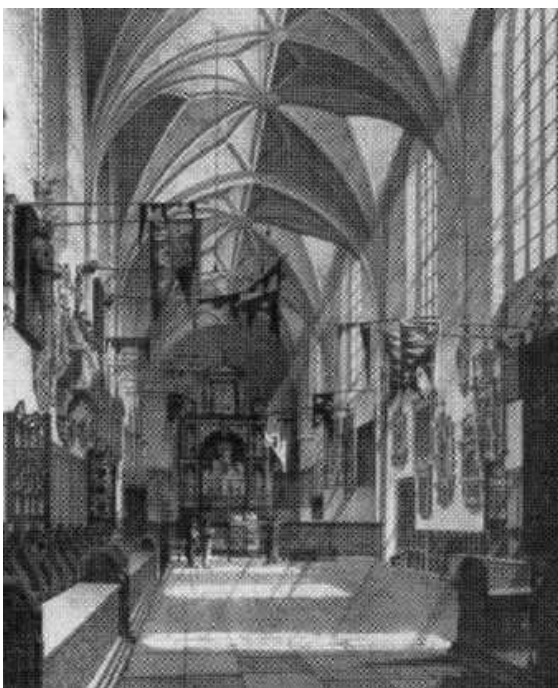

Основной причиной бегства крестьян из соседних государств было не перенаселение, а угнетение – экономическая и социальная нужда. Все чаще в протестантскую Пруссию бежали по религиозным убеждениям – с началом Контрреформации усиливалось давление на протестантов в Польше и Литве.

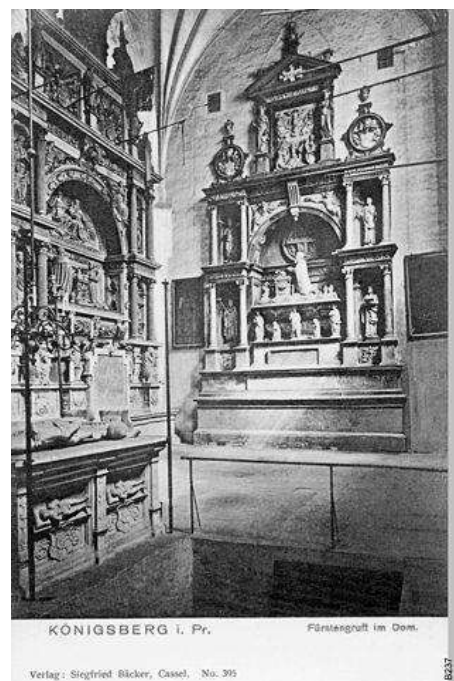

Альбрехт сделал замок Тапиау главным амтом, его глава с 1542 года принадлежал к государственному совету. Герцог частенько использовал замок как временную резиденцию. Для этого он провел в замке значительную реконструкцию, как того требовал статус светского правителя.

Умер Альбрехт в 1568 здесь же в Тапиау в возрасте 78 лет (долгожитель по меркам того времени). Первоначально герцог был погребен в замке Тапиау, и пока готовилось надгробие известным голландским мастером Корнелиусом Флорисом из чёрного мрамора, примерно два года в подвалах замка под базальтовой плитой покоилось тело последнего Великого магистра Тевтонского ордена и первого герцога светской Пруссии.

Лишь затем его прах был перенесен в склеп Кафедрального собора Кёнигсберга, эпитафия занимала почти всю восточную стену, богато украшенный саркофаг орнаментом и скульптурами, каждая из которых являлась христианским символом и содержала в себе определённый смысл, передавал сакральность эпитафии и, таким образом, значимость Альбрехта Бранденбургского в истории Пруссии.

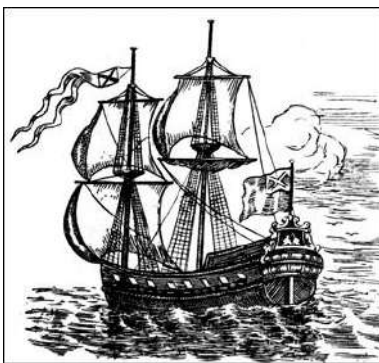
Фрагмент фундаментальной работы из 17 глав «Об истории района Пиллькаллен/Шлоссберг» профессора Эрвина Шпера (Erwin Spehr), а также фрагмент статьи Б. ЙЕНИГА «ЗНАЧЕНИЕ КЁНИГСБЕРГА ДЛЯ ПРИНЯТИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕФОРМАЦИИ В ПРУССИИ».

В замке Тапиау в мае 1697 года останавливалось Великое посольство Петра I. Около 200 человек провели в замке одну ночь, но сам Пётр I в этом замке не бывал...

Российский царь посетил Тапиау весной 1716 года, проводя русскую эскадру из Лабиау в Кёнигсберг. В тот год Пётр был занят реализацией идеи десанта в Швецию. С этой целью он распоряжается о сосредоточении войск, готовых к десантированию, лично рекогносцирует места высадки десанта, пытается объединить усилия четырёх флотов: России, Англии, Голландии и Дании. Одно время он даже командует объединённым флотом. В связи с подготовкой десанта, Пётр принимает решение перебросить в район Гданьска галерную эскадру. Эскадра состояла из двух шнав (небольшое парусное судно, распространённое со второй половины XVII века до конца XIX века в северных странах Европы и в России, имели две мачты с прямыми парусами) и других гребных судов, общей численностью в 45 кораблей. 14 февраля царь пишет капитан-поручику Г. Муханову, командовавшему эскадрой: «1. Кой час лёд вскроется идти с обеими шнавами до Мемеля и велеть идти гафами до Гданьска уж и там ждать указа...»

Стоит отметить прекрасное знание Петром гидрографии Пруссии. Да, можно было идти из Мемеля в Гданьск морем, прижимаясь к берегу. Но зимне-весенние условия для

небольших плоскодонных судов были всё же тяжелы и могли стать причиной гибели эскадры. Следовало считаться и с возможностью нападения шведских кораблей. Значительно более удобным, хотя и более протяжённым, был маршрут с использованием прусских рек и заливов. Для этого из Мемеля следовало идти Куршским заливом до Лабиау, затем по реке Дейме до Тапиау, оттуда Прегелем через Кёнигсберг в Вислинский залив.

В Гданьске царь получил известие о том, что эскадра сосредоточивается в Лабиау. Учитывая известные сложности речного пути, Пётр принимает решение самому участвовать в проводке кораблей. Оставив супругу в

Гданьске, в «19 день (апреля) по утру рано Государь поехал из Ганс-Круга на встречу помянутой эскадре до Кенигсберга» (Из «Журнала или поденная записка»).

Проводка кораблей из Лабиау в Гданьск была осуществлена успешно: 27 апреля пополудни Пётр с эскадрой прибыл в город.

Фрагмент из книги Г. В. Кренинина «Прусские маршруты Петра»

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 016727
Tapiawitz, Kreis Wehlau, MT13092-0. Besserungsanstalt III. (1913). © Schaar und Urthe, Trier

Во время правления короля Фридриха Вильгельма III, начиная с 1786 года, в замке Тапиау действовал приют для бедных, а в 1793 году дом презрения принял первых дряхлых, убогих, больных и сирот, позднее – солдат-инвалидов, участников Наполеоновских сражений.

В 1879 году были снесены три флигеля старого орденового замка, который перестроили под исправительное учреждение, с различными мастерскими и даже своей типографией. В 1911 году в тюрьме отбывало 176 мужчин и 38 женщин самого различного возраста.

В период Веймарской республики и при правлении нацистов в замке Тапиау всё также размещалась тюрьма.

С апреля 1945 года замок преобразован в следственный изолятор для содержания военных преступников, позже – опять же в тюрьму.

История Тапиау как места для содержания преступников продлилась более двух столетий. В советское время учреждение часто реорганизовывали. В замке располагалась Тапиауская тюрьма, затем — детская трудовая колония, а после — следственный изолятор для содержания военных преступников. Некоторое время объект функционировал как пересыльная тюрьма. Последние 60 лет на территории средневекового замка размещалась

мужская колония общего режима. В сохранившемся корпусе замка располагались спортзал, столовая, а также жилые помещения.

В колонии содержались те, кто осуждён впервые. По словам сотрудников, это самая сложная категория заключённых, незнакомая с тюремными правилами и распорядком. Возраст зеков разный, но в большинстве своём это достаточно молодые люди с небольшими сроками заключения. Хранение наркотиков, грабежи, кражи — вот примерный список криминальных статей у бывших арестантов ИК-7.

В Гвардейске расположен единственный в регионе средневековый замок, где сохранились строения середины XIV века и уникальные фрески. Замок Тапиау подлежит государственной охране согласно Постановлению Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 года № 1327. Является объектом культурного наследия Калининградской области федерального значения.

Ветшающие, но все еще крепкие стены крепости на протяжении 10 лет переживали судьбу о переносе из замка исправительной колонии и создании туристического объекта.

В 2021 году судьба «замка-узника» Тапиау в городе Гвардейске разрешилась в пользу туристического объекта – тюрьму освободили от заключённых, исторический объект перевели из федеральной в областную собственность и передали в пользование Областному историко-художественному музею. В сентябре замначальника управления ФСИН по региону и директор областного историко-художественного музея подписали договор

о передаче 48 объектов замка в пользование музея.

Ещё в начале 2021 года губернатор Калининградской области Антон Алиханов отметил, что регион заинтересован в восстановлении замка и использовании его в качестве туристического объекта. Правительство области планирует реализацию соответствующего инвестиционного проекта за 12 лет, который, по словам губернатора, оценивается в 2,1 млрд рублей.

В начале 2022 года Областная дума приняла решение о передаче замка Тапиау Корпорации развития Калининградской области, а в конце мая Областной историко-художественный музей, в свою очередь, передаёт объект. В апреле группа компаний «Элмонт» представила концепцию развития средневекового замка Тапиау.

Инвестор готов вложиться в ремонт объекта культурного наследия и организовать в сохранившемся замковом флигеле музей. На остальной территории предлагается разместить ресторан исторической кухни, видовую башню с кофейней, охотничий домик с гриль-зоной, этнографический центр и центр обучения традиционным ремеслам, а также гостиницу. Часть средств инвестор рассчитывает привлечь с помощью губернаторской программы восстановления памятников и дальнейшего вовлечения их в экономику региона.

«Все наши памятники важны для региона, но этот замок – особенно», – отметил глава региона.

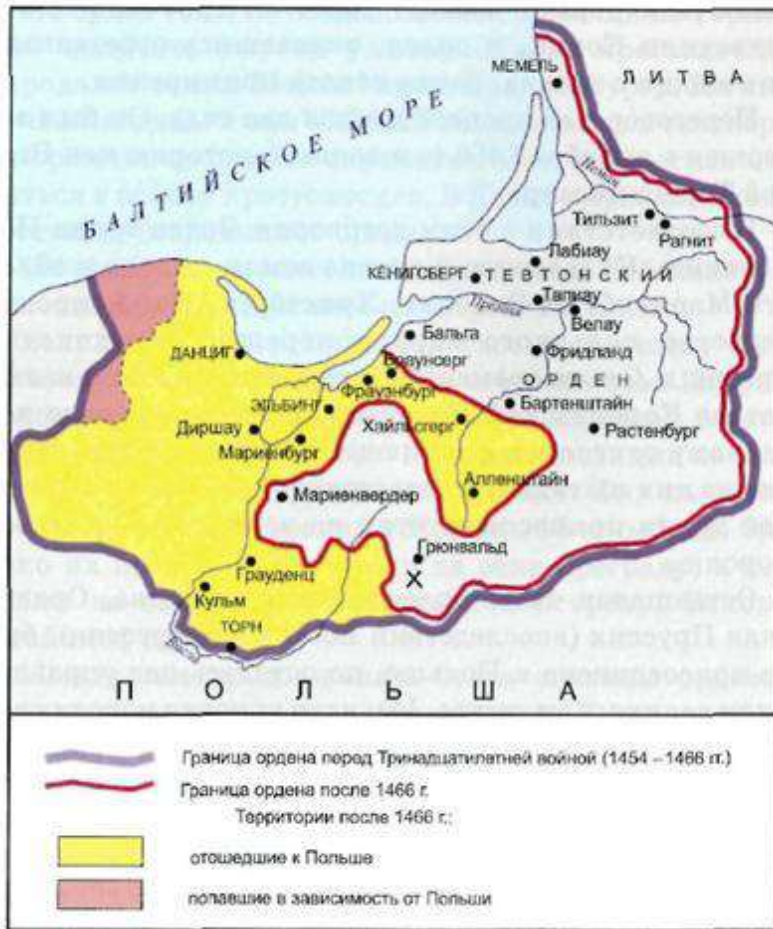

Усадьбы Восточной Пруссии оказались родовыми гнездами фамильных династий, которые закладывались на руинах средневековых замков, доставшихся от предков. Большая часть поместных владений была передана в качестве оплаты орденовских долгов командирам наёмников участников разорительной Тринадцатилетней войны, завершившейся подписанием Второго Торнского договора в 1466 году.

Эта война являлась типичным средневековым конфликтом между сословиями и сюзереном, которым в данном случае являлся не князь, а духовно-рыцарский орден. Основным сословным противником ордена являлась группа олигархов, богатых и властных лиц

крупных городов и сельского рыцарства. Противниками ордена в Пруссии были самые богатые и влиятельные подданные, которые смогли заявить о своей политической силе и заключить союз с другими, преимущественно развитыми регионами, где знать была сильна и где она хотела и могла удовлетворить свои притязания.

Поэтому неслучаен итог территориального раздела страны по Торнскому миру. Орден вынужден был уступить самую обширную и плодородную часть страны, оставив за собой лишь один крупный город Кёнигсберг. В его формальном подчинении остались также два епископства – Помезанское и Самбийское.

Восточная часть Пруссии тогда социально сильно изменилась – на переданных орденом обширных владениях появился новый слой прусской знати – юнкера.

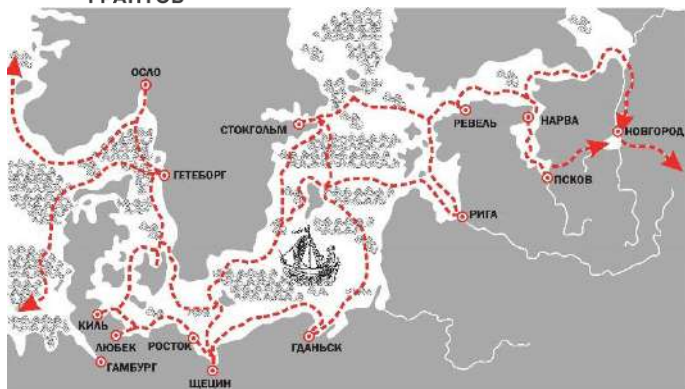
Утраченные территории орденового государства были инкорпорированы (присоединены) польской короной как автономные области. Фактически исход войны решился в пользу того, кто мог платить

наёмникам высокое жалование. Орден вынужден был уступить наиболее развитые регионы, где сословия оказывали особенно упорное сопротивление. Из 21 тысячи довоенных деревень в Пруссии осталось всего 3013 крайне бедных и немногочисленных, 1019 церквей были уничтожены, сохранившиеся разграблены и осквернены.

С окончательной потерей Мариенбурга резиденцией верховного магистра стал Кёнигсбергский замок, в котором 4 апреля 1467 года умер Людвиг фон Эрлихсхаузен. Он стал вторым магистром после Лютера фон Брауншвейгского, скончавшегося в 1335 году, погребённым в Кёнигсбергском кафедральном соборе.

Немецкий историк и писатель Бернхард Йенинг охарактеризовал почившего магистра:

В Эльбинге на переговорах с губернатором города Генрих Ройс фон Плауэн требовал не только отмены ограничений свободной торговли, противоречащих мирному договору, но и полной свободы торговли на всех путях по суше и воде. Также в согласии с губернатором были разработаны многие положения, которые имели своей целью как повышение благосостояния в

городах (посредством развития торговли и ремёсел), так и улучшение расстроенных финансовых отношений ордена посредством регулирования налогов и других сборов с домов и земель, а также оживление земледелия и возрождение сельскохозяйственных предприятий. Конечно, цель, к которой стремился правитель, была ещё очень далека, многочисленные раны, нанесённые городам и всей стране беспощадной войной, залечивались очень тяжело и медленно.

Ещё сложнее была задача найти средства, чтобы выплатить чрезвычайные государственные долги, и в первую очередь – находившимся ещё на территории страны наёмникам. Наместнику удалось удовлетворить некоторые требования, одним – частичными выплатами из поступавших после заключения мира налогов, другим – признанием причитающихся им сумм или предоставлением залога, третьим –

предложением земельных владений (город, деревня, имение).

Тогда-то и случилось, что большое количество имений, деревень и даже нескольких городов в Пруссии перешло во владение отдельных частных лиц и возникло значительное количество новых дворянских имений. Так как при глубоком укоренившемся недоверии к ордену далеко не все, кто имел долговые претензии, соглашались на долговые обязательства, предлагавшие ежегодные частичные выплаты, то в 1468 – 1470 годах многие имения были выставлены на продажу, чтобы вырученными деньгами удовлетворить требования. Также некоторые имения и деревни, отданные в залог в счёт занятых денежных сумм, перешли в частное владение, так как ввиду затянувшейся бедности ордена не смогли быть выкуплены. Главы наёмников принимали от ордена в качестве возмещения долгов имения, деревни и даже город, и почти всегда с Магдебургским правом и одновременным обязательством дальнейшей военной службы как в наступательных походах, так и в обороне.

Nordenburg

Как пример, Шлибены стали владельцами чрезвычайно больших земельных владений. Георг фон Шлибен с Хансом и Магнусом фон Шлибен ещё до битвы при Конице в 1454 года пришёл на помощь ордену с внушительным войском. С тех пор он многие годы играл значительную роль как на военной службе, так и в посольствах за границу, и как участник многих переговоров. Наместник передал ему в

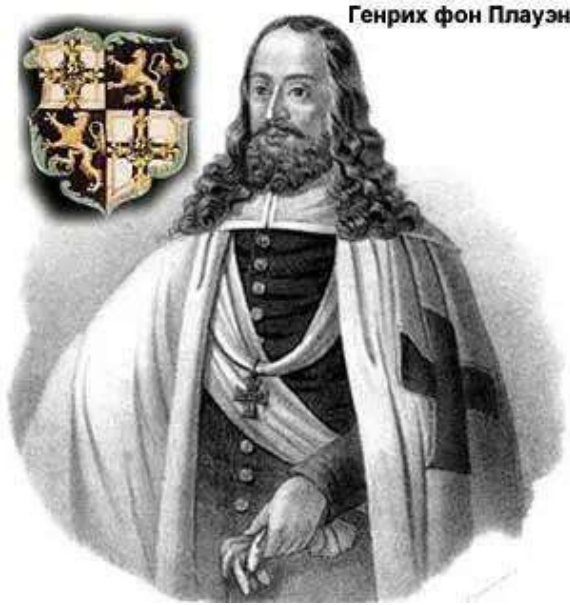
возмещение его военной службы и ущерба сначала замок и город Гердауэн. Затем город Норденбург, наряду с 14 деревнями и несколькими имениями с Магдебургским правом и с так называемыми дворянскими привилегиями. Эти владения впоследствии были увеличены за счёт дополнительных поместий и деревень, в результате Георг фон Шлибен стал, бесспорно, одним из богатейших дворян на всей орденской территории.

Будучи в основном занятым внутренними делами страны, Генрих Ройс фон Плауэн во внешнеполитических делах принимал лишь незначительное участие. Впрочем, они мало касались Пруссии. После смерти епископа Пауля фон Легендорфа 26 августа 1467 года эрmlandский соборный капитул, испытывая недоверие к польскому королю из-за его корыстных планов, в большой спешке назначил эрmlandского каноника Николауса фон Тюнгена, папского секретаря в Риме, его приемником. Король для утверждения своего влияния пытался продвигать своих протеже в Пруссию и желал отдать освободившийся епископский престол епископу Кульмскому Винцентию по прозвищу Кильбасса. Развернулся долгий ожесточённый спор, который летописцы окрестили

«поповской войной».

Наместник, склонявшийся в интересах ордена к избранному епископу, не мог вмешаться в этот спор, так как недоверие польского короля к ордену могло обострить ситуацию. Папа вопреки всяческим попыткам польских посланников склонить его на сторону короля медлил не только с подтверждением Торнского мира, но и со снятием опалы с территорий, вошедших в состав Прусского союза. Вину за это в Польше возлагали на епископа Винцентия, который употреблял все средства для поддержания недоверия короля против ордена в соответствии с якобы тайной просьбой умершего верховного магистра Людвиг фон Эрлихсхаузена и его правителей к папе.

Генрих фон Плауэн

Наместник в интересах ордена старался рассеять недоверие короля, поэтому ко всему, в частности к эрмландскому спору, подходил с особой осторожностью, тем более что папа не намерен был удовлетворить желания короля видеть епископа Кульмского Винцентия епископом Эрмланда. Более того, вскоре после выбора капитулом епископа утвердил его в должности, о чём сообщил сначала наместнику, а лишь затем королю. Таким образом, было ясно: римский престол полон решимости сохранить решение капитула и при любых обстоятельствах будет защищать нового епископа от неправомерных

нападков короля. Даже при такой решимости папы король не оставил свой план отобрать епископское звание у нового епископа и предоставить его своему фавориту для утверждения своего влияния на Эрмландскую церковь.

Эти отношения заставляли наместника соблюдать в отношении короля все возможные предосторожности. Тем более что в изобилии ходили слухи о множестве мыслимых и немыслимых движений, якобы имевших место в Пруссии, и даже слух о том, что орден под давлением императора и короля Венгрии снова готовится к войне против Польши.

Эти слухи вызывали в короле такую уверенность, что он сразу же послал епископа Кульма и Леслау на разведку в Пруссию.

Те обнаружили беспочвенность распространившегося слуха, но, выполняя поручение короля, вновь призвали к ускорению выборов верховного магистра, к чему король неоднократно призывал.

Генрих Ройс фон Плауэн понимал, что больше нельзя медлить с выборами магистра, не возбудив новых подозрений у короля. Вскоре он пригласил магистра (ландмейстера) Германии на Генеральный капитул. Вместо немецкого магистра прибыли лишь несколько уполномоченных, в том числе тогдашний орденский прокуратор и папский референдар (кандидат на занятие должности), Дитрих фон Куба.

Выборный Генеральный капитул законным порядком, как и ожидалось, 15 октября 1469 года единогласно выбрал бывшего наместника на должность верховного магистра Тевтонского ордена.

Едва король получил известие об этом, то потребовал на ближайшем сейме принести ему присягу. Было очень рискованно и промедлить с этим, и исполнить. В случае исполнения римский папа, не желавший утверждать Торнский мир, мог выразить своё недовольство. А поддержка папы была необходима, чтобы на место некстати заболевшего епископа Замландского Николауса фон Тюнгена можно было посадить уже упомянутого орденского прокуратора Дитриха фон Куба.

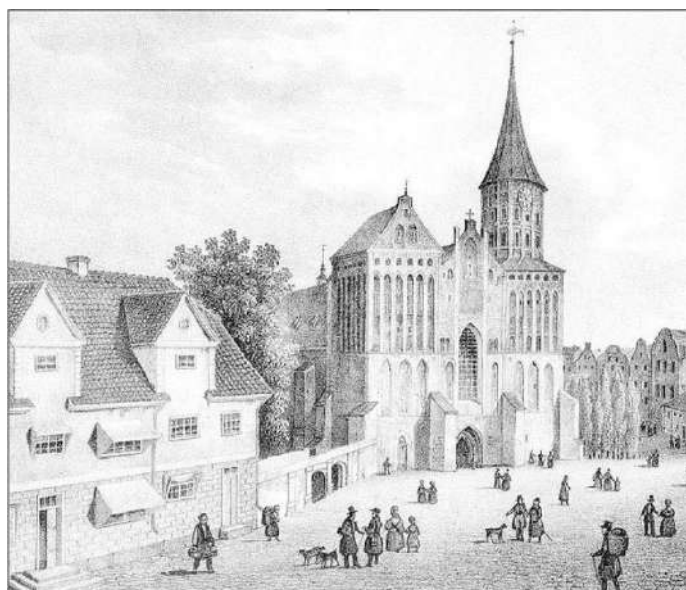
Также возникла очевидность, что после принесения присяги король привлечёт орден к участию в войне против Венгрии. Верховный магистр решил всё же ехать на сейм, где он и сопровождающие его лица были с почестями приняты королём. В имперском совете, где верховный магистр получил место непосредственно по левую руку от короля, сначала шла речь о косвенных затрагивающих Пруссию отношениях короля с Богемией. Затем верховный магистр принёс присягу.

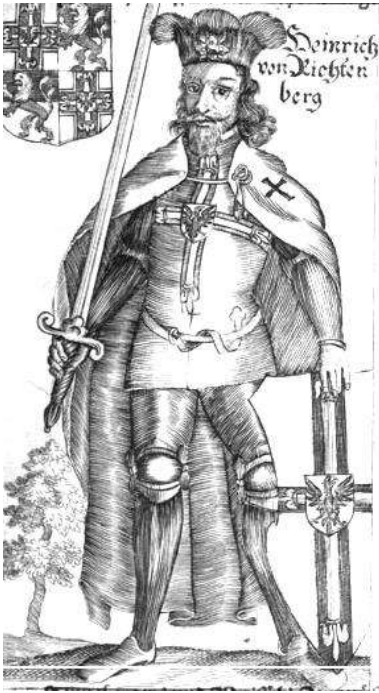

Далее королевский канцлер выступил с обвинением: он, будучи посланным королём в Рим, просил папу о подтверждении вечного мира; тот отказался, объяснив, что орден тайно просил этот мир не подтверждать, что вызвало очень большое недоумение у короля. Глубоко возмущённый этим клеветническим обвинением, магистр встал и со всем достоинством опроверг это обвинение. Король, поняв, что перегнул палку, сказал: *«Мы знаем, что упомянутое случилось два года назад, когда вы ещё не были*

верховным магистром, поэтому мы вас не обвиняем».

В последние дни 1469 года старый магистр тяжело заболел, болезнь так измотала его, что он смог только добраться до Морунгена. Там с ним случился удар, после чего он перестал говорить. Вскоре после этого, 2 января 1470 года он умер. Похоронен был в Кёнигсбергском соборе.

После смерти Генриха Ройса фон Плауэна великий комтур **Генрих Реффле фон Рихтенберг** был назначен наместником верховного магистра. Помимо неотложных финансовых проблем, его внимание заняли выборы нового епископа Замланда. После смерти епископа Николауса в январе 1470 года соборный капитул выбрал в его приемники не орденского прокуратора Дитриха фон Куба, как того желал недавно умерший фон Плауэн, а замландского каноника Михаила Шёнвальда, которого поддерживал назначенный наместник.

Дитрих фон Куба был доктором права и характеризовался как *«весьма ловкий и остроумный человек, красивый, белый, изящной комплекции и не забывавший ничего божественного»* (Оскар Шлихт. «Западный Замланд»).

Прокуратор, имевший хорошие связи при папском дворе, приложил все силы, чтобы заполучить место епископа. Ему удалось привлечь на свою сторону папу и обеспечить себе его утверждение. Дитрих сумел хитро завуалировать свои собственные действия, распространяя информацию о том, что папа предложил ему епископство и он без колебаний принял его.

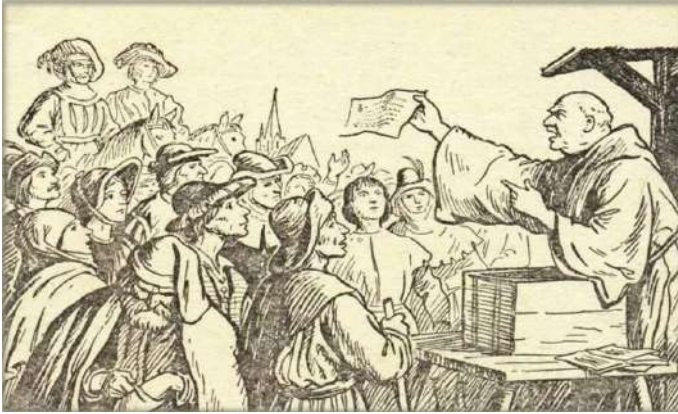

Дитрих фон Куба старался успокоить избранного соборным капитулом Михаила Шёнвальда, назначив его своим генеральным представителем и викарием. Претендент прилагал усилия, чтобы добиться одобрения наместника, заверял его, что сможет привести в порядок богослужение в епископстве. Говорил он также и о том, что папой обещана ему «весомая скидка», оправдание тех, кто во время войны

запятнал себя беззакониями. Эти и другие обстоятельства подвели наместника к соглашению, соборный капитул тоже рискнул отстаивать своё право выбора.

Дитрих по возвращении в Пруссию привёз с собой две папские буллы, в одной из которых папа разрешил жителям Кёнигсберга и Замланда, в том числе членам Ордена, при пожертвовании, способствующих развитию церкви, в дни поста есть масло и молочные продукты. Во второй булле епископу разрешалось отпускать даже те грехи, которые были во власти только Римскому престолу (самого папы).

Буллы во многих отношениях были чрезвычайно важны, и магистр опасался, что это новое, столь легко полученное разрешение на отпущение грехов и раздачу индульгенций понизит его значение и авторитет, а орден потеряет ощутимую часть доходов. Рихтенберг попросил епископа воздержаться от оповещения населения о содержании булл хотя бы до ближайшего совета с правителями. Епископ обещал, заявив, что не желает ничего иного, как только оставаться в добром согласии с орденом, но добавил, что не желает слишком тесных отношений.

Чтобы договориться с магистром, епископ вызвался уступить ему половину дохода от продажи индульгенций в обмен на заём в 1000 венгерских гульденов. Магистр, не вступая в торг, попросил до оглашения содержания булл позволить собрать в его области налог, чтобы удовлетворить в первую очередь яростные требования главы наёмников фон Свинау. Епископ отверг это предложение, и на встрече в Капорне на Замланде участники высказали друг другу много обвинений, что ещё больше обострило конфликт.

Доходы от продаж этих индульгенций были столь обильны, что безденежный магистр не мог согласиться на это, поскольку значительные финансовые поступления просто-напросто окажутся перенаправлены в епископство. Из доходов епископства орден получал крайне малую часть сверх уплаты положенных налогов, и потому Рихтенберг потребовал проконтролировать особый налог, разрешённый сословиями в

пользу ордену. Оказалось, что этот налог епископ тоже оставлял себе.

Дитрих, занимая при папском дворе должность орденского прокуратора, прекрасно разбирался в ситуации, в которой находился орден. Он заявил, что является таким же независимым государем, как и магистр, и формально был прав. Попытки договориться ни к чему не привели. Дитрих знал слабость ордена и магистра, и отказался идти на уступки. К тому же он надеялся на поддержку комтуров и представителей сословий. Его ближайший союзник – комтур Холланда Конрад фон Лихтенхайм – оказывал ему всяческое содействие. Это уже грозило распадом остатков орденского государства. Достаточно было последовать в этом направлении другим комтурам и епископу Помезании, и страна раздробилась бы на множество карликовых владений.

В переписке с Генихом фон Рихтербергом ливонский магистр посоветовал использовать все средства, которые позволяли бы ему отзыва булл. Вскоре пошли слухи, что епископ собирается тайно покинуть стану, захватив с собой большие суммы. Магистр вынужден был вопреки юридическому праву принять меры, на которые до него никто из магистров не решался. В июне 1473 года он приказал взять епископа под стражу. Это произошло столь неожиданно, что никто не смог выступить в защиту Дитриха фон Кубы, и его сподвижник комтур Конрад фон Лихтенхайм бежал в Польшу.

И «на следующий день после пятого воскресенья Великого поста к Дитриху фон Куба нагрянули несколько рыцарей, которые препроводили епископа в замок Тапиов, где заключили под стражу».

Поначалу пленника содержали со всеми полагающимися его высокому сану удобствами, поместив в покои на втором этаже, только с крепкими решетками на окнах.

После епископ был заточён в подвалах замка Тапиау, где вскоре скончался при невыясненных обстоятельствах... В прусских сагах говорится, что его якобы заморили голодом...

«А жил в то время в замке капеллан – человек коварный и злобный, – повествует предание. – И капеллан этот каждый день навещал пленника, подбивая его на побег и обещая при этом всяческое свое содействие. Его Преосвященство, наконец, внял этим речам и изъявил свое согласие тайно покинуть замок. И вот, когда епископ уже миновал все коридоры с лестницами и подходил к воротам, появилась стража, которая схватила князя церкви. Оказывается, предал его тот самый сладкоречивый капеллан!»

Попытка побега, пусть и неудавшаяся – проступок чрезвычайно серьезный. Все милости мгновенно закончились. Узник оказался в сыром и темном подвале, прикованным за руки и за ноги крестом к стене.

Причем распятому епископу ни пить, ни есть не приносили. Кто именно отдал столь изуверский приказ – лично фон Рихтенберг или это было коллегиальным решением, так и осталось неясным.

Несчастный фон Куба мучился голодом и жаждой семь дней кряду. А на восьмой день собравшиеся в капелле на службу люди вдруг услышали громкий стон из подземелья:

– Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил? Боже мой, смилуйся надо мною!

После этих слов епископ, подобно произнесшему эти слова Христу на Голгофе, испустил дух.

В отличие от предшественника, Рихтенберг не стал затягивать выборы верховного магистра, и в сентябре состоялся Генеральный капитул. На выборы были приглашены ладмейстеры (магистры) из Германии и Ливонии. Магистр в Германии вновь прислал нескольких уполномоченных, видимо, полагая, что выборы нового верховного магистра не стоят путешествия в Пруссию. Выборный капитул в день Святого Михаила (20 сентября 1470 года) отдал предпочтение наместнику Гениху фон Рихтербергу. Должность великого комтура была передана комтуру Найденбурга Вильгельму фон Шпингенау. Верховным маршалом, шпитлером (госпиталарий) и трапиером (ризничий) остались прежние чиновники, а должность треслера (казначей) из-за хронического отсутствия денег была практически упразднена с 1455 года.

На каком основании выбор верховного магистра пал на Генриха Реффле фон Рихтенберга, сказать трудно. Из простого орденского брата с формальной должностью фишмейстера он через пять лет, уже в преклонном возрасте, стал верховным магистром.

Через несколько недель король Польши потребовал от него присяги.

В отличие от Плауэна, многие годы оставшегося наместником верховного магистра, дабы избежать процедуры принесения клятвы польскому королю, Рихтенберг уже 20 ноября присягнул архиепископу Гнезенскому, тем самым дав понять, что признаёт результаты войны и отказывается от политики реванша. Не вступая в дальнейшие переговоры касательно Пруссии, он вернулся в Кёнигсберг. Рихтенберг понимал, что главной задачей ордена являются военные долги. Её он решал, как и его предшественник, двумя способами: за счёт налогов с сословий и за счёт строжайшей экономии в орденской среде.

Материалы из книги Анатолия Павловича Бахтина «Немецкий орден» 2020 года.

Разобравшись почему замок Тапиов в XIV веке считался одной из важнейших баз Тевтонского ордена, в том числе и в его набегах на Литву, отправимся в путь до города Полесска, где река Дейма завершает свой путь и впадает через многочисленные рукава в Куршский залив.

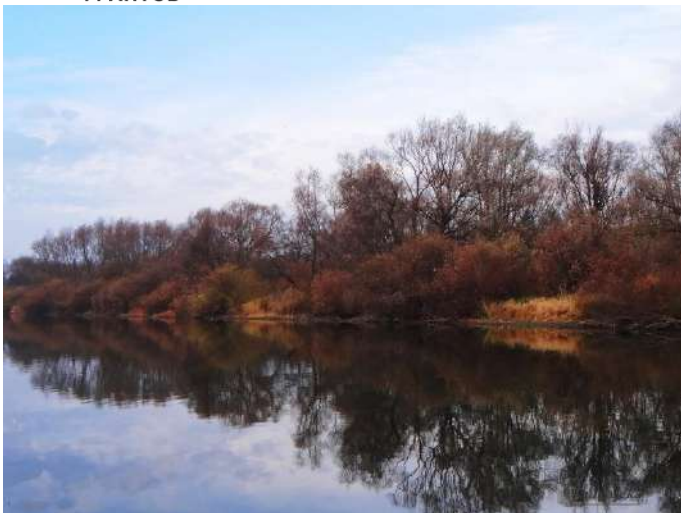
Наше путешествие пролегает через посёлки Славинск и Нахимово.

По дороге в посёлке Заборье мы встречаем дома, которые принадлежали бывшему району Генрихсхоф Мотерау. Несколько севернее первоначально находилась деревня Мотерау, от которой уже не осталось даже признаков.

Мотерау – это старая прусская деревня, существовавшая ещё во времена Ордена, но, возможно, она гораздо более древнее, потому что в 900 метрах к северо-востоку

от Мотерау и в 300 метрах к северу от местечка Большой шлюз на Дейме расположена Замковая гора, на которой находилась старая прусская крепость, возможно, она использовалась Орденом в качестве оборонительного сооружения. Двор укрепления долгое время хорошо просматривался. Местность в округе была сильно лесистой. В более позднее время прусская Замковая гора была объявлена памятником природы.

Район Большого шлюза был предместьем усадьбы Генрихсхоф, позднее присоединенной к Мотерау.

Между Замковой горой и Большим шлюзом, недалеко от Деймы, где река немного изгибается, находится Рундберг – Круглая гора, высотой около 20 метров, которая, вероятно, была возведена здесь ещё Тевтонским орденом в качестве оборонительного или наблюдательного сооружения. На вершине все еще

просматриваются следы оборонительных элементов.

В 1692 году в Мотерау насчитывалось девять дворов свободных крестьян, которым в основном земля была выделена во время правления герцога Альбрехта. Однако Бартель Хеннинг уже в 1440 году получил предписание на землю от маршала Ордена Вернера фон Тестингена.

С конца 19 века в Мотерау находилась двухклассная школа. Здесь обучались дети

Мотерау, Генрихсхофа, поселения Гросс Шлюза и Лишкау. В одном классе обучались дети с 1 по 4 классы, в другом – с 5 по 8-ой. Один из учителей, Альберт Лукат (8. 12. 1857 – 16. 2. 1932) преподавал в период с 1887 по 1923 годы, был настолько популярен и признан за свои педагогические и человеческие качества, что ему была дана высокая оценка и не менее превосходная степень уважения.

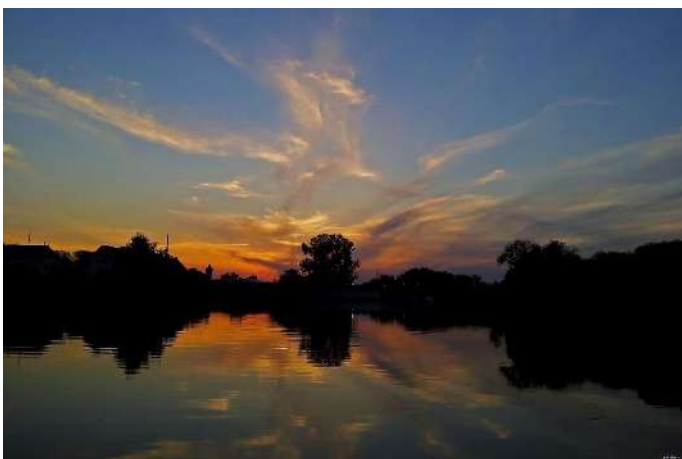
Через поместье Генрихсхоф проходила узкоколейная железная дорога Тариау – Лабиау.

В Мотерау владел фермой дядя **немецкого художника Ловиса Коринга**. Его ферма иногда служила Коринту моделью для сельских сцен в его картинах, например, «Коровник» и «Блудный сын» (1891).

В районе Мотерау рассказывалось одна легенда:

«В стародавние времена, когда Дейма была ещё рекой во многих местах заиленной. Рыбакам, пытавшимся доставить свой груз из Лабиау и Куршского залива на рынок на своих баржах по Дейме, приходилось тяжело, поскольку большую часть пути они буксировали свои баржи по суше. Однажды молодой рыбак и его жена отправились в путь ночью, чтобы к рассвету доставить рыбу на рынок в Тапиау.

Когда им удалось преодолеть расстояние от Лабиау до Большого шлюза и до восхода солнца оставалось ещё некоторое время, уставшие, они решили отдохнуть. Мужчина остался сидеть на берегу Деймы, а женщина расположилась немного поодаль, за кустарником. Оба вскоре крепко заснули.

Когда мужчина проснулся уже светало, и солнце вот-вот взойдет, вздохнув, он произнёс про себя: "Ох... до рассвета мы не доберёмся до Тапиау". Ведь последний отрезок можно было пройти только пешком по полю. "Ах, – сказал он, – я бы всё отдал, если только можно было плыть на Дейме, не крутя педали" ... Внезапно перед ним встал человек в охотничьей одежде и сказал, что он слышал слова рыбака.

„Неужели ты действительно отдал бы всё, если бы Дейма стала судоходной?" Рыбак утвердительно кивнул. "Хорошо, – сказал на это охотник, – давай заключим пари: мне удастся вычерпать Дейму до того, как в большом замке взойдет солнце и прокричит петух! Когда я сделаю это, всё, что я хочу от тебя, это чтобы ты посвятил мне свою жизнь".

Рыбак задумался на некоторое время. Он подумал про себя, что охотнику никогда не удастся этого сделать, ведь сейчас уже светает. "Ставка сделана, – сказал рыбак, – но только при условии, что вы вывалите всю землю и песок из Деймы рядом со мной, чтобы я мог убедиться, что вы действительно вычерпываете это из Деймы".

Он уже давно понял, что это был дьявол, с которым он заключил пари. – Хорошо, – сказал охотник, – пусть будет так, – и тут же исчез.

В следующее мгновение в воздухе раздался грохот, и огромная простыня, полная песка и земли, вывалила содержимое на землю недалеко от рыбака. Дьявол бешено продвигался вперед, а земляной вал становился все длиннее и выше. Работа приближалась к завершению, охотник подошёл к тому месту, где сидел рыбак, а время едва тянулось и солнце еще не хотело показываться. Тогда рыбак понял, что,

если не произойдет чудо, то он проиграл пари, и его жизнь будет принадлежать дьяволу. Жена рыбака все это время сидела, спрятавшись за кустами, она слышала всё с самого начала, и когда дьявол, победоносно добрался до Тапиау, прибыл с последней простыней, полной песка, женщина довольно громко закричала, прежде чем дьявол успел высыпать песок в кучу. Дьявол промахнулся и высыпал песок рядом на берегу Деймы, в гневе он растворился среди своих проклятий, воняя серой.

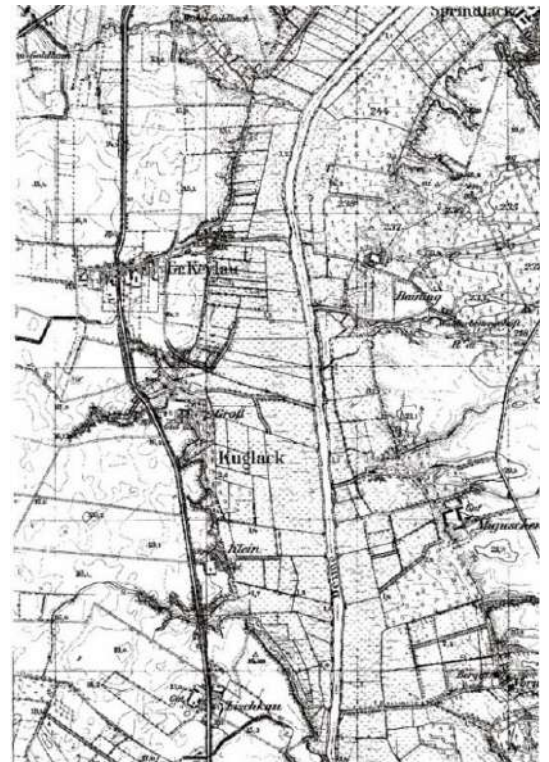

Благодаря хитрости жены, мужчина сохранил свою душу.

Дейма стала судоходной, баржам больше не нужно было так мучиться и с тех пор у Деймы стоят две горы – Замковая и Круглая – рядом с Большим Шлюзом.

А дьявол больше никогда не появлялся в этих краях».

По дороге к Славинску **в районе посёлка Ясенское** расположены поблизости два прусских крепостных вала, которые указывают на заселение этих земель ещё в стародавние времена. Довоенное поселение носило название Гросс Куглак. Земля Куглака на берегу Деймы была передана в 1459 году хохмайстером Людвигом фон Эрлихсхаузенем землепашцу Кремиттена (посёлок Лозовое) Гансу Тимме. Река Дейма тогда еще образовывала восточную границу Замланда, за которой начиналась пустошь.

Прусское население большей частью жило на открытых, свободных от леса пространствах, в так называемых камеральных поселениях, относительно которых в текстах грамот употреблялось слово *caprus*. Во время борьбы в XIII веке местные жители понесли значительные потери, но, несмотря на это, по численности оно было ещё значительным. Тевтонский орден оставил пруссам, в основном, их родовые имения и дворы. Об этом свидетельствуют письменные обязательства и изобилие записей в земельных книгах амтов, книгах обязательств комтурств, в налоговых реестрах, казначейской книге и многих других источниках орденского периода.

Среди пруссов привилегированное положение занимали владельцы небольших вальных крепостей-замков *нобили*. Они поддерживали орден и при покорении, и при христианизации края. За что были вознаграждены служебными имениями, «на которые возлагались определённые обязательства, как реальное (земельное) бремя».

Сохранившим верность орденской власти пруссам орден возмещал потери, давал им широкие привилегии, льготы. Как правило, крупные владения дарились редко. Орден давал небольшие площади в 2 – 3 *хакена* (22,4 – 33,6 га). В связи с этим большое количество грамот касалось так называемых «мелких свободных». Этот средний слой, позднее именовавшийся также *Colmen*, располагался между высшим прусским дворянством *нобиями* и крестьянами. Для «мелких свободных» это конкретно означало, что они не должны платить десятину, что они свободны от всех крестьянских отчислений и *барщины*, т. е. не обязаны косить сено, рубить лес и перемещать его и т. п. Но они обязывались за это к военной службе и в качестве

охранения должны были помогать при строительстве крепостей и замков. Предписание о военной службе присутствует почти во всех данных грамотах.

Получатели свободных поместий необязательно были отдельные личности, это могли быть целые группы, большей частью родственники – братья, дядья, племянники. Если орден передавал поместье такой группе или клану, то военная обязанность ложилась на всех членов группы мужского пола и их наследников мужского пола.

Таким образом орден препятствовал расколу владений и создавал предпосылки для улучшения экономического положения за счёт увеличения своих владений путём вырубки (раскорчёвки), покупки, наследования и т.п. за верную службу.

Служебные имения содержала средняя прослойка – мелкопоместная знать, которая называлась господами. К этому сословию принадлежали витинги, служившие ордену в качестве сопровождающих, смотрителей, обслуживающего персонала, затем переводчики (толмачи), камерарии, конвойные, ленники (обитатели отдельных хуторов в по'лках – особое поселение пруссов больших населённых центров с пахотными полями, пастбищами и различными деревнями «общины родственников»). Свободным ленникам орден передавал грамоты об их владениях, в которых были указаны размер и название служебного имения, имя или имена награждённых, число служб и право, по которому было наделено имение. Над всеми служебными имениями орден постоянно оставлял за собой право верховной собственности на земельные владения.

Земли орден выделял по Прусскому, Кульмскому или Магдебургскому праву. Владения по Прусскому праву после смерти владельца возвращались ордену, которыми впоследствии наделял приемлемого прусса. По Кульмскому праву право на наследство имели по мужской и женской линии. В противоположность Кульмскому стояло Магдебургское право, которое предоставляло право наследования только по мужской линии (позднее, с XV века оно распространялось и на женскую ветку наследников).

Все названные владельцы служебных имений образовывали сословие свободных, освобождённых от барщины и десятины. Различали больших и малых свободных – по величине и правовым отношениям их имений. Все свободные принадлежали к «почтенным людям», стало быть, к знати, которые «во всех войнах, а также во время 13-летней войны, были верными приверженцами ордена».

В 1540 году владельцем Гросс Куглак уже был назван Якоб, наследники которого продали владение.

После смены владельцев в 1694 году тайный советник Адам Отто фон Вирек (1634 – 1717) из Мекленбурга приобрел поместье в Гросс Куглаке. В 1699 году он получил должность прусского посла **при датском дворе** в Копенгагене. Его дочь Элизабет Хелене (1679 – 1704) стала фрейлиной сестры **короля Фредерика IV** (время правления с 1699 по 1730), и, поскольку была симпатична королю, стала его любовницей, которая имела в 1703 году привилегию находиться по его левую руку. Однако через год она умерла при родах, и ребенок тоже недолго прожил.

Наследником владения Гросс Куглак в 1717 году был тайный военный советник Фридрих Вильгельм фон Виерек (ум. 1735), который считается основателем усадьбы. Тем не менее, он продал имение ещё незадолго до своей смерти владельцу домена Гросхоф и Кляйнхоф Тапиау Георгу Эрнсту Нойманну.

После 1782 года владельцы очень часто менялись, один из которых успел построить в 1800 году господский дом, пока в 1869 году Евгений фон Гиппель (1843 – 1934) не приобрел поместье в Гросс Куглак за 46 000 талеров, а имение Кляйн Куглак за 45 000 талеров.

Семья Гиппелей принадлежала к исконному дворянству Верхней Лаужитцы (Oberlausitz). Членами этой семьи были, в частности, мэр Кёнигсберга и начальник полиции Теодор Готлиб фон Гиппель Старший (1741 – 1796) – уроженец Гердауэна из семьи бедного протестантского священника и Теодор Готлиб фон Гиппель Младший (1775 – 1873) – друг Эрнста Теодора Амадея Гофмана.

Землевладелец фон Гиппель стал одним из членов-основателей учреждённого в 1882 году Восточно-Прусского общества племенной книги. Первыми в хозяйстве Гросс и Кляйн Куглак стали 18 лошадей из Восточной Фризии. Позже здесь содержалось около 100 коров вместе с молодняком и бычками на откорм.

В 1907 году после обильных дождей разлив Деймы нанёс большой ущерб поместью в Куглаке. После устранения повреждений экономика хозяйства продолжила свой рост – надои молока выросли с 1 600 литров с коровы до 4 200 литров в 1890 году. Примерно в 1880-х годах коров доили три раза в день, причем каждая женщина должна была доить 10 коров. В то время литр цельного молока стоил 6,6 пфеннигов.

В период 1-й мировой войны русские войска дошли до реки Дейма, но не пересекли эту границу.

Землевладелец Гросс Куглака Вальтер фон Гиппель (1872 – 1936) в 1925 году был избран генеральным земельным директором. На этом посту, где он принимал активное участие в спорах по реструктуризации долгов крупных сельскохозяйственных предприятий в чрезвычайные 1920-е годы, он вызвал резкую критику со стороны национал-социалистов, что привело к так

называемому процессу Гиппеля в Кёнигсберге после 1933 года, в ходе которого он был осужден.

Владение унаследовал его сын Герд фон Гиппель (1902 – 1963) – последний немецкий владелец. 21 января 1945 года жители Гросс Куглака бежали.

Здание усадьбы после войны ещё долгое время стояло, стены которой, вероятно, обрушились в 1980-х годах и были снесены вместе с большинством хозяйственных построек. Сохранились только террасы впереди и позади усадьбы.

Колесная мастерская и конюшня были переоборудованы в лесопилку.

Об усадьбе Гросс Куглак подробно изложено у немецкого исследователя Вульфа Дитриха Вагнера в издании «Станции коронационного путешествия – дворцы и усадебные дома в Восточной Пруссии».

По дороге на Славинск в посёлке **Поддубном** ещё можно найти несколько жилых домов поселения Гросс Кейлау – это бывшая прусская деревня, которая в 1692 году состояла из земель трех свободных крестьян на условиях оплаты налога за пользование владениями. Одно принадлежало вольному пруссу, не оставившего потомка по прямой мужской линии, Кристофу Кляйну в 1528 году,

другое – такому же вольному крестьянину Якобу Хопфу в 1541 году, третье – свободному или вольному крестьянину Тобиасу Тауреку. Эти земли вольным крестьянам были предписаны герцогом Альбрехтом и наделены были прусскими правами. Крестьянам Гросс Кейлау вменялось также обязательство обрабатывать 3 хуфена земли почтового смотрителя Кристофа Мосека, который выполнял почтовые перевозки в Кёнигсберг и на другие почтовые станции.

В орденский период безземельные крестьяне, кнехты, прислуга, бауэры (фермеры, представители или родственники низшей знати) сформировали отдельную прослойку населения. Бауэры обязаны были к постоянной военной службе в качестве пехоты, кнехты и прислуга – для замковой службы, безземельные крестьяне привлекались к крестьянской работе разного рода. Все

платили налоги, десятины и за пользование служебным имением (Dienstgut). Десятина платилась хлебосдачей, а за пользование имением понималась денежная выплата.

В орденских законах прописывались обязательства по выплатам для отдельно каждой группы населения. Для случаев, когда один из пруссов был убит, орден, чтобы предотвратить кровную месть, ввёл закон, по которому родственники убийцы выплачивали родственнику убитого соответствующее их сословию и имению возмещение. Таким образом, существовала условная система «страхования».

Бауэры, как и мелкие свободные, жили в деревнях и имели только ограниченное землевладение, которое было определено им в соответствии с прусским измерением. Однако бауэры не имели письменных свидетельств на владение своими наделами. Многие же свободные крестьяне проживали на хуторах. Многие хутора и деревни составляли прусские по'лки площадью, примерно, по 60 хуф. Возникали подобные населённые центры в основном, где имелось больше прусских поселений.

Основной тяжестью владения служебного имения была военная служба, которую прусские свободные крестьяне и мелкопоместная знать, служившая ордену, витинги должны были исполнять на коне, с лёгким вооружением. Различали три разных вида военной службы: конная, служба с доспехами и «служба». Конная служба должна была исполняться владеющими более чем 40 хуф. Военнообязанный в полном снаряжении и на соответствующем боевом коне должен

был сопровождаться по меньшей мере двумя всадниками, повозкой с провиантом и кормом для лошадей. Кто имел менее 40 хуф, служил с доспехами и другим лёгким снаряжением на коне. Конная служба с доспехами являлась также обязанностью немецких дворян, владевшие наделами, которые имели Кульмское или Магдебургское право.

Пруссы, которые получали свои служебные имения по Прусскому праву, исполняли «службу», иногда службу с доспехами, для чего необходимы были железный или прусский шлем, щит и копьё. При этом пруссы использовали небольших, но выносливых и стойких местных коней швайке. Немцы выращивали на конных заводах более крупную породу лошадей. Прусские витинги, имевшие малые служебные наделы до 10 хуф, были обязаны к «службе с жеребцом (или мерином) и латами» и прусским оружием.

Кроме военной службы, витинги исполняли различные «службы» и повинности. «Служба» в замке обязывала находиться в составе гарнизона. При строительстве или разборе замка охраняли или контролировали работы. Кроме того, витинги должны были платить сторожевые

деньги и давать плужное зерно.

Сторожевые деньги определялись для сторожевой службы на границах. Плужное зерно рассчитывалось от хозяйственной мерной единицы на каждый плуг, соответствовавшего одному хакену (чуть больше 11 га), что являлось заменой десятины. Кстати, взимание десятины по плугам в Пруссии было на немецком востоке единственным в своём роде...

Витинги обязаны были также поставлять шалауэнское зерно – налог, обеспечивающий пограничные замки в Шалауэне (Скаловии) Рагнит и Шалауэнбург. Это было связано с приграничным расположением этих замков, которые не могли сами обеспечить себя продуктами питания.

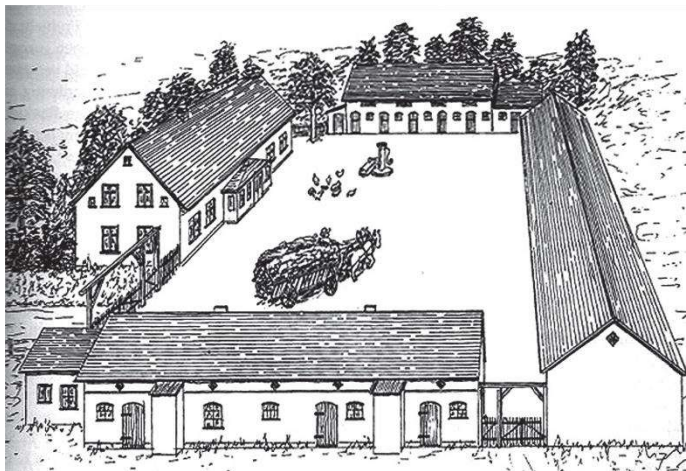
Все налоги и повинности лежали на служебных поместьях и должны были к определённым числам направляться в орденские замки. Собирали их ратманы, а доставляли в орденские дома ландкамерариями. Ратман представлял многие прусские деревни в качестве старосты. Ландкамерарий был управляющим, которому принадлежали только прусские деревни и свободные имения. Камерарий имел полицейские, хозяйственные и военные, но не правовые полномочия. Он принимал участие в суде комтура, который проводился дважды в год на «судном дворе» каммерамта. В качестве вознаграждения за работу камерарию выдавалось служебное имение, в подчинении у которого состояли два унтер-камерария – эти чиновники на службе у ордена были пруссами.

В 400 метрах к востоку от Гросс Кейлау и в 500 метрах к западу от Деймы находилась Замковая гора, древняя прусская крепость.

В ранний орденский период крестьянин в целом обрабатывал по 3 – 4 хуфа. Хуф охватывал не только поля под сельскохозяйственные культуры и луга, но также лес и болотистые площади. «Мера зажиточного крестьянина в 2 хуфа» будет определена после орденского периода.

Несмотря на большое число прусских имений и крестьянских деревень, на начало XIV века всё ещё оставались незаселёнными обширные площади комтурств, прежде всего, тех, где простиралась леса, топи и болота. Из-за экономических, а также стратегических причин началось планомерное расселение немецких крестьян посреди прусских окраинных территорий.

немцев и на городских землях, которые исполняли роль немецких торговых площадей и немецких укреплений. В городах пруссы и немцы могли менять свою продукцию на предметы обихода, или покупать их.

платить установленные комтурством в учредительных документах денежные и натуральные налоги. Обычно немецкие переселенцы составляли прослойку свободных крестьян. Староста имел 10-ю часть деревенской площади по Кульмскому праву, свободной от всяких налогов, кроме плужного овса.

В тоже время некоторые локаторы сохраняли право основать трактир, который сдавали

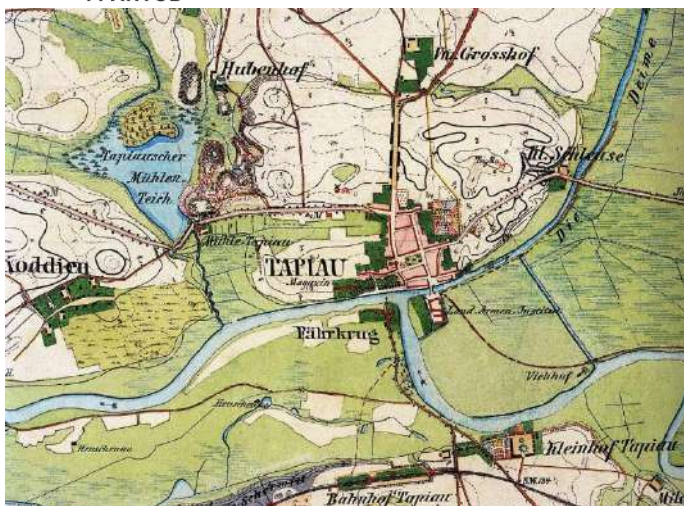

в аренду, поскольку обслуживать в трактире крестьян своей деревни было ниже их достоинства. Старосты должны были нести небольшую военную службу, постоянно содержать в порядке оружие и снаряжение.

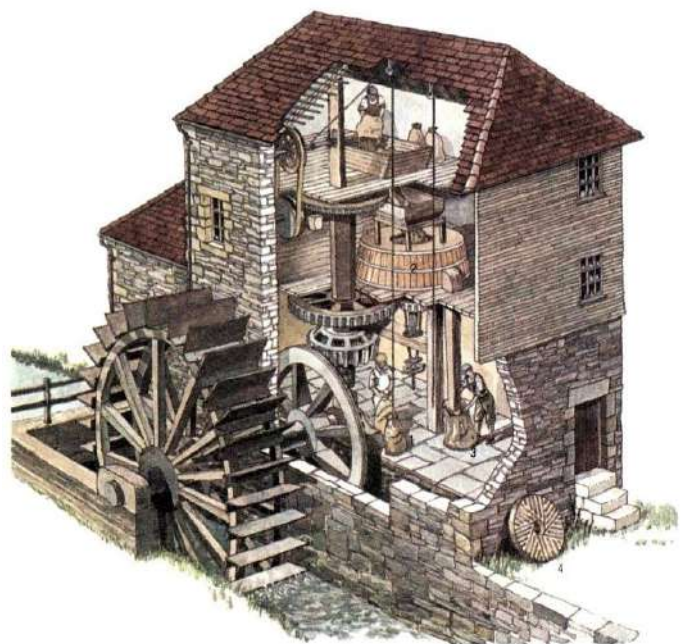
Хорошим источником дохода кассы комтура были трактиры и мельницы, они передавались только немцам.

Закладывались немецкие деревни планомерно, выдерживая 4-угольную форму с двумя, лежащими друг против друга, крестьянскими дворами. Селили немцев и на городских землях, которые исполняли роль немецких торговых площадей и немецких укреплений. В городах пруссы и немцы могли менять свою продукцию на предметы обихода, или покупать их.

Локаторы, уполномоченные орденом, привозил немецких крестьян и селил их в предусмотренный срок на выделенной местности. После основания деревни локатор становился пожизненным старостой. Для раскорчевывания, постройки крестьянских дворов и приобретения домашних животных, утвари крестьянам предоставлялось от 8 до 12 лет, свободных от налогов. После по истечении этого срока крестьяне должны были платить установленные комтурством в учредительных документах денежные и натуральные налоги. Обычно немецкие переселенцы составляли прослойку свободных крестьян. Староста имел 10-ю часть деревенской площади по Кульмскому праву, свободной от всяких налогов, кроме плужного овса.

Благоприятное расположение комтурств, например, воль дорог просёлочных и военных по направлению в Кёнигсберг, увеличивало число трактиров, где останавливались пилигримы. Расположенные на выгодных путях сообщений трактиры платили более высокие налоги, нежели корчмы, стоящие поодаль от дорог.

Для самообеспечения зерном и мукой замковых гарнизонов возводились мельницы, причём силами Ордена и привлеченных ими пруссов–поселян по плану мельника, получавшего подряд от Ордена. Орденские мельницы оснащались одним, двумя, тремя, а некоторые и шестью колёсами, что сказывалось на производительности. Мельницы в основном были водяными, нередко возводились и ветряные, передавались мельникам в наследственный наём с правом на закладку поселений, в которых мельник становился управителем.

Мельничное дело наряду с рыбной ловлей, охотой и добычей янтаря становится основным и служит развитию слобод. Мельница служила привалом, так как мельник имел право варить пиво, разливать и подавать проезжим людям. Рядом с мельницами строились трактиры, постоянные дворы, кузницы и мыльни, таким образом территория у мельничного пруда прирастала домами.

Некоторые небольшие, размером до 20 хуф, немецкие арендные деревни произошли от прусских поселений. Это происходило в случае, если прусская деревня вымерла или этому способствовали другие обстоятельства. К арендным деревням присоединяли ещё некоторые садовые деревни – деревни с владельцами домов, дворов и садов с огородом без пашни.

В садовых деревнях жили садовники, в то время не было чёткого обозначения профессии, – это были работники с ограниченным земельным наделом, занятые, главным образом, при орденских фольварках (хозяйственных дворах) или орденских дворах (рыцарских усадьбах). К садовым деревням относили и рыбацкие, в тех, где проживали рыбаки, основной профессией которых была ловля рыбы,

поэтому им выделяли сады размером в полгектара, в то же время сельские старосты имели свободные от налогов сады или огороды. Садовники или огородники постоянно проживали в поселениях перед орденскими домами, зачастую их называли лишке. В сёлах и городах 4 хуфы были свободны от податей, определённые «в честь Бога», и предоставлялись местной церкви или священнику.

По материалам сайта www.ostpreussen.net и книги Анатолия Бахтина «Немецкий орден» 2020 года.

Посёлок Славинск находится в 10 км от Гвардейска. Его можно определить издалека, благодаря высокому холму, на котором всё ещё видны живописные руины старинной кирхи с гнездом аиста наверху.

На этот древний холм, увенчанный старинной кирхой, ведут две параллельные дороги. Одна, что справа, — грунтовая, другая, что слева, — выложена плитами.

Остановитесь, присмотревшись, плиты эти — могильные. На некоторых ещё видны надписи на немецком языке. Дорожка эта из плит приводит в итоге к женской колонии, а та, что справа, грунтовая, — к развалинам церкви.

С вершины холма открывается изумительный вид на окрестности. Дышится необычайно легко и чувствуется прилив сил.

Полянку с кирхой отделяет от территории колонии заборчик из сетки-рабицы. Сохранился старинный домик, видимо, пасторский, в нём теперь обитают осуждённые женщины.

Посёлок Славинск был переименован в 1946 году. В том же году был организован военный совхоз № 16 (позднее переименованный в совхоз № 76), центром которого стал посёлок Славинск. В 1955 году совхоз № 76 переименовали в совхоз «Гвардейский», который просуществовал до 29 января 1993 года, затем его реорганизовали в сельскохозяйственное предприятие «Гвардейское УВД г. Калининграда».

В Славинске располагается Федеральное казённое учреждение колония-поселение №12 (ФКУ КП-12) Федеральной службы исполнения наказаний по Калининградской области. По центру посёлка протекает улица, чётко определяющая её положение, – Центральная. Здесь же сохранились дома довоенной постройки, где на табличках значатся инициалы владельцев и годы постройки. В здании почты продолжает функционировать отделение почты, в здании узкоколейного железнодорожного вокзала теперь больница для вольнопоселенцев, напротив – столовая для обитателей исправительного учреждения. Перемещение отбывающих наказание сопровождается по посёлку под конвоем. Максимально содержится в колонии-поселении 149 человек.

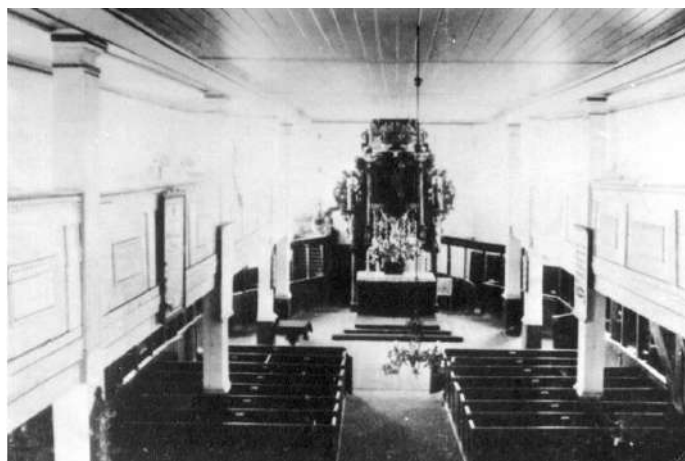

Итак, мы у подножья старинной кирхи в посёлке Славинск. Кирха Гольдбах.

Изначально как католическая, церковь стояла на крутой возвышенности с широким обзором всей окрестности. Построена была частично из валунов, частично из кирпича. Церковь имела очень мощные стены с контрфорсами, что указывало на её

оборонительный характер. Башня с колокольной с западной стороны выполнена в готическом стиле и имела декоративные ниши. Вход в башню был с юга, ризница – с востока. В 1404 году у церкви впервые упоминается приходской священник.

В 1706 году, теперь как протестантская, церковь была перестроена на фундаменте древней орденской церкви и представляла собой постройку зального типа, внутри имела дощатый потолок и очень простую обстановку.

Большие арочные окна появились много позже. На металлическом флюгере с орлом был изображён год 1706-ой. Возможно, в этом году было завершено восстановление церкви и колокольни, есть сведения, что тогда у церковного прихода закончились деньги...

Предполагается, что сделанное из дерева в половину натуральной величины распятие изначально являлось выносным крестом. Очень интересно было решение этого деревянного распятия Христа 16 века. Последний, как и крестильный ангел, выполнены около 1690 года. Алтарь 1672 года в том же 1690 году переместят за кафедру, которую выполнил Кристиан Клодссей. Исповедальня появится в церкви в 1729 году.

После окончания Второй мировой войны кирха была цела. В послевоенные годы использовалась в качестве складского помещения, в середине 1970-х годов склад перевели в другое помещение, церковь была заброшена и в конце 1970-х годов у неё рухнула крыша.

Были планы использовать помещение кирхи под клуб, торговый центр и т.д., но им не суждено было осуществиться, кирха была окончательно заброшена и постепенно разрушалась.

К 2000 году от неё осталась коробка башни, без крыши, и два фрагмента восточной стены.

Постановлением Правительства Калининградской области от 23 марта 2007 года № 132 руины кирхи получили статус объекта культурного наследия регионального значения.

До Второй мировой у подножия кирхи Гольдбах на холме стоял памятник погибшим прихожанам в годы Первой мировой войны. Обычный четырёхгранный обелиск с острым завершением, выложенный из полевых камней, с высеченными фамилиями на досках. На сегодня остались лишь его фрагменты – остатки фундамента и фрагмент завершения.

Одно из 9 крупных населённых пунктов со своим церковным приходом крайса Велау поселение Гольдбах впервые упоминается в исторических документах в 1302 году. Основателем деревни Гольдбах считался Хельвиг фон Гольдбах из одноименной деревни недалеко от Готы в Тюрингии, но это, однако, не было доказано. Он был братом монастыря Святого Августина в Кристбурге (ныне город в Польше Дзежгонь, район Помезании) и, как говорят, присутствовал при захвате Геркуса Мантаса. Со временем он становится ландмейстером, строит деревню и церковь в 1300 – 1302 годах, о чём письменно задокументировано в 1375 году.

Первым сельским старостой был Пауэл Бенекен, назначенный верховным маршалом Готфридом фон Линденом, которому были переданы в дополнение к земле Гольдбах ещё 6 хуфов и право суда, за исключением казни.

Под строительство церкви тогда было выделено 4 хуфа, под хозяйство – 10 хуфов. Двадцать фермеров, которые должны были платить налог, имели в общей сложности хозяйственных наделов 40 хуфов.

В 1636 году курфюрст Георг Вильгельм официально передал деревню Гольдбах Симону Янсону.

В 1652 году поселение Гольдбах с работниками и скотом были заложены семье Тренк на 9 лет под выплату 16 500 марок, но в 1692 году спустя 40 лет семья фон Тренк всё ещё оставалась залогодержателем. Тогда фермеры Гольдбаха должны были заплатить за проценты от ссуды и остро задолжали по обязательствам перед семьёй фон Тренк. Не известно, когда наконец окончательно смог

приход рассчитаться. Кстати, о династии фон Тренк... Представители этого прусского дворянского рода служили в армии Священной римской империи, но разным коронам и даже воевали друг против друга в XVIII веке, отличались жёстким и авантюрным характером.

Кстати, мельница в Гольдбахе также должна была служить сбором средств для церковного прихода, в 1667 году она была присуждена капитану Панцеру на 15 лет и 200 марок в год.

Были и правовые споры по этому вопросу с ремесленниками и только решение Высшего апелляционного суда в Кёнигсберге в 1736 году и пожертвование из королевской казны положили конец финансовым трудностям. Лишь после 1740 года строительные работы были выполнены за счет средств Фридриха II и коллекции всех восточно-прусских церквей, что, наконец, завершило обустройство церкви.

Старейшей крестьянской семьёй в Гольдбахе являлась семья Мерц. Именно Христофу Мерцу было предписано два хуфа земли в Гольдбахе ещё 2 июня 1613 года. Позже члены семьи выполняли функции наблюдателей за лесом, учебных заведений, церковных служителей, общественных деятелей, регистраторов и районных советников. Последний, Фридрих Вильгельм Мерц, в начале XX века считался инициатором узкоколейного

железнодорожного сообщения из Тапиау в Лабиау.

Предками семьи, вероятно, были изгнанные из Франции в 13 веке и переселившиеся в Тироль вальденсы – «лионские бедняки», приверженцы конфликтующего течения в католической Церкви, стремившиеся к праведности без разрыва с мирскими занятиями и образом жизни, апеллируя к идеалам раннего христианства, ратовали за

ликвидацию частной собственности, апостольскую бедность и взаимопомощь, а также мирскую проповедь и свободу чтения Библии.

Около 1500 членов этого движения поселились в Тюрингии и оттуда переселились в 1600-х годах в Силезию и Восточную Пруссию.

Gemeindefhaus Goldbach, Ostpr.

Hauptfront mit Portal

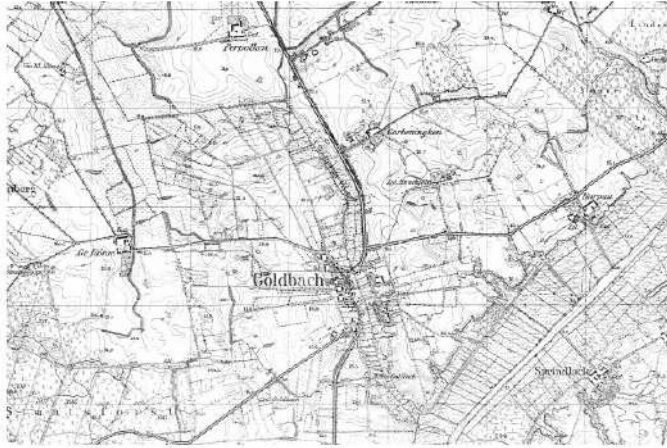

Grosser Saal

В 1920-х годах Гольдбах уже стал современной деревней, как это видно на старых открытках, где запечатлён общинный дом. Чтобы построить такой дом, как общинный зал Гольдбаха, потребовалась долгая переписка. Были поданы заявки на субсидии и государственную поддержку, а также необходимо было получить разрешение на строительство. Ходатайством от 31 августа 1911 года настоятеля прихода Гольдбах епархии Велау, в котором числилось 3239 душ, доказывалась необходимость в строительстве приходского зала. В прошении содержалось экономическое положение прихода, за счёт которого и эксплуатация, и техническое обслуживание здания окажутся затруднительными, поскольку собственных средств не хватит даже для внутреннего убранства дома. Приходу вряд ли можно было рассчитывать на какую-либо значительную помощь и от Ассоциации женщин (Vaterländische Frauen), которые входили в церковную общину, при постоянно растущих потребностях.

Согласно отчету приходского церковного совета, в Гольдбахе существует недостаток, исчерпаны все возможные источники, приход взял кредит в надежде, что за счет платы за вход на мероприятия и т.п. покроет 70% от общей суммы, учитывая церковный налог с земельных наделов, который, как предполагалось, мог снизить общую сумму выплат минимум на 25%. Через 3 года, после погашения краткосрочного кредита на строительство, приход всё ещё будет чувствовать бремя издержек на 50%. Но для обеспечения эффективности церкви, Гольдбаху необходимо общинное здание. В прошении рассчитывали на средства из ограниченных церковных фондов и на соответствующую резолюцию. На несколько месяцев завязалась переписка, итогом которой стало торжественное открытие общинного дома Гольдбаха в январе 1912 года.

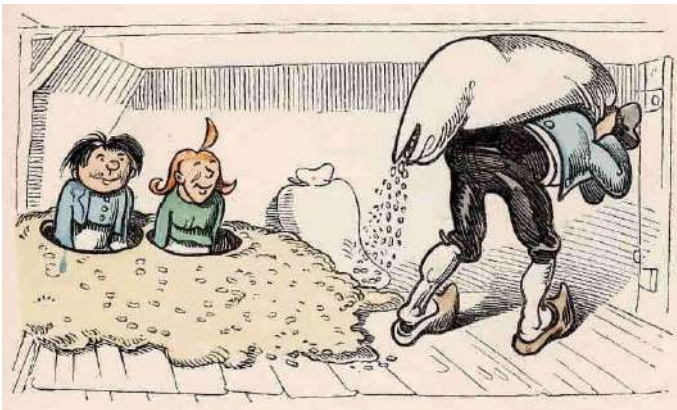
К церковному приходу Гольдбах относилось поместье Кёве (нем. Köwe, сов. **посёлок Совхозное**), которое впервые упоминается в документах XVII века. Находилось оно в 2 км западнее поселка Славинск.

Изначально поместье Кёве принадлежало свободными пруссам, не оставившим потомков по прямой мужской линии. Около 1612 года курфюрст Иоганн Сигизмунд

дарует владение площадью 10 гуф придворному цирюльнику Петеру Аппельну.

В 1630 году Кёве, обладавшее кульмскими правами, приобретает тогдашний гауптман Тапиау Ахасверус Брандт. При этом Брандт имел разрешение охотиться в пределах своих владений, отстреливать медведей и осуществлять судопроизводство, за исключением уголовного. Курфюрст сохранил за собой право охоты на туров, лосей, оленей, косуль, кабанов и глухарей. Гауптману вменялся в обязанность надзора за лесами, а в качестве платы за этот труд он мог убивать одного лося.

В 1692 году Кёве переходит в руки Якоба Пантцера и с этого момента вплоть до 1945 года неизменно остается во владении этого рода. Последним хозяином являлся Эдгар Пантцер, который умер в 1964 году, у него был младший брат Александр. Оба мальчика учились в Хуфенской гимназии в Кёнигсберге.

Родственником Патцеров был известный стихотворец и иллюстратор **Вильгельм Буш** (за свои популярные сатирические стихи в картинках считается одним из основоположников комиксов, автор популярных книг для детей «Макс и Мориц» и «Плих и Плюх»), а мать являлась родной сестрой знаменитого актёра Пауля Вегенера.

Семья была очень музыкальной и школьные каникулы мальчики всегда проходили в музыкальной атмосфере. Эдгар превосходно играл на скрипке, а Александр на виолончели. Музыкальное сопровождение на рояле осуществлял учитель пения господин Вильде.

Александр Патцер проявлял большой интерес к естественным наукам, особенно к зоологии. Ему удалось собрать большую коллекцию жуков, а в доме жила игрушка, привезенная дядей из тропиков. В середине 1920-х годов Александр погиб в результате несчастного случая.

В глубине роскошного Славинского парка на возвышенности находится мемориал в память о погибших и умерших от ран в январе-мае 1945 года красноармейцах.

Здесь похоронены более 800 советских воинов, в том числе Герой Советского Союза майор Степан Козак (1920-13.04.1945).

Награждённый Орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Александра Невского, прошедший всю войну в составе Волховского, Ленинградского, Сталинградского, Степного, Южного, 3-го Белорусского фронтов и получивший пять ранений различной степени тяжести, Степан Козак с батальоном первым прорвал сильную оборону немцев в районе Пилькаллена (ныне посёлок Добровольск в Краснознаменском районе) и затем 13-15 января 1945 года пробился с боями до Деймы, преодолев 120 километров.

Золотую Звезду Героя и Орден Ленина майор Козак получил за взятие посёлка Рогинен (возле Гольдбаха) 8-13 апреля 1945-го. Немцы вели там исключительно мощный артиллерийско-миномётный и пулемётный огонь, пресекая попытки продвижения стрелковых подразделений и поддерживающих пехоту танков. Тогда командир батальона Козак приказал танкам идти вперёд, а пехоте двигаться под их прикрытием, сам же сел на один из танков и повёл батальон на штурм.

Маршал Советского Союза Иван Баграмян так описывал его подвиг: *«Несколько наших танков немцы подбили, но машина, на броне которой находился десант автоматчиков во главе с Козаком, чудом прошла сквозь огненную завесу и ворвалась в деревню. Майор, соскочив с танка, повёл бойцов на засевших в домах и подвалах фашистов. Очистив деревню, пехота и танки атаковали противника, занимавшего высоту с отметкой 43,3, что находилась в двух километрах западнее. Но превосходящие силы пехоты немцев двинулись в контратаку. Козак повёл бойцов вперёд, но был ранен в плечо. Наскоро перевязав рану, он снова появился в цепи атакующих и снова был ранен, на этот раз в голову. Очередная поспешная перевязка — и опять майор Козак в атаке. Осколок мины пронзил грудь бесстрашного командира...»*

Высоту красноармейцы взяли, но многие при этом погибли. В том числе и 25-летний комбат Степан Козак.

На территории Гольдбах располагался красноармейский госпиталь, немецкая часть, уходя от наступления, в тылу наших частей нарвалась на этот госпиталь – фашисты расстреляли безоружных раненных. Об этом стало известно Верховному главнокомандующему И. Сталину? и он приказал в отношении этой фашистской части «пленных не брать» – приказ исполнили.

Памятник красноармейцам в Гольдбахе был установлен в 1945 году, а в 1981-1983 годах в посёлке Славинск в результате сигнала – письма от работника Управления пусконаладочных работ на адрес областного комитета партии создан мемориальный комплекс. На перекрёстке улицы Центральной с улицей Героев установлен указатель к братскому захоронению. Прямоугольная в плане площадка из шести террас соединена лестницей, с надгробиями – 306 одиночных и нескольких братских могил – и мемориальными плитами с фамилиями павших воинов.

У подножия лестницы по центру установлена скульптурная композиция, представляющая собой величественные фигуры трех стоящих друг за другом воинов. В правой опущенной руке они держат мечи, левой придерживают стоящие у ног щиты с гербом в виде звезды в обрамлении лаврового венка. Вечнозеленые ели подчеркивают строгость и торжественность мемориала.

По материалам сайтов www.ostpreussen.net, www.kreisgemeinschaft-wehlau.de, www.grazdanin-gazeta.ru и www.prussia39.ru

В сторону Полесска по дороге от Славинска задержимся в посёлке Нахимово – объединивший бывшие Кляйн и Гросс Шарлак, которые принадлежали крайсу Лабиау – мы тем временем оказались в Полесском районе, где немного познакомимся с усадебной жизнью Восточной Пруссии.

Шарлак в переводе с немецкого означает ярко красный цвет – алый.

Шарлак уже был поселением в древне-пруссские времена. В 1346 году Винрих фон Книпроде, комтур из Кёнигсберга, подарил верному пруссу Глобсе четыре участка земли в поле Шарлака, а в 1350 году ещё четыре хуфа.

92

Усадьба в стиле неobarocco в Кляйн Шарлак была построена архитектором Шторпом в 1910/11 году. Последней немецкой владелицей была Ева Вольтаг, урожденная Йохст (1895-1963), чья семья приобрела поместье в 1855 году. Внук Гельмута Вольтага пишет, что семья Йохст изначально жила в Лиссау/Западной Пруссии и прекрасно вела хозяйство на тамошней богатой плодородной земле. Это облегчило им финансовую задачу по приобретению совершенно заброшенного поместья Кл. Шарлак площадью 356 га в Восточной Пруссии. В эпоху железных дорог присоединение к узкоколейной железнодорожной линии Лабиау – Тапиау стало преимуществом для поместья. Железнодорожная станция находилась прямо напротив входа в поместье.

Однако удобное расположение железной дороги не помогло возвращению в Западную Германию, на проселочной дороге в Кёнигсберг русские войска обогнали обозы беженцев в январе 1945 года.

В Кляйн Шарлаке была двухклассная школа, в которой учились также ученики из Шакаулака, соседской крестьянской деревни. Последним директором школы был учитель Эрнст Хубе (умер в 1958 году), который был увлеченным также пчеловодом. Здание школы сгорело в 1945 году и больше не существует. Кроме того, ещё в Гросс Шарлаке существовала одноклассная сельская школа (последним директором был Эрнст Хаупт).

Хельмут Вольтаг пояснил одну фотографию усадьбы: «Вид с воздуха на Кляйн Шарлак показывает рыцарское поместье моей бабушки, миссис Евы Вольтаг. Этот снимок был сделан пилотом вермахта с авиабазы возле усадьбы».

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 011322

Klein Scharlack, Kreis Labiau, MT11092-6. Gutshof, Gesamtanlage. (1942), ©

В некоторое время усадьба являлась Домом культуры посёлка Нахимово, была отремонтирована в 1989/90 годах.

В настоящее время Дом культуры не функционирует, в здании осталась лишь библиотека, вход в которую с обратной стороны.

Самый ранний сохранившийся документ о поместье Гросс Шарлак, как рыцарском имении, датируется 1346 годом. Земля была пожалована рыцарю Индати 24 декабря 1261 года. Через несколько лет она перешла во владение рыцаря Кристиана фон Шарлейки, который, вероятно, и стал крестным отцом в названии местности.

Родоначальником фамилии считается фон дер Тренк, представителем этого рода в Пруссии в XVII веке становится потомок династии Гедун фон Шарлейки.

Однако не стоит путать с братьями-кузенами Франца и Фридриха фон дер Тренк, к их общей фамилии необходимо добавлять – «австриец» и «пруссак», потому что служили они разным коронам и даже воевали друг против друга в XVIII веке.

Фридрих родился в Саксонии-Альхат в прусской дворянской семье, знал несколько иностранных языков, поступил в Кёнигсбергский университет, служил в прусской армии и был арестован из-за связи со своим двоюродным братом Францем фон дер Тренком, состоявшим на службе у австрийцев, бежал, получил назначение в имперскую армию Венгрии, вновь был арестован и провёл 9 лет в одиночной камере Магдебургского форта... Последующие десятилетия жизни Тренка были полны приключений. Он занимался литературной деятельностью, зарабатывал виноделием, но попал на мошенников и разорился, объездил Англию и Францию.

В Париже подозреваемый в шпионаже Тренк оказался в тюрьме Сен-Лазар и по приговору революционного трибунала был казнён на гильотине 25 июля 1794 года, за два дня до свержения Робеспьера.

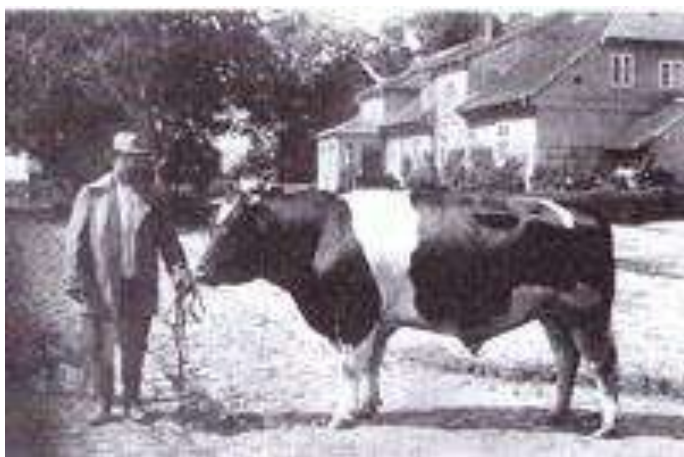
О Фридрике фон дер Тренке, как и следовало предположить, снято несколько фильмов.

Барон Франц фон дер Тренк, сын прусского офицера на службе в армии Священной римской империи подполковника Иоганна Генриха фон дер Тренка, воспитывался у иезуитов в венгерском Эденбурге (Шопроне). В 17 лет Франц, также как отец, поступил на службу в имперскую армию. За свой необузданный нрав был вскоре уволен и отправился служить ротмистром гусарского полка в Россию. Но и там за нарушения субординации предстал перед судом и был приговорён к нескольким месяцам принудительных работ в Киевской крепости, после чего вернулся в своё поместье в Славонии. В 1740 году, с началом Войны за австрийское наследство Франц фон дер Тренк получил от императрицы Марии Терезии разрешение набрать пандурский полк. Численность войска составляла до 5000 человек и

использовалось в качестве авангарда армии, прославившись как своей отвагой, так и жестокостью по отношению к гражданскому населению. Тренк набирал свои войска преимущественно из местных жителей, где ещё несколько лет назад властвовала Османская империя. Любопытно, что в кинофильме 1940 года «Пандур Тренк» о жизни пандура Франца фон дер Тренка, актёр Ханс Альберс исполняет три роли: пандура, его отца и его двоюродного брата Фридриха.

В начале 20-го века поместье Groß Scharlack было известно своим коневодством и семеноводством. Кроме того, здесь находилась признанная восточно-прусско-голландская ферма крупного рогатого скота и йоркширская породистая свиноферма.

Вернёмся в посёлок Нахимово, бывший Шарлак. В период своего расцвета имению Шарлак принадлежали земли от Куршского залива до Гольдбаха. По последним подсчетам, площадь имения Groß Scharlack составляла около 660 га.

До 1945 года имение принадлежало семье Лепене, сначала Паулю Лепене, а с 1936 года его сыну доктору Герхарду Лепене.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 006517
Labiau, Kreis Labiau, MT11092-1. Schloss II. (1900-1914), © Otto Grisard, Labiau

В своё время Луи Лепене (29. 1. 1819 – 27. 3. 1912), успешный бизнесмен из Померании, женился на женщине из Лабиау, был избран в городской совет Лабиау и в день своего 90-летия был удостоен звания почётного гражданина Лабиау.

Его сын Пауль Лепене (12. 5. 1865 – 27. 1. 1946), занимавшийся лесозаготовительным делом, приобрел имение Groß Scharlack в

начале 1900 года. В 1931 году имение испытывало значительные трудности, поскольку в результате пожара был уничтожен большой амбар с полным урожаем, возникли проблемы с разведением телят, а банковские процентные ставки от 1900 года выросли до непомерно высоких значений. С помощью районной администрации финансовые проблемы были решены таким образом, что продажа земли не потребовалась.

Однако Лепены пострадали при нацистах от расовых законов. Будучи так называемой «еврейской смешанной породой первой степени», Герхард Лепене не мог быть членом Немецкого трудового фронта, но по решению рейхсляйтера Бальдура фон Шираха ему было милостиво разрешено состоять в Немецком движении юнгвольке и Гитлерюгенде.

Родители полукровки переехали в более анонимный Берлин, и старший сын Ульрих Лепен, который к тому времени владел имением поместья Кляйн Виндкейм (Adl. Klein Windkeim) в крайсе Хайлигенбайль, взял на себя управление Groß Scharlack.

Преследования национал-социалистов того времени не остались незамеченными. Герхард Лепене должен был заплатить еврейский налог в размере 60 000 RM, его лишили лицензии на охоту, а в ноябре 1944 года его даже насильно отправили в трудовой лагерь в Ленне-Ворволе в Нижней Саксонии. Но Герхард Лепене выжил. Ульрих Лепене ещё лет десять назад жил со своей женой Соней недалеко от Гифхорна.

От зданий усадьбы Гросс Шарлак осталось немного. Фрагменты конюшен и коровников все еще видны тем, кто знаком с этой местностью, сохранился пруд для лошадей, но уже в небольшом размере. Из-под груды обломков усадьбы какое-то время виднелись стены фундамента и можно было заглянуть в подвалы. Сохранились некоторые постройки. Рядом работает современный завод по производству пластмасс.

По материалам статей сайта www.ostpreussen.net, www.ru.wikipedia.org

Восточную Пруссию в XIX — первой половине XX в. называли «страной поместных домов и дворцов». Немецкий исследователь Карл фон Лорк, первым начавший в 1930-е годы изучение архитектуры местных усадеб, насчитывал в провинции более 1200 господских домов.

На территории современной Калининградской области, занимающей одну треть бывшей Восточной Пруссии, до Второй мировой войны существовало более

400 усадебных комплексов, включавших, помимо дворцов, также многочисленные хозяйственные сооружения и жилье для наемных рабочих. Численность господских домов уменьшается с каждым годом, несмотря на то что многие здания взяты под охрану как памятники архитектуры местного значения.

Количество немецко- польско- и русскоязычных исследований на эту тему относительно невелико. Активное изучение усадебных комплексов бывшей Восточной Пруссии началось только в конце XX — начале XXI в.

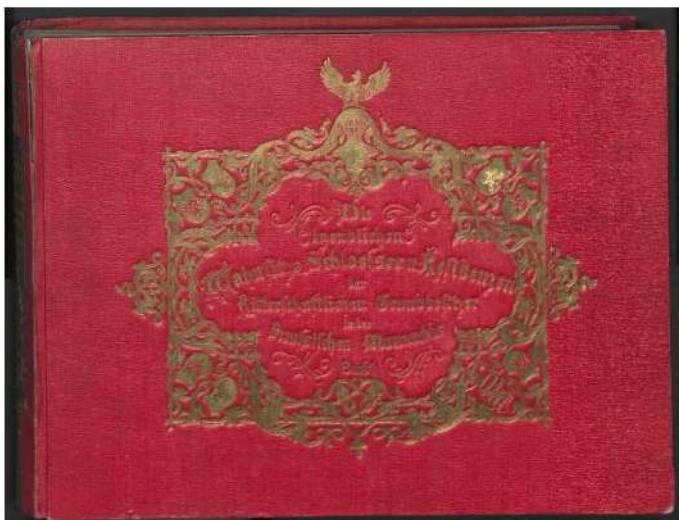
Marienburg - die Hauptstadt des Deutschen Ordens

Интерес к истории древних замков и старинных дворцов пробудился в Германии в начале XIX в. движением в защиту средневекового укрепления Тевтонского ордена в Мариенбурге (совр. Мальборк, Польша).

Следуя культурным устремлениям эпохи позднего романтизма и бидермайера, Александр Дункер (1813–1897), владелец издательства и магазинов книжной торговли, опубликовал в 1857–1883 гг. 959 цветных литографий с изображениями лучших усадебных домов двенадцати провинций Германии.

Издание называлось гордо и цветисто — «Сельские усадьбы, дворцы и резиденции аристократических владельцев в прусской монархии, включая поместья, принадлежащие королевской семье, а также представителям княжеского рода и майоратам, в виде правдиво-натуралистических, художественно исполненных, цветных изображений и сопроводительных текстов. Изданы Александром Дункером, придворным книжным торговцем Его Величества

Короля. Берлин, издательство А. Дункера, королевского книготорговца».

Коллекция с изображениями дворцов Германии складывалась около 30 лет без определенной системы, без учета географических, архитектурно-художественных и иных факторов. Шестнадцать томов собрания формировались по мере изготовления отдельных гравюр, появление которых зависело от желания владельцев публично продемонстрировать собственную усадьбу. Они должны были предоставить А. Дункеру исторические материалы, дать

разрешение на копирование и работу художников в поместье.

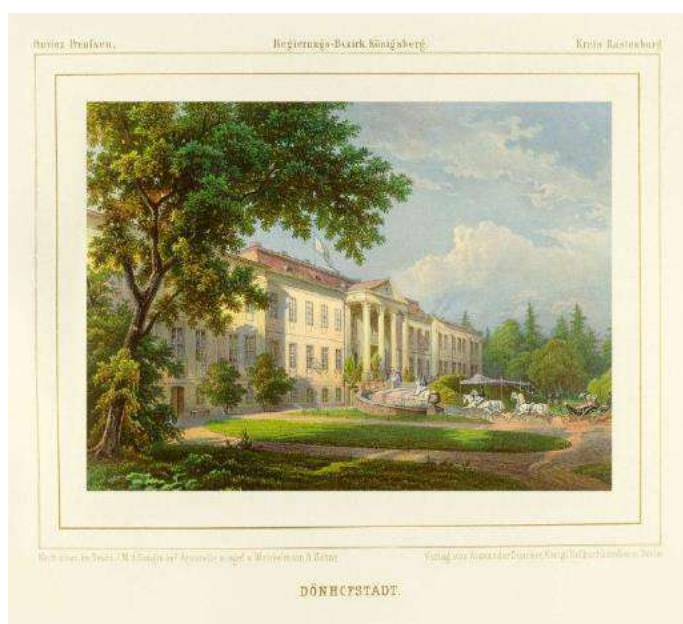
В предисловии к первому изданию «Сельских усадеб, дворцов и резиденций аристократических владельцев в Прусской монархии» (1857 г.) А. Дункер указал, что оно предпринято при поддержке прусского короля Фридриха Вильгельма IV (1840–1861), который в 1840-х гг. учредил в Германии службу по охране памятников.

15 января 1842 г. был издан указ о проведении инвентаризации исторических сооружений по всей Германии. Его исполнение началось лишь спустя 12 лет, в 1854 г., когда в краевых газетах был опубликован приказ о сборе материалов о местных объектах. Видимо, в рамках этого распоряжения проводилась также деятельность А. Дункера по составлению собрания гравюр.

Цель издания А. Дункер видел в том, чтобы представить «художественно и топографически точно как можно больше господских домов, дворцов и жилых замков прусской монархии, для того чтобы расширить исторические и родословные знания о них и объединить их в единое „роскошное произведение“. В настоящее время лишь немногие учреждения Германии владеют коллекциями оригинальных ведут, опубликованных издателем. Полные издания имеются в

библиотеке университета имени Гумбольдта в Берлине и в Вестфальском провинциальном музее истории искусства и культуры в Мюнстере. Неполные комплекты хранятся в библиотеках Берлина, Мюнхена, Корвей на Везере, Киля, а также в берлинском Тайном архиве Прусского наследия. Небольшая коллекция ведут А. Дункера, имеется в собрании изобразительного архива Института исторических исследований Восточной и Центральной Европы имени Гердера в Марбурге, где хранится 330 цветных литографий, купленных в конце 1960-х гг. и до сих пор не изученных. Как собрание А. Дункера в целом, так и подборка листов в архиве достаточно случайны, однако возможность непосредственной работы с графическими оригиналами, неизученность архитектуры отдельных дворцов, послужили поводом для проведения небольшого исследования.

Среди огромного количества литографий, изданных А. Дункером, было опубликовано 45 усадеб Восточной Пруссии, принадлежавших знатнейшим семьям провинции — фон Дона, фон Шлибен, фон Дёнхофф, фон Бюлов и другим, менее родовитым владельцам. Из общего числа изображений господских восточно-пруссских домов 17 прототипов попали после окончания Второй мировой войны на территорию «самой западной» области РФ, большинство поместий оказались в Польше и исследуются польскими учеными. В собрании архива Института имени Гердера которые представляют бывшие имения

в Марбурге хранится 8 литографий, Калининградской области.

До настоящего времени в регионе стоят изображенные на гравюрах дворцы в Рошино (бывш. Грюнхоф) и в Холмогоровке (бывш. Фухсберг), имеющие статус объектов культурного наследия местного значения. Остальные дома, кроме перестроенного еще в XIX в. средневекового замка в поселке Маевка (бывш. Георгенсбург), были разобраны в послевоенные десятилетия.

Усадьбы бывшей Восточной Пруссии на территории Калининградской области остаются до сих пор малоизученными. Если средневековые замки отчасти представлены в русскоязычной литературе, то усадебная культура XVII — первой половины XX в. остается практически неизвестной. Лишь материалы юбилейного сборника «Памятники истории и культуры.

Калининградская область», опубликованная в 2013 г. статья и интернет-сообщения местных краеведов знакомят российского читателя с состоянием сельских поместий бывшей германской провинции.

До Второй мировой войны бывший немецкий регион считался «страной усадебных домов и дворцов», в настоящее время не существует даже музея местного усадебного быта. В воспоминаниях бывших жителей Восточной Пруссии культивируется миф о легендарной стране юнкерских поместий, о славном ушедшем времени, о канувшем «золотом веке», богатстве и всеобщем процветании провинции. В действительности военно-аграрная провинция была одним из самых бедных регионов Германии и во многом зависела от правительственных дотаций, которые особенно увеличились в 1930-е гг.

Усадебное наследие Восточной Пруссии в основном утрачено, процесс разрушения продолжается и сейчас. По моим подсчетам, которые не слишком расходятся с данными других авторов, только на территории теперешней Калининградской области существовало более 400 поместий с господским домом, окруженным ухоженным парком, многочисленными хозяйственными сооружениями. В этот список мною включены постройки XVII —

первой половины XX в., и он постоянно увеличивается. Известный исследователь архитектуры Восточной Пруссии Карл фон Лорк, который еще до Второй мировой войны одним из первых начал собирать сведения о расположенных здесь усадьбах, писал, что в 1939 г. в провинции «существовало 1 265 хозяйств размером более 200 га, среди которых находилось 262 усадьбы размером более 500 га».

В настоящее время под охраной в качестве объектов культурного наследия регионального значения находится примерно 20 усадебных зданий разной степени сохранности. Среди имеющихся господских домов **хорошо отреставрировано частными владельцами здание в Локенен/Яблочкино (Багратионовский район), которое внесено (с кратким описанием, историей появления,**

именами владельцев) в каталог объектов культурного наследия. К постановке на государственную охрану предложены такие усадьбы, как бывшие Гросс Луговен/Фрунзенское (Правдинский район), Пройсиш-Арнау / Родники (Гурьевский район), Веедерн / Суворовка (Озерский район).

Большинство бывших поместий не поставлены под охрану как объекты культурного наследия, не изучены и в ближайшее время могут исчезнуть. Число таких сельских усадеб, обычно неброских, окруженных одичавшими парками и заброшенными хозяйственными постройками, и без того невелико — я думаю, едва ли наберется около 50—60.

В 2016 году были разобраны на кирпич две усадьбы — в поселке Шоссейный (бывшее имение Кальген) и в посёлке Лозовое Гвардейского района (бывшее имение Подоллен).

Почему настолько мало уцелевших усадебных зданий?

Известно, что в Восточной Пруссии в 1945 г. шли особенно ожесточенные бои. Это была первая немецкая территория, куда вошли советские войска, и о каком-то бережном отношении к местной культуре речь вообще не шла. Наоборот — повсюду стояли щиты с надписями: «Вот она, проклятая Германия», провоцировавшие негативное отношение к земле, завоеванной большой кровью.

Часть усадебных построек была утрачена при наступлении весной 1945 г., многие здания сгорели при артиллерийских обстрелах, во время которых было повреждено примерно 60 поместных домов.

уничтожены.

Процесс разборки господских домов в России (и также в соседней Польше) шел несколько десятилетий и продолжается до сих пор, в результате утрачено неуточненное количество усадебных домов разной величины, давности происхождения, архитектурной ценности и художественной значимости внутреннего убранства.

Большинство архитектурных сооружений после войны сохранилось, хотя и в разоренном виде. Имена были разобраны на строительный материал уже в послевоенные годы, когда захваченные трофеи вагонами отправлялись для реконструкции разрушенных городов за пределами области. Часть усадеб оказалась на широкой пограничной полосе между Польшей и СССР и были целенаправленно

уцелели немногочисленные здания, которым нашли применение в качестве школ, колхозных домов культуры, домов престарелых, административных, культурно-просветительных, санаторно-курортных учреждений и т. д. Как только организация ликвидировалась и покидала помещения, они приходили в запустение и разрушались — силами природы и новых жителей области, находивших тут богатый и бесплатный запас стройматериалов. Так

произошло с имениями Земен/Солдатово (Правдинский район), Лайсинен/Родники (Правдинский район), Мейкен/Майское (Гусевский район) и многими другими. После перестройки этот процесс приобрел характер стихийного бедствия и продолжается до сих пор.

К. фон Лорк когда-то писал: «Усадебный дом не только произведение архитектуры. Здесь нельзя разделить архитектурные формы и образ жизни. Строительные формы выражают особенности культуры».

Новым жителям области, приехавшим, как правило, из глухих деревень центральной России, разоренных войной, было легче и проще обживать небольшие деревенские домики, чем примириться с существованием огромных дворцов, в которых проходила неведомая им жизнь.

Дворцы разбирали по камешкам, чтобы построить очередной сарай.

На территории Калининградской области часть усадебных домов XVIII — первой половины XX в., ныне утраченных, были построены или изменены известными европейскими архитекторами для представителей родовитых восточно-прусских семей (архитекторы Жан де Бодт, Давид Жилли, Фриц Хайтманн и др.). Большинство зданий возведено по проектам неустановленных мастеров, часто в соответствии с привычными местными образцами. Парки составляли особую заботу владельцев усадеб. Эта часть наследия практически не поддается реконструкции, хотя и предпринимаются попытки изучения исчезнувших природных комплексов.

Если наиболее выдающиеся усадьбы XVII—XVIII вв. были зафиксированы и исследованы немецкими реставраторами в конце XIX — первой половине XX вв., то здания XIX — начала XX вв. представлены почти исключительно в исследованиях К. фон Лорка, издавшего в 1933 г. книгу «Усадьбы Восточной Пруссии» (переиздана в 1953 г.).

Господские дома позднего орденского времени и герцогского периода не сохранились, если речь не идет о больших укрепленных замках, выполнявших в основном военно-административную, в меньшей мере — жилую и хозяйственную функции. Еще Р. Детлефсен писал в 1918 г. о средневековых усадьбах: «...только пара подвалов, нижние части башен, едва видимые кирпичные украшения на остатках стен, строительный мусор на

пашне — таковы последние следы отдельных поместий, которые иногда еще встречаются». Первые усадебные дома, простоявшие до середины XX в., появились в начале XVII в.

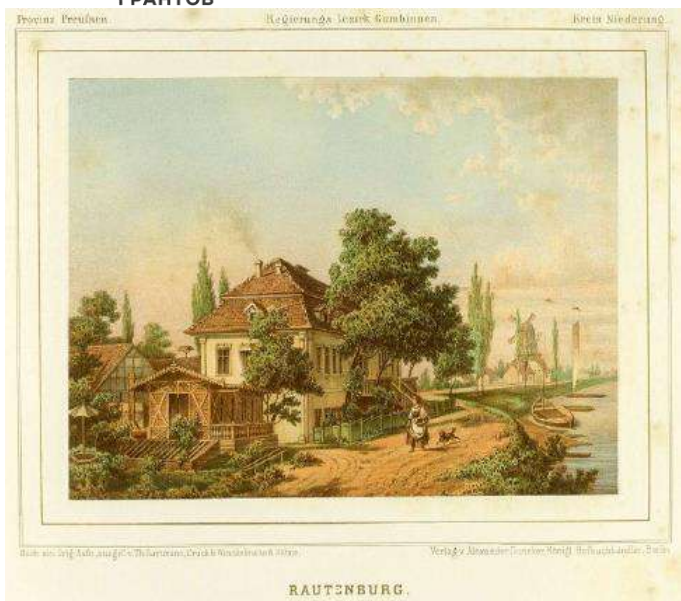
Настоящий расцвет дворцового строительства наблюдался в Восточной Пруссии в XVIII в., когда появились величественные усадебные комплексы, принадлежавшие представителям знатнейших фамилий Германии. В первой половине XIX в. строились более скромные поместья, вторая половина XIX в. и начало XX в. характеризовались тем, что перестраивались, расширялись и делались более комфортабельными старинные обветшавшие дома, появлялись также усадьбы на новом месте. Отдельные усадьбы изменили свой облик после Первой мировой войны.

Автор книги о дворце Вальдбург-Капустигаль (не сохранился, бывший округ Кёнигсберг) граф Ганс цу Дона опровергает мнение о том, что Восточная Пруссия была провинцией, где доминировали исключительно большие поместья. Опираясь на административные данные 1861 г., он писал, что к тому времени 14,1% территории занимали государственные хозяйства и лесничества, 27,8% составляли большие и средние хозяйства размером более 100 га, остальную площадь (54,3 %) занимали крестьянские хозяйства. Это соотношение долгое время практически не менялось. Позднее большие хозяйства составили 31%, крестьянские (размером от 5 до 100 га) — 60%, при этом средние — от 20 до 100 га — встречались особенно часто и составляли 38%. В других восточных провинциях количество больших поместий достигало 40—50%.

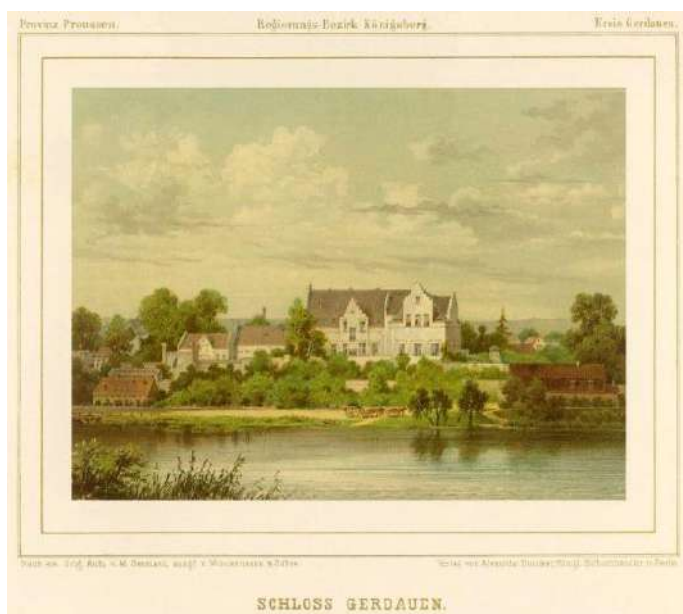
Поместные дома имели разное назначение — особо богатые выполняли одновременно репрезентативные, жилые и хозяйственные функции. Многие из них служили местами остановки для германских правителей, направлявшихся во вторую после Берлина столицу Пруссии — Кёнигсберг/Калининград. Это Гросс Хольштайн/пос. Прегольский (в

черте Калининграда), Фридрихштайн/Каменка (Гурьевский район), Шлобиттен/Шлобиты, Дёнхоффштадт/Дрогоше, Финкенштайн/Каменец, (три последние — Польша), принадлежавшие родовитым семьям, близким к королевскому двору.

Большинство господских жилых зданий служили жильем для менее знатных, но богатых и рачительных хозяев и непосредственно соседствовали с многочисленными хозяйственными сооружениями. Многие поместья XVIII—XIX вв. были выстроены в прагматичной форме, без особенных архитектурных изысков. Как писал Р. Детлефсен, «жилые дома землевладельцев восходили не к типу укреплений, но к крестьянскому дому. Как и крестьянин, богатый землевладелец в Восточной Пруссии строил свое жилище как

вытянутый в плане прямоугольник, делал вход в центре длинной стороны и устраивал большой входной вестибюль, от которого расходились жилые помещения разного назначения. При необходимости для новых членов семьи пристраивали флигели, так что здание приобретало вид полукаре (которое выглядит как русская буква П или Н). Редкой темой был выступающий ризалит с подчеркнутым входом, идея которого тоже восходила к крестьянскому дому».

Владельцы имений уделяли большое внимание строительству конюшен, коровников, свинарников, амбаров, которые соперничали своими формами и размерами с господскими домами. К проектированию животноводческих комплексов, каретных и машинных сараев, ремонтных мастерских привлекались профессиональные архитекторы, о чем свидетельствуют книги образцовых проектов с примерами осуществленных построек, выходявшие в XIX в.

Известно, что восточно-пруссский архитектор Ф. Хайтманн, автор большинства вилл элитного кёнигсбергского района Амалиенау, ряда евангелических и католических храмов провинции и других сооружений, построил две усадьбы — одна из них не сохранилась (Шилльгаллен/Залесье, бывший округ Тильзит/Рагнит, 1909 г.).

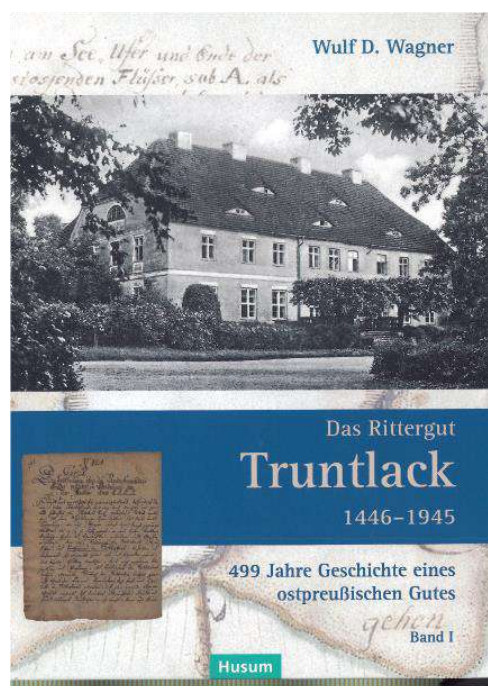

От авторского комплекса в Корбен/Краснофлотское (Зеленоградский район) остались хозяйственные постройки (усадебный дом сгорел в 1947 г.).

Впечатляет размах сельскохозяйственного производства, особенно в конце XIX — начале XX в., выраженный в капитальных архитектурно-художественных формах конюшен, коровников, свинарников, каретных сараев и тракторных гаражей, силосных и прочих сооружений, иногда напоминающих храмы.

Ирина Викторовна Белинцева – кандидат искусствоведения, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ, Москва), фрагмент статьи «ПОДЛИПОВО КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (БЫВШЕЕ ХОХЛИНДЕНБЕРГ): К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ УСАДЕБНОГО НАСЛЕДИЯ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ».

На рубеже III тысячелетия возродился интерес к частично уже утраченному наследию сельских поместий Восточной Пруссии. Истории местной усадебной культуры посвящены многочисленные книги известного немецкого исследователя Вульфа Дитриха Вагнера, вышедшие в конце XX – начале XXI века. Наиболее полный научный труд этого автора опубликован в 2014 году и связан с многовековой историей и архитектурой исчезнувшего поместья Трутлак (близ Шевцово Правдинского района Калининградской области).

Барские дворцы были окружены ухоженными парками с многочисленными садовыми павильонами, монументальными скульптурами, редкими породами растений, в числе которых встречались старые деревья, оформленные и подстриженные в виде храмовых зданий. Среди зелени располагались захоронения членов дворянских семей, отмеченные скульптурными памятниками, памятными колоннами, капеллами и мавзолеями.

Поместные жилища, не имевшие, в отличие от средневековых замков, фортификационных функций, в провинции начали строить в конце XVI – начале XVII века. Многие из них выросли на месте небольших орденских укреплений или охотничьих домиков, расположенных среди лесных угодий, принадлежавших прусским курфюрстам и их приближённым.

Расцвет строительства дворцов пришелся на первую половину XVIII века, что связано с коронацией в 1701 году курфюрста Фридриха III, переименованного в короля Фридриха I. Подданные нового правителя Пруссии призваны были вести соответствующий аристократический образ жизни, ориентиром для которого служил французский двор. Немецкий искусствовед Антон Ульбрих писал в своей книге

«История искусства Восточной Пруссии с Орденского времени до современности», изданной в 1932 году, что именно в период с 1680 по 1750 годы было построено наибольшее количество сельских поместий и дворцов, в облике которых было особенно заметно французское влияние.

В XIX – начале XX века продолжали строить новые усадьбы, но, главным образом, перестраивались старинные поместья, которые приспособлялись к растущим требованиям комфорта, новым эстетическим вкусам и экономическим запросам владельцев. В середине XIX века подверглось перестройке одно из самых ранних имений региона – Грюнхоф (современный пос. Роцино Зеленоградского района),

восстанавливаемое в настоящее время в его историческом виде. Множество усадебных комплексов были изменены или заново построены после разрушений Первой мировой войны. В их создании участвовали известные немецкие архитекторы межвоенного времени, такие как Ханс Шарун, Хуго Херинг, Ханс Майер и другие.

Долгое время усадьбы Восточной Пруссии, их архитектура, владельцы и создатели не были предметом значительного научного интереса ни в России, ни за рубежом. Первые исследования сельских усадебных дворцов Восточной Пруссии появились в межвоенное время XX века, но лишь на рубеже III тысячелетия возрос научный интерес к частично уже утраченному достоянию. Истории усадебной культуры Восточной Пруссии, треть территории которой занимает Калининградская область Российской Федерации, посвящены многочисленные книги известного немецкого исследователя Вольфа Дитриха Вагнера, вышедшие в конце XX – начале XXI века.

Это такие издания, как «Станции коронационного путешествия – дворцы и усадебные дома в Восточной Пруссии. Каталог выставки», «Усадьбы округа Хайлигенбайль в Восточной Пруссии», двухтомники «Культура сельской Восточной Пруссии. История, имения и люди округа Гердауэн», «Замок в Кенигсберге. Строительная и культурная история», «Рыцарское имение Трунтлак. 1446–1945. 499 лет истории одной восточно-прусской усадьбы» и другие, в том числе ранние работы автора. К изданию готовится новое исследование, посвящённое усадьбам бывшего района Самбии (совр. Калининградский полуостров).

Вульф Дитрих Вагнер, кандидат технических наук, известный немецкий историк архитектуры Восточной Пруссии, родился в 1969 году в Манхайме, живёт и работает в Берлине и Палермо. Учился на архитектурном факультете университета в Карлсруэ (1989–1996), одновременно работал в институте архитектурной истории этого университета, в «Юго-западном архиве архитектуры и строительства», в «Архитектурной галерее Цейгхауса» там же. Тема его дипломной работы была посвящена градостроительному восстановлению застройки острова Канта в Калининграде. Тема

кандидатской диссертации, защищённой в 2005 году в том же университете, также связана с архитектурной историей северной части Восточной Пруссии (совр. Калининградская область) – «Замок в Кёнигсберге – архитектурная и культурная история». После переезда в Берлин в 1995 году работал в разных архитектурных бюро. В. Д. Вагнер начал изучать восточно-пруссские крестьянские и господские дома ещё в 1986 году, будучи совсем юным молодым человеком, и в настоящее время является основным специалистом по архитектуре бывшей Восточной Пруссии.

В 2008 году за исследования усадеб региона В. Д. Вагнер получил Восточно-прусскую научную премию культуры землячества Восточной Пруссии.

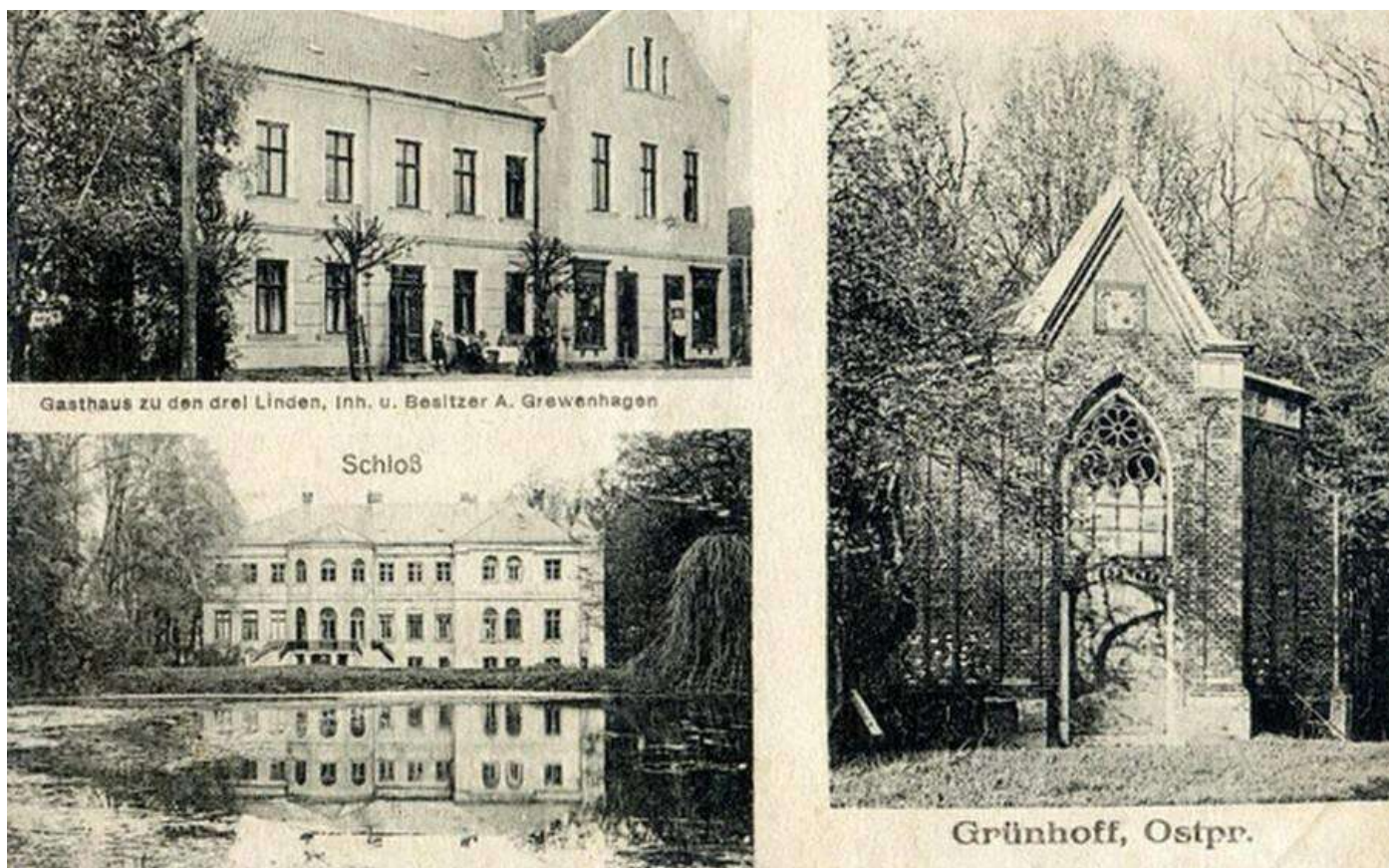
Его труды включают краткие обзоры семейных родословных, описания ушедшего образа жизни и других составляющих сельского помещичьего быта существования и являются важнейшими источниками сведений по истории поместной культуры

Калининградской области, безвозвратно утраченной в регионе в послевоенные годы. Подробные тексты автора основаны на изучении и комментировании многочисленных исторических источников из государственных и частных архивов Германии, в том числе трудночитаемых немецких рукописных собраний древних и новых документов, недоступных для большинства исследователей.

В книгах даётся также представление об архитектуре усадебных домов, особенностях планировки окружающих их парков и хозяйственных комплексов.

Первая из книг В. Д. Вагнера – «Станции коронационного путешествия – дворцы и усадебные дома в Восточной Пруссии», представляет собой каталог небольшой выставки в Берлине, посвященной 300-летию первой коронации прусских правителей, состоявшейся в январе 1701 года в Кёнигсберге (современный Калининград). В этой работе освещена история узкого круга поместий, связанных с правящей элитой отдалённой прусской провинции, давшей впоследствии название государству Пруссия с центром в Берлине. Из двадцати дворцов, подробно описанных в текстах В. Д. Вагнера, на территории Калининградской области сохранились здания в бывшем Грюнхоффе (совр. пос. Роцино), Гросс Хольштайне (совр. пос. Прегольский), Тракенене (совр. пос. Ясная Поляна).

Одно из фундаментальных исследований учёного-архитектуроведа связано с историей поместий бывшего округа Хайлигенбайль, часть которого вошла в состав Мамоновского района Калининградской области (другая часть включена в состав Польши). В разделе предисловия под названием «Ставшая мифом: Восточная Пруссия, страна усадеб» В. Д. Вагнер продемонстрировал, насколько сильно общий образ этой аграрной провинции определялся культурой поместных комплексов. Издание опубликовано как своеобразный подробный каталог всех усадеб на территории несуществующего восточно-прусского округа.

В текстах, посвящённых отдельным поместьям, даётся краткая история возникновения имения, оценивается его экономический потенциал, прослеживаются смена владельцев и их родословные, документально описывается трагическая история бегства от наступающих войск Красной армии. Особое место в работе уделено анализу внешнего облика господских домов, их внутренней планировки, особенностей и стилистики внутреннего убранства. Каждое описание сопровождается многочисленными фотографиями усадебного дома и его обитателей, рисунками, чертежами, поэтажными планами.

В двух томах под названием «Культура сельской Восточной Пруссии. История, имения и люди округа Гердауэн» В. Д. Вагнер подробно освещает историю бывшего немецкого округа, вошедшего в состав Правдинского района Калининградской области. Прежде чем перейти к обзору отдельных поместий, автор рассматривает этапы освоения и развития этой местности, начиная со времён господства языческих прусских

племен и заканчивая трагическим для региона итогом Второй мировой войны. Часть первого тома и полностью второй том содержат краткие экскурсы в историю отдельных имений, включая анализ архитектурных особенностей господских домов, в том числе сохранившихся на территории Калининградской области.

Материал статьи И. В. Белинцевой «Усадьбы и дворцы бывшей восточной Пруссии на территории Калининградской области: памятники и исследования» 2017 года.

Усадебные дома в Фридрихштайне (пос. Каменка Гурьевского района), Лаблакен (пос. Никитовка Полесского района) и Зандиттен (пос. Лунино Гвардейского района) принадлежали к числу самых роскошных зданий Германии XVIII в. и простояли до конца Второй мировой войны практически в первозданном историческом виде.

Дом в Лаблакен был построен в середине XVIII в. как простое двухэтажное кирпичное здание. Облик имения середины XIX в. представлен литографией Т. Альберта, работавшего над серией гравюр для А. Дункера, используя не только собственные акварели, но и рисунки других художников. Фридрих Вильгельм Фердинанд Теодор Альберт — пейзажист и литограф, родился в 1822 г. в Магдебурге, там приобрел свое мастерство в изготовлении многоцветных отпечатков на

камне. Художник передает характерный бидермайеровский пейзаж, сохранивший отдаленное родство с романтическим ландшафтом, но утративший его таинственность. Собственно архитектурному изображению уделена средняя часть рисунка, две четверти листа вверху занимает голубое небо с легкими облачками, нижняя четверть оставлена воде. Изображение прудов и прудиков с незыблемой гладью водной поверхности, элегантными мостиками и неперенными лебедями станет почти обязательной составляющей формулы усадебных картинок второй половины XIX в.

На дальнем от зрителя берегу пруда видны прогуливающиеся пары, небольшие деревянные беседки, заменившие классические «милови́ды».

Как можно увидеть на других гравюрах этого же мастера из марбургской коллекции (Грюнхоф, Георгенфельде), доминирование голубого безоблачного неба над тихой усадьбой, пруд с лебедями и другие приметы мирной размеренной жизни на природе отличают многие работы Т. Альберта. Там, где мастер следует оригинальным рисункам других художников (**Мертенсдорф, по рисунку М. Зееманна**), заметно укрупнение дома по отношению к изображению в целом. Подобный прием использован также в литографии с имением Фухсберг, выполненной Т. Ротбартом по оригиналу М. Зееманна.

Дом в Лаблакен показан в окружении более мелких строений под полувальмовыми и двускатными крышами, одно из которых выходит за пределы рамки, создавая эффект незамкнутого обширного пространства, занимаемого усадьбой.

Вид имения в XIX в. описала Лилли Браун в биографическом очерке о своей бабушке Женни фон Гутштедт «В тени титанов», вышедшем в 1908 г. *«Через ворота, фланкируемые толстыми каменными стенами, которые кажутся возведенными из чудовищных блоков, будто бы вышедших из-под рук циклопов и придававших целому подобие крепости, дорога ведет на широкий, свидетельствующий о богатстве его владельцев хозяйственный двор*

Лаблакен... Господский дом отделен от двора только низкой стеной и парой достигающих неба тополей... Странный дом: столетия его строили без оглядки на стиль и красоту, стремясь создать место для удобной жизни его обитателей».

К концу 1920-х гг. имение сменило владельцев, дворец стал служить не представительским, а коммерческим целям. Вторую мировую войну дом пережил без особых разрушений, но в 1990-х гг. довоенные жители деревни, посетившие Калининградскую область, отметили исчезновение дворца и почти всех хозяйственных построек усадьбы.

Материалы статьи И. В. Белинцевой «Дворцы Восточной Пруссии (совр. Калининградская область) из собрания А. Дункера (по материалам коллекции Института имени Гердера в Марбурге)».

Место, которое было заложено еще в начале 14 века, больше не существует.

Имение Лаблакен располагалось на пути из Прониттена (ныне пос. Славянское) в Кампкен (ныне пос. Ушаковка), что составляло расстояние в 4 км. Земли Лаблакен и его окрестности были заселены людьми вероятно уже в доисторическое время. Об этом свидетельствует окоп, который тянется 90 метров с юго-запада на северо-восток и на 80 метров юго-востока на северо-запад.

Поместье Лаблакен столетиями находилось во владении дворянства.

В посёлке Никитовка Полесского района стоял особняк конца 17 века вместо лесного дома Ордена, построенного при канцлере Людвиге фон Остау (ум. 1727), получив в 1696 году должность гауптмана Лабиау и Нойхаузена.

До 1788 года поместье принадлежало семье Остау, затем его унаследовали через дочерей зятя, сначала Кристоф фон Клейст, затем в 1832 году камергер фон Внук, в 1877 году Вернер фон Гуштедт и в 1903 году Ганс Детлев фон Массов.

Земли владений выходили к Куршскому заливу.

Вернер фон Гуштедт обустроил эти территории, создал систему по защите земли в гавани от частых наводнений – построил плотины, дамбы и дренажные каналы. Он основал небольшую гавань Кампкенхёфен для своей элегантной яхты, на которой выходил в спокойную погоду прогуляться по заливу. Женившись на дочери помещика и перенеяв управление имением, Гуштедт занялся доставшимся хозяйством достаточно серьёзно –

размножил скот, основал коневодство, создал современную сельскохозяйственную технику и превратил сад усадьбы в английский ландшафтный парк.

В 1913 году поместье занимало площадь 1084 га и принадлежало обер-лейтенанту д. Р. Оскару Пейну. В 1928 году население огромного имения Лаблакен, название которого самостоятельно больше уже не употребляется, было полностью расселено. Анненхоф (ныне пос. Рыбкино) стал деревней, где была учреждена начальная школа. Штайнау (ныне Каменка, имение не сохранилось) и Мариенхоф (ныне Никитовка, имение не сохранилось) стали самостоятельными владениями.

Площадь когда-то дворянского имения Лаблакен составляла 1633,5 га. Численность населения – 575 человек. Во время боевых действий 1945 года здесь погибли 20 человек, без вести пропали 14. Среди спасавшихся бегством погибли 30, 10 пропали без вести. Последний владелец усадьбы и парка Франц Вальдхауэр-Пронтен был убит Советами в 1945 году.

К концу 19 века в Лаблакене жила Дженни фон Гуштедт (7. 9. 1811 – 29. 6. 1890), чей сын Вернер женился на дочери камергера фон Внука.

Дженни фон Гуштедт, урожденная Рабе фон Паппенхайм, была старшей из двух незаконнорожденных дочерей Жерома Бонапарта (1784 – 1860), короля Вестфалии и Дианы Вальднер фон Фройндштайн (1788 – 1844). Диана в то время была замужем за Вильгельмом Максимилианом Рабе фон Паппенхайм, и генеалогический справочник документально свидетельствует о том, что Дженни является законным ребёнком барона Рабе фон Паппенхайма. Её мать, баронесса Диана Рабе фон Паппенхайм, будучи замужем за В. Паппенхаймом, была любовницей короля Джерома.

Вильгельм Рабе фон Паппенхайм и вместе с ним его жена Диана 30 ноября 1811 года, почти через три месяца после рождения Дженни, было возведены королём Жеромом в графское достоинство.

После смерти Вильгельма Ребе фон Паппенхайма Диана в 1815 году вместе со своей дочерью Дженни и сыновьями Готфридом и Альфредом от её брака с Вильгельмом Ребе фон Паппенхаймом, переселилась к одному пастору в Гарц. Её вторая дочь от связи с Жеромом Бонапартом, Мария Паулина, была отдана на воспитание в монастырь в Париже. Затем она была отправлена в Веймар, где к тому времени жила Дженни у сестры матери

Изабеллы. С 1822 года по 1826-й Дженни жила в Страсбурге у своей тёти фон Тюркхайм, но потом снова вернулась в Веймар. Там она познакомилась с Гёте и его сыном Августом, сыновьям которого Вольфу и Вальтеру давала первые уроки. Дженни была также в тесной дружбе со своей ровесницей принцессой Августой фон Саксен-Веймар-Айзенах, которая стала позже супругой императора Вильгельма I и её братом, великим герцогом Карлом Александром. Дженни принимала участие в придворной жизни.

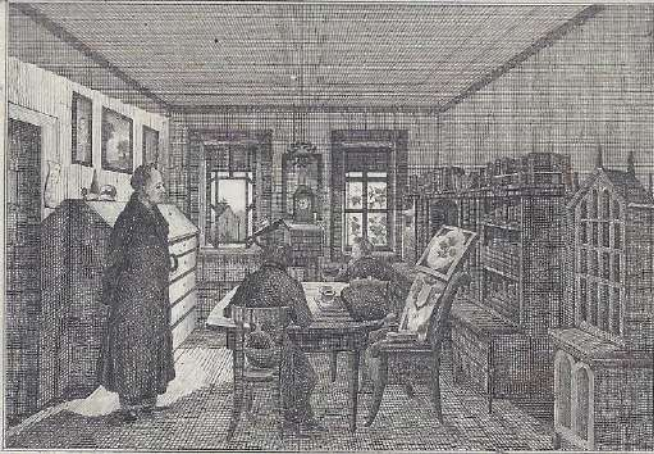
В 1829 году Дженни поступила на службу к великой герцогине, дочери императора Павла I и императрицы Марии Фёдоровны, супруга великого герцога Карла Фридриха Саксен-Веймар-Эйзенахского.

«...Все мы напряжённо ждём появления новой звезды с Востока», – Фридрих Шиллер по просьбе директора Веймаровского театра Иоганна Вольфганга Гёте написал пьесу для приветствия великой княгини Марии Павловны за 4 дня «Приветствие искусств» в честь юной супруги наследного принца. Всё содержание небольшой пьесы заключалось в том, что

поселяне сажают в землю чужестранное благородное деревце – померанц, «чтобы с нашим краем породнилось оно», подчёркивая связь иноземной принцессы с новой родиной.

Представление состоялось в королевском театра Веймара 12 ноября 1804 года. Кстати, это произведение, которое сам Шиллер назвал «произведением минуты», стало его последним законченным произведением. Юная принцесса была тронута таким приёмом до слёз.

Одарённая природным умом, юная княгиня Мария Павловна в первые годы своего замужества во многом пополнила своё образование беседами с выдающимися людьми и уроками профессоров Йенского университета – логика, история, философия, богословия, археология (помогал с отзывами протоиерей и богослов Стефан Карпович Сабинин).

Получив титул великого герцога, его супруга приняла на себя покровительство наукам и искусствам.

Трудами Марии Павловны был создан не совсем обычный музей, посвящённый памяти И. В. Гёте, Шиллера, Кристофа Мартина Виланда, Гёрдера, прославивших Веймар своей литературной деятельностью. К старому дворцу были пристроены новые покои, получившие название «Залы поэтов» – каждый из покоев был посвящён одному из 4-х поэтов, на

лестнице, ведущей в эти покои, стояли бюсты людей, в своё время способствовавших славе Веймара: художника Лукаса Кранаха, композитора Иоганна Себастьяна Баха, дирижёра Иоганна Гуммеля. Это ей первой пришла мысль в 1842 году пригласить Ференца Листа. Гёте принадлежал к числу её друзей.

Став герцогиней, Мария Павловна устраивала при дворе литературные вечера (это был знаменитый на всю Европу «веймарский кружок»), на которых йенские профессора читали лекции, и Мария Павловна сама избирала тему чтения. Впоследствии накопившиеся материалы позволили основать в 1852 году Общество истории. Она же содействовала Гёте и Майеру, основав Общество по распространению лучших произведений новой литературы Германии. Содействовала открытию училища садоводства, поддерживала закладку новых парков и садов.

Герцогиня жертвовала значительные суммы для посадки насаждений вдоль дорог.

Учёный-испытатель Александр Гумбольдт привёз из Бразилии семена неизвестного в Европе растения в подарок Марии Павловне, которому дал латинское название PAULOVNIA IMPERIALIS (Павловния войлочная, или Императорское дёрво). Павловния считается одним из наиболее быстрорастущих деревьев. Оно даёт плотную тень, устойчиво к деформации, воздействию насекомых-

вредителей и гниению. Павловния растёт на Дальнем Востоке и в Южной Азии. В Калининградской области такие деревья встречаются крайне редко. На берегу Нижнего озера в мае 2021-го власти решили обустроить сквер с редкими для Калининграда деревьями и высадили саженцы павловнии. Новые растения добавили к тем, что появились на улице Пролетарской годом ранее.

При Марии Павловне в герцогском парке стали появляться новые садовые затеи: «русский сад», «театр на природе».

Великая герцогиня Мария Павловна скончалась в июне 1859 году под Веймаром в Тюрингии во дворце Бельведер.

Во время своего летнего пребывания Дженни Рабе фон Паппенхайм в 1837 году в Бад Киссингене влюбилась во владельца поместья, а позже прусского земельного советника Вернера фон Гуштедта (1813 – 1864) и в марте 1838 года вышла за него замуж. Свадьба состоялась в Веймаре. Гуштедт вместе с Дженни переехал в своё унаследованное поместье Гарден около Дойч-Эйлау (Западная Пруссия). Когда в 1851 году он стал главой округа Розенберг, они поселились в рыцарском имении Розенберг. Их совместный сын Отто фон Гуштедт (1839 – 1905) стал прусским ротмистром. После смерти мужа в 1867 году Дженни фон Гуштедт переехала в Берлин и Потсдам, затем в Веймар, и с 1883 года провела последние годы своей жизни у сына Вернера в Лаблакене. На первом этаже двухэтажной усадьбы она обставила просторную квартиру.

Ее похоронили на церковном дворе Легиттена. Ее внучка Лили (1865-1916) вышла замуж за социального политика Генриха Брауна в 1903 году и поставила своей бабушке литературный памятник, в котором также чутко описывается жизнь в Лаблакене (Лили Браун, «В тени титанов» из воспоминаний баронессы Дженни фон Гуштедт).

Внучка Лили Браун (1865 – 1916) была писательницей и феминисткой.

Дженни даже в последние годы своей жизни пыталась заниматься социальной помощью, она основала детский сад и заботилась о матерях-одиночках – в то время в её кругах Дженни больше осмеивали, нежели признавали. На её духовную жизнь сильно повлиял Веймар, Гёте и французская революция.

О её незаконном происхождении, как дочери Жерома Бонапарта умалчивали – даже в воспитанном веймарском обществе, в котором она жила в интернате в качестве воспитательницы внуков Гёте и будучи придворной дамой при веймарском дворе до своего замужества с Вернером фон Гуштедтом.

В поместье Гарден она посвятила себя просвещению сельского населения и заботилась о брошенных детях. Также позднее в поместье Розенберг она, как владелица поместья, считала своей задачей заботиться о здоровье, благосостоянии и образовании бедного сельского населения – наряду с воспитанием и заботой о её 5-ти детях и внуках. Двое её детей умерли в молодом возрасте и своего мужа она пережила на 36 лет. В поместье Лаблакен она переехала в 1883 году, чтобы быть поближе к своим детям, да и к тому же у неё не было достаточно средств, чтобы содержать большую квартиру в Веймаре для визитов её семьи, так как она должна была финансировать расточительный образ жизни своих сыновей на военной службе.

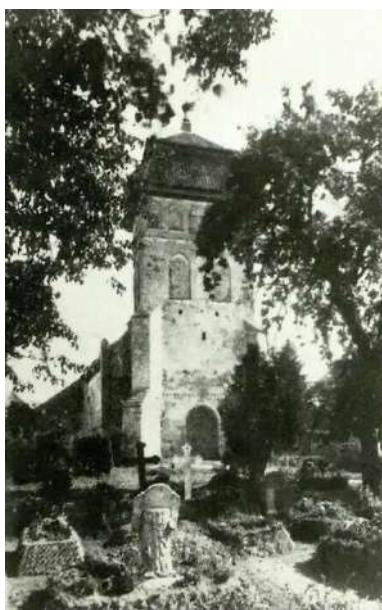
Её счастьем в конце жизни была её внучка **Лили фон Браун**, выступавшая за права женщин и писательница 19 века, которая опубликовала свою переписку и изобразила свою жизнь в книге «В тени титанов» (вышла в 1910 году в немецком издательстве г. Штутгарда). В ней баронесса нашла родственную душу, чего не было с остальными родственниками в Лаблакене.

Дженни фон Гуштедт умерла в июне 1890 года в поместье Лаблакен, похоронена у кирхи Большого Ордена в Гросс Легиттен (пос. Тургенево). На месте, где она была похоронена, стоял чугунный литой крест с надписью: «Мир мой дам я» – цитата Гёте. Признание она нашла позднее, в 1938 году, благодаря Кёнигсбергскому обществу им. Гёте, которое посвятило ей памятную доску у кирхи Гросс-Легиттен. К сожалению, в настоящее время есть только фундамент от чугунного креста.

И, наверное, можно предположить, что делом просвещения сельского населения баронессы в Лаблакене стала двухклассная деревенская школа в имени Анненхоф, здание которой существует до сих пор в Никитовке. Последним директором школы был главный учитель Фриц Адлофф.

По материалам статей сайтов <http://ostpreussen.net>,
[https://ru.wikipedia.org/wiki/Мария_Павловна_\(1786—1859\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Мария_Павловна_(1786—1859))
<https://diafilmy.su/5415-veymarskie-klassiki.html>

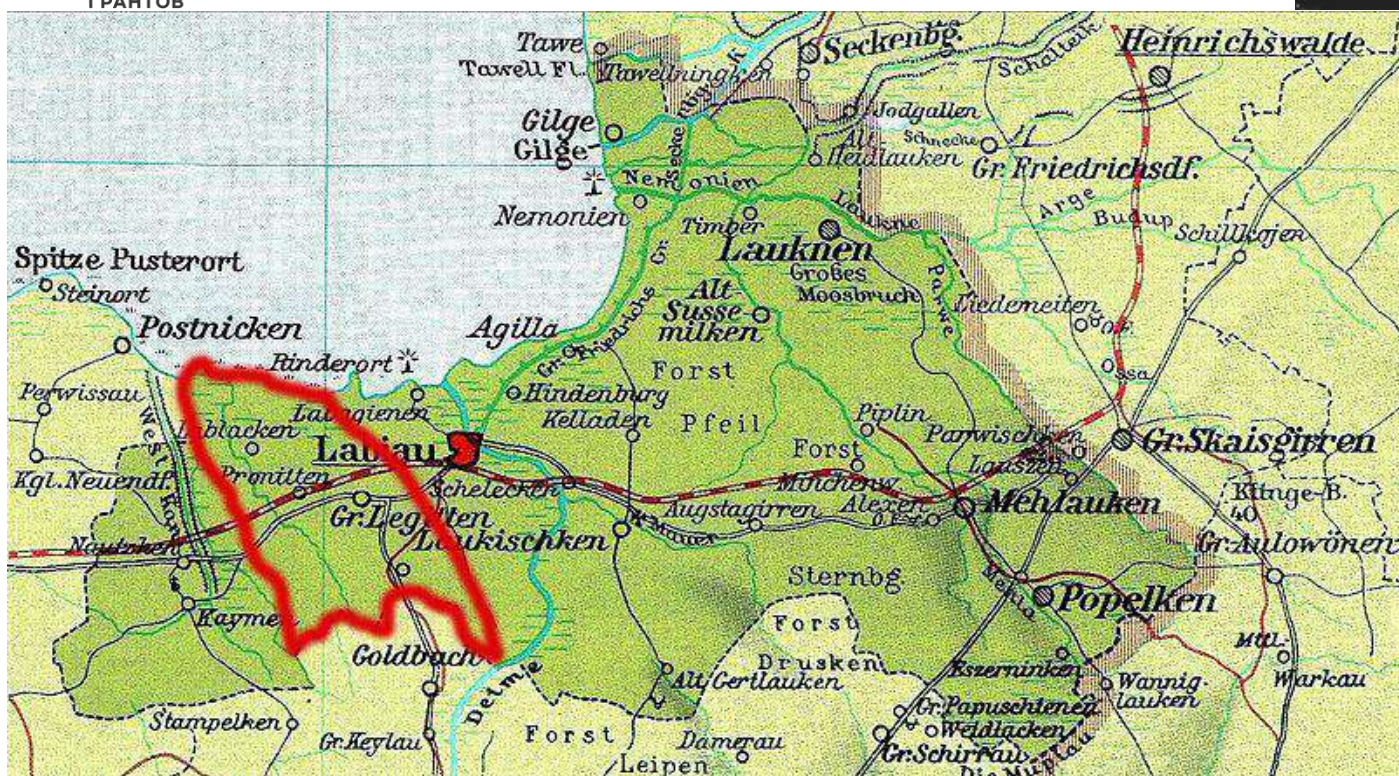
К сожалению, отсутствует подробная история строительства церкви в Гросс Легиттене, к тому же потерялись к концу войны церковные книги и архивные документы Кёнигсберга, так что судить о культурном достоянии Восточной Пруссии можно только на основе различных общих источников.

Складывается следующая картина: немецким рыцарским орденом на месте древне-прусских погребений вначале была построена деревянная церковь. Между Тургенево и Малая Липовка простирался лес, который и пошёл на строительство церкви, и, к слову сказать, язычество ярко проявлялось и при христианстве, частые попадания молний в это место позволяют предполагать, что там был источник, которому поклонялись древние жители. После разрушений этой первой деревянной церкви между 1330 и 1340 годами была построена каменная церковь. Первое документальное упоминание о ней относится к 1337 году. Начало строительства нынешней каменной церкви датируется 1400 годом. Эта была простая постройка из кирпичей, плоские стены хор и толстые у башни свидетельствуют, что эта церковь наряду с религиозной миссией была задумана как убежище от внешних врагов. С башни можно было видеть далеко вокруг, по кирпичам можно заключить, что хоры, остов (опоры основания) и башня церкви были сооружены одновременно. Архитектор предусмотрел оптическое увеличение объёма постройки – хоры и основной свод церкви расширяются на восток.

До 16 века у церкви была плоская крыша, которая потом была заменена на готический нервюрный свод – обратите внимание, на задней стенке с хоров видны два изгиба, сохранившейся основной церкви лишь только угадываются очертания рёбер. При возведении свода старые окна частично были заделаны, другие были пробиты вновь.

Восточный фронтон очень прост и отделан крышей – козырьком и образует маленькую нишу. Внутри и снаружи столбы – колонны для поддержания дополнительного веса сооружения.

Церковь была центром очень большого прихода, который простирался от окружной границы сельского округа Кёнигсберга и до Велау (современного Знаменска), от Лабиау (города Полесска) и до Куршского залива. Церковь находилась под королевским покровительством и патронатом владельцев имения Лаблакена, кроме приходского земельного угодья и сада она получила ещё 2 акра земли.

По воскресеньям после дня Святого Михаила (21 ноября) в Гросс Легиттен проходили ярмарки до 17 столетия.

Во времена Реформации проповеди были переведены на старо-прусский язык, почти столетие, между 1620 и 1725 годами, сюда приезжали литовцы, они имели право проводить службу на своём языке. Лишнее церковное оснащение в результате Реформации пришлось сдать герцогу Альбрехту в Кёнигсберг. Церковь имела в своём владении только позолоченную чашу 1650-го года и серебряный кувшин для

вина, изготовленные в более древние времена. Самая ранняя постройка была выполнена Кёнигсбергским архитектором Исааком Ригой в 1690/1698 году. Церковная кафедра, алтарь, место для исповедания и крещения были датированы 1700 годом и были разного качества; церковная кафедра и алтарь были расписаны в 1690-е годе художником Готфридом Газргаузенем.

В 1772 году молния ударила в башню, в результате чего загорелась церковная крыша, и все 3 колокола были разбиты. С тех пор башня имела двойную крышу.

Внутренний интерьер и орган церковь получила в 1861 году, картину-портрет заслуженного пастора Хуна, выполненный маслом, – в 1863, к 50-летию его службы в церкви. В 1890 году снаружи на северной стороне церкви была установлена скромная памятная доска в честь Дженни фон Гуштедт из Лаблакена, которая была и похоронена на этом кладбище.

В 1946 году Гросс Легиттен был переименован в Мордовское, Йегер Тактау – в поселок Тургенево. В начале 1990-х годов поселки были объединены под общим названием Тургенево.

Эта церковь у дороги благополучно пережила войну. После войны колокол был снят и установлен для сигнала о начале рабочего дня колхозников.

После использования церкви в течение некоторого времени в качестве сельскохозяйственного склада колхоза – миллионера, гремевшего своими урожаями на всю область, постройка разрушилась. В 1980 году провалилась крыша и свод над хорами, камни растащили, и можно было предвидеть, что вскоре только жалкие остатки стен будут смотреть в небо.

Живописно выглядели руины за красивым лесными буками, выросшими между тем на бывшем немецком кладбище, которое природа отвоевала себе обратно. Рядом всё ещё продолжают хоронить умерших, так что это место частично сохранило своё предназначение.

Небольшая группа бывших жителей церковного прихода Легиттен объединилась с целью сохранения этой церкви. Совместная культурная работа между русскими и немцами началась с реставрации Кёнигсбергского Собора в Калининграде на острове Канта и в других местах области.

Председатель Фонда поддержки Гросс Легиттена госпожа профессор Маргаретт Пульвер в память о баронессе Дженни фон Гуштедт инициировала сбор средств на восстановление ажурного чугунного креста для поддержания её признания, которое в 1938 году, благодаря Кёнигсбергскому обществу им. Гёте, было отмечено у стен кирхи.

Церковь в Гросс Легиттене является единственной из 11 церквей района Лабиау, которая на сегодняшний день используется для богослужения после значительных восстановительных работ, потребовавшихся ей. Она невредимой пережила 2-ю мировую войну и в советское время использовалась в качестве хранилища зерна примерно до 1984 года. Разрушаться стала церковь стремительно после удара молнии, разрушив крышу. Анатолий Бахтин в своей книге „Церкви

Северо-Восточной Пруссии“ предлагает другую версию: во время боев 1945 года кирха не пострадала, послевоенные годы использовалась сначала в качестве клуба, затем – зерносушилки, в конце 1960-х годов была заброшена и начала разрушаться, в 1975 году дети устроили костер, который привел к пожару, уничтоживший чердак и части свода.

Церковь сейчас находится в списке памятников культуры Постановлением Правительства Калининградской области от 23 марта 2007 года № 132 получила статус объекта культурного наследия регионального значения. В настоящее время – действующая лютеранская церковь. Но для этого были предприняты интенсивные усилия по её сохранению, с 2010 года она была передана в распоряжение Русской Православной Церкви. Между тем, церковный приход стремится стать местным культурным центром с духовно-религиозным назначением для нескольких конфессий, не только православных или только лютеранских.

Первые попытки строительных мероприятий начались в 1990-е годы, когда область стала открытой для посещений иностранцами: расчищен участок, установлена крыша по длинному нефу и башне – правда, из оцинкованного листа, планировалось позднее покрыть листы в красный цвет, который издали очень похож на черепичную крышу. С 1996 по 1998 годы на пожертвования бывших жителей, Диякония Дюссердольф, Землячества Восточных Пруссков и Лабиау, а также Министерства внутренних дел Германии была проведена консервация кирхи. Было собрано более миллиона немецких марок. На 1999 год планировалось законсервировать своды и элементы алтарной части хора, отремонтировать потолочные перекрытия центральной части кирхи. Но, несмотря на это, спустя год начали разрушаться законсервированные контрфорсы и другие детали кирхи. В 2004 году вновь были проведены повторные работы по консервации.

На вывеске перечислены все благодарители, а надпись на памятной доске гласит:

"Тем, кто здесь жил – в память;
Тем, кто здесь живет – в наследство".

14 июня 2004 года Пробст (глава евангелической церкви Калининградской области) Остервальдер смог открыть церковь к 10-летию юбилею местной церковной общины.

Новые предметы интерьера, такие как алтарь, небольшая кафедра, фисгармония и т. д. вновь оказались в церкви, даже триумфальная (делившая центральную часть и алтарную) балка была снова установлена.

Расположенное вокруг церкви старое немецкое кладбище было приведено в порядок насколько это было возможно. Многие обнаруженные захоронения,

которые вновь со временем обнажаются, следует упокоить в соборной могиле. Как посвящение Германии и России на памятном камне, подаренном г-жой Анни Лор Лемке и г-жой профессором доктором Маргаретт Пульвер и установленном 27 июля 2008 года недалеко от места захоронения Дженни фон Гуштедт, прикреплено посвящение: „Здесь покоятся наши мертвые“. Памятный камень – это находка из поселка Гросс Легиттен, его обработали силами местного муниципалитета. При расчистке кладбищенского двора была обнаружена могильная плита графа Густава фон дер Тренка, захороненного у стен церкви ещё в 18 веке, но, к сожалению, она вновь исчезла в 2000-х годах.

В конце 2000 года была выкуплена большая часть бывшего приходского дома рядом с церковью, с целью проведения богослужений, в том числе и зимой, вести контроль над ремонтными работами и следить за состоянием кирхи. В доме установлены центральное отопление, теплоизоляция и стеклопакеты. В 2002 году в здании было проведено первое богослужение и служит общественным центром. Первое время **смотрителем кирхи**

стал Сергей Молодавкин, этнический немец, приехавший в Калининградскую область из Казахстана, к сожалению, события 2020 – 2021 годов не пощадили отважного помощника госпожи Маргаретт Пульвер. Благодаря ему в посёлке была организована лютеранская община, состоявшая изначально из казахстанских немцев, он так и не бросил кирху: *«Она заноза в моём сердце...»*

Сейчас можно посетить церковь в посёлке Тургенево, предварительно позвонив Антонине Николаевне, и познакомиться с этапами восстановления старинного и легендарного прихода на установленных внутри стенах.

Госпожа Пульвер на восстановление кирхи Гросс Легиттен пожертвовала свои личные сбережения: продала дом, купив маленькую квартирку, основные деньги передала на оплату строительных работ и покупку

материалов. Её имя носит дом Евангелистическо-Лютеранской общины в Тургенево.

По материалам статей сайта <http://ostpreussen.net>

После окончания Первой мировой войны в память о погибших воинах и жителях прихода Гросс Легиттена на северной стене кирхи был установлен Памятник.

Памятник представляет собой скульптуру солдата, держащего перед собой каску. Скульптура из камня высотой 2 метра установлена на каменной консоли, под которой находилась табличка с надписью на немецком языке: "Они погибли не зря 1914-1918". Памятник поврежден, голова солдата и табличка утрачены, ремонтно-реставрационные работы не проводились...

Итак, до Полесска 7 км, до Орлиного моста через Дейму 8 минут езды. Мы в Полесском районе – районе каналов, дамб и наводнений.

Почвы Полесской и Славской низины образованы наносным путём, а не путём обычного выветривания. Воды механически воздействовали на создание почв. Они образовались в результате ледниковых и межледниковых периодов, состоят из песка и соединений различных глин. Эта земля – дно древнего моря Юрского периода, поэтому здесь всё время перемежаются то болота, то плодородные земли, то песок, то глины, то известняк.

Все эти слои лежат вперемешку, не сообразуясь с какой-либо последовательностью. Каждый отдельный участок этой земли показывает эту мешанину. Тем не менее здесь находились одни из плодороднейших земель Пруссии. И здесь же наибольшая площадь болотных массивов.

Населённые пункты размещены на островах старого аллювия – на террасах из отложений твёрдых частиц. Частицы постепенно оседали на поверхности пойменных почв во время потоков паводковых вод. От этих паводковых набегов люди защищались как могли и при этом отвоёвывали себе земли у моря и болот.

Территории польдерных земель стали первыми, где построили защитные дамбы и создали комитеты по защите от наводнения. В самом начале строительство защитного вала в XVII веке население осуществляло самостоятельно. Каждый строил свой участок дамбы и только в начале XVIII века строительство дамб взяла на себя провинциальная администрация. Тогда-то и был образован первый Союз защиты от

наводнений. А до его создания на население возлагалась обязанность самостоятельно и немедленно поставлять всё необходимое для проведения трудоёмких и опасных работ в случае наводнения или прорыва дамбы – солому, землю, колья, фашины, мешки с песком, людей...

После создания комитета по защите от наводнения население освободили от требуемых обязательств и ввели специальный налог, который поступал в соответствующий комитет по защите от наводнений. За счёт него проводились соответствующие защитные работы.

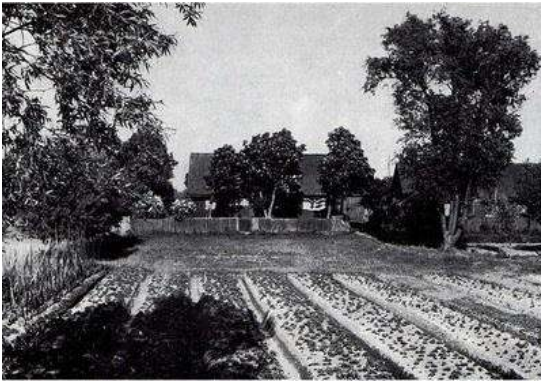
В соответствии с прогнозами синоптиков, которые непрерывно вели наблюдения за погодой, специальный чиновник следил за уровнем воды и за необходимостью проведения тех или иных защитных мер, а комитет по защите от наводнений строго регулировал все эти работы. В период ледохода особые команды очищали русло рек ото льда.

Администрация округа провинции вычисляла возможные затраты, учитывала денежные резервы, распределяла всю работу строго по каждому населённому пункту.

Но ранее допущенные ошибки при сооружении защитного вала и дамб, когда каждый строил как мог, не были исправлены. Поэтому иногда здесь всё-таки бывали сильные наводнения. Огромные потоки водной массы, проходившие ранее по этой местности стихийно, собрали воедино, строго регламентировали их движение шлюзами, частично насосами и специальными станциями, отводящие дождевую воду и воды весеннего паводка. Но чтобы

защититься от набега воды, приходилось снова и снова наращивать высоту дамбы и укреплять её. Одновременно проводились работы по осушению земель. Теперь эти работы стали проводить, используя всевозможные технические сооружения. Строительные работы по осушению обходились дорого. Население испытывало нужду. Администрация часть затрат брала на себя.

Трудности смягчала полученная в последующем польза. Многие осушенные земли оказались очень плодородными и вскоре стали приносить хорошие доходы. Изменился образ основного занятия жителей. Главной отраслью стала не продажа сена, а зерновое хозяйство. Появилась возможность улучшать свой быт. Населённые пункты стали выглядеть более приветливо. Выросли большие усадьбы в современном на то время стиле,

утопающие в тени садов. Прежние заболоченные земли превратились в ухоженные плодородные поля и пастбища, где пасся великолепный скот.

Обычно наводнения случались в период межсезонья, ранней весной или ранней осенью, когда лёд не держит не только лошадей, но и людей. Шактарпс – «между веток» – так называли местные жители период наводнения, потому что в эти дни можно было пройти только по проложенным на дорогах ветвям.

В самых низинных местах строили дома на деревянных сваях. Бывало, что деревни в межсезонье полностью стояли оторванными от внешнего мира. Жители не могли заниматься своим основным промыслом – рыболовством. Если шактарпс затягивался, то возникал голод, нужда, болезни, отсутствие топлива и другие сложности... Иногда усопших не было возможности захоронить, и целыми неделями их тела лежали на земле, ожидая своего погребения.

Надеемся, что мы немного раскрыли характерные особенности земель Полесского района, а впереди нас ждёт Дейма.

Дейма в официальных документах называется не рекой, а рукавом реки Преголи, её северное направление, формирующееся перед г. Гвардейском. Это в обиходе Дейму называют рекой.

Свои 37 км Дейма протекает по территории Гвардейского и Полесского районов Калининградской области.

Дейма – типичная равнинная река. Глубина колеблется в пределах 2,0 – 3,0 м. В среднем ширина реки до г. Полесска составляет 50-70 м, в устье – 80-100 м. Дно реки местами илистое и глинистое. На всем протяжении долина Деймы имеет типичный трапецевидный профиль.

Берега низкие, местами заболоченные, с развитой сетью мелиоративных каналов. Дейма постоянно заливается не только в период паводков и половодий, но и при нагонах воды из Калининградского залива. Предельная равнинность и малые уклоны привели к активному заболачиванию поймы и интенсивному торфонакоплению. Леса в бассейне реки встречаются в основном в верховьях и на поймах.

Ледостав устанавливается обычно во второй половине декабря (ранние сроки – середина ноября, поздние – третья декада января – первая декада февраля). Частые оттепели в отдельные зимы приводят иногда к очищению от ледостава. Толщина льда у Полесска может достигать 56 см.

Весеннее половодье на Дейме начинается в начале марта (ранние сроки – конец января, поздние сроки – начало апреля). Продолжительность половодья в среднем составляет 40-50 суток, на него влияет подпор из Куршского залива. В среднем около 50% годового стока дождевых паводков приходится на весеннее половодье, 30–40% – на летне-осеннюю межень, 10–20% – на зимнюю межень,

однако, в годы с низким половодьем доля стока может превышать 50%.

Для Деймы, как и для Преголи, характерны нагонные явления при соответствующих направлениях ветров. Но, поскольку русла двух рукавов Преголи расходятся под прямым углом, либо одно, либо другое может обеспечивать частичный отток нагонной воды.

Слева в Дейму впадает р. Славинка, справа – реки Осушинка, Полянка, Каменка, Ильичёвка и Полесский канал.

Река Дейма на всем своем протяжении судоходна. Она соединяется сетью судоходных каналов с рекой Неман. Эксплуатацией реки занимается Гвардейский район водных путей и судоходства.

Использованию Деймы в качестве водного пути придавалось большое значение со времён прихода в Восточную Пруссию Немецкого ордена, которому необходим был выход в залив и к реке Неман.

Дноуглубительные работы начались уже начиная с XIV века. Позднее часть Деймы получила искусственное русло, как в районе современного Полесска, так и непосредственно у истока. В районе Гвардейска русло было перенесено на то место, где сегодня стоит замок. Прежде же исток Деймы находился в паре км восточней. Был также период эксплуатации Деймы, когда существовали четыре деревянных шлюза.

Интересными туристическими достопримечательностями на берегах Деймы являются объекты археологического наследия и объекты военной фортификации.

На левом берегу, напротив впадающей по правому берегу реки Осушинки, находится первый из череды расположенных недалеко друг от друга вдоль Деймы объектов археологического наследия: курган «Заборье-I». Этот и последующие объекты археологического наследия (городище «Заборье-II», городище «Поддубное»), к сожалению, не имеют пока туристической навигационной информации. Подход к ним придётся искать самостоятельно. Немецкое название кургана «Заборье-I» – Gr. Schleuse (Runde Berg) в переводе означает Большой шлюз (Круглая гора). На этом месте на Дейме стоял когда-то один из четырех шлюзов.

Вдоль всего левого берега Деймы расположены остатки десятков взорванных бетонных укреплений линии обороны «Дайме» времён Второй мировой войны, что может быть интересно интересующимся вопросами военной фортификации.

Крупные населённые пункты расположены у истока и возле устья Деймы. Это города Гвардейск и Полесск, каждый из которых имеет свои достопримечательности. Общим для обоих городов является наличие остатков замков Немецкого ордена, построенных когда-то прямо на берегу Деймы.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 006516
Labiau, Kreis Labiau, MT11092-1. Schloss I. (1925-1935), © Wege Nachf., Labiau

В Полесске от Деймы отходит направо Полесский канал – начало водного пути, соединяющего Дейму с рекой Неман.

Для обеспечения судоходства на реке Дейме построено три разводных моста.

Два автомобильных — в городах Гвардейске и Полесске. На автомобильной трассе А-229 Калининград-Вильнюс на объездном участке у Гвардейска построен неразводной мост с четырёхполосным движением.

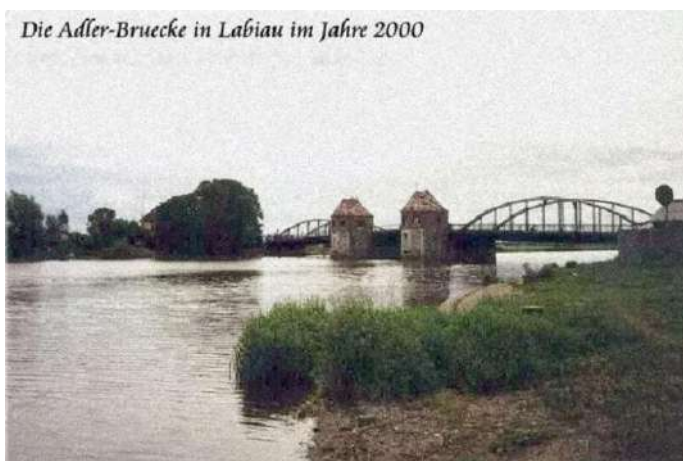

Один железнодорожный разводной мост у Полесска, который необходимо разводить для прохода любых, даже небольших судов.

По материалам статьи сайта https://istok39.ru/reka_deyma

Мост ADLER BRUECKE – «Орлиный мост», 1919 – 1922 годов постройки. Трёхпролётный. Разводной. Длина 106 метров.

Настоящее украшение Полесска. Наше логическое завершение путешествия по левому берегу реки Дейма с приглашением к дальнейшему путешествию по Крайс Лабиау.

Почему мосту дали название Орлиный? Наверное, две симметричные арки над его пролётам напоминали горожанам два раскинувшихся орлиных крыла над Деймой? Может быть... Орлы и по сию пору встречаются в этих местах, а вот арки демонтировали. На довоенных фотографиях и снимках до 2000 года они видны, ...ну хоть название сохранилось. Табличка, впрочем, тоже.

Адлер – брүүкке один из немногих примеров нормального отношения к историческому наследию края. Когда сохранять, значит преумножать, чтобы бы чувствовать себя хозяином, а не переселенцем.

Работа подготовлена координатором проекта «История. Люди. Память» – Эммой Басовой.